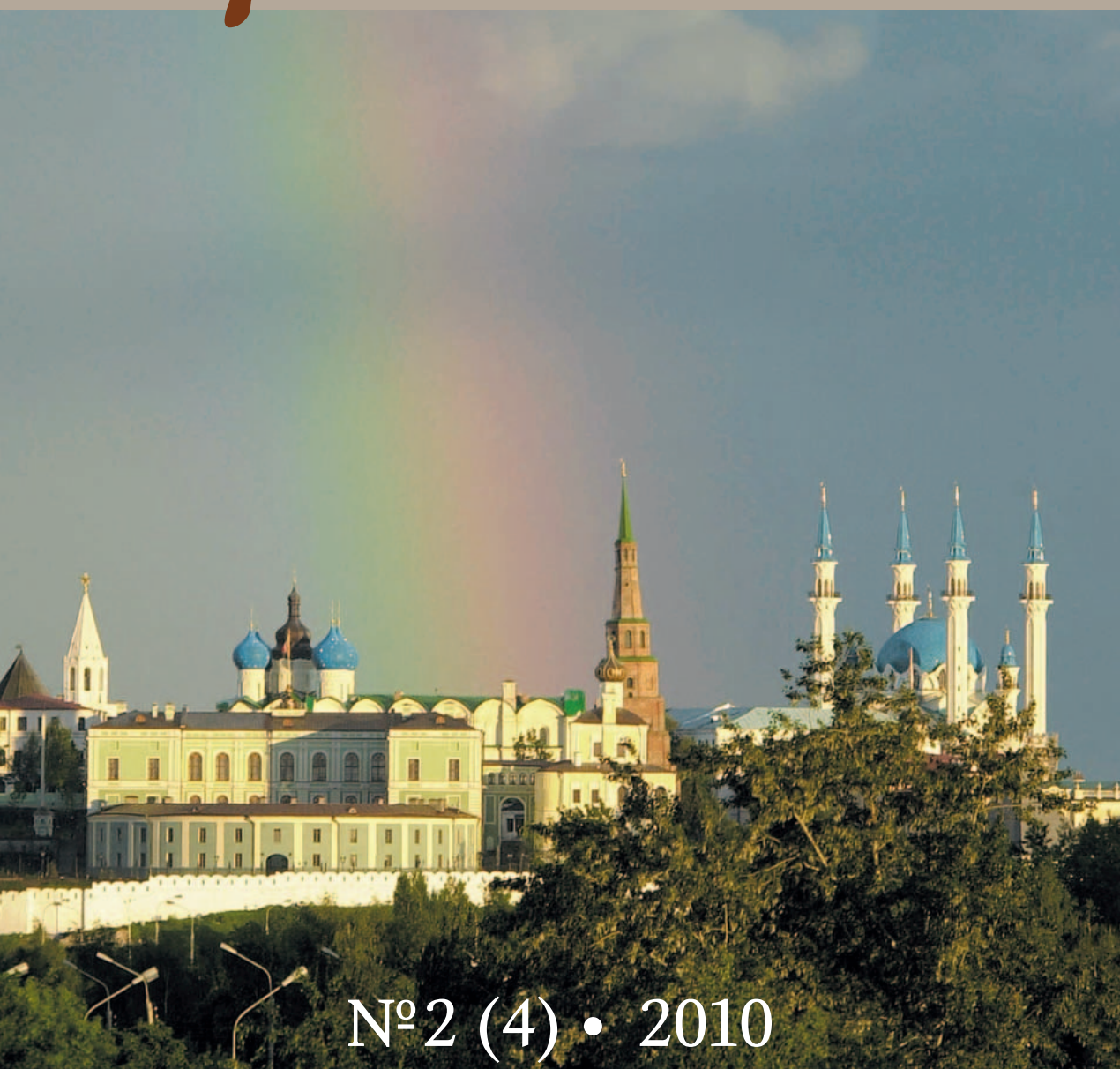

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№2 (4) • 2010

БУЛГАР

ИХ ТАС КҮҢЕЛДЭН • ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К ДУХОВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 2(4) • 2010

Нет школ никаких.

Только совесть

Да кем-то завещанный дар...

Владимир Соколов

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
литературного альманаха
«АРГАМАК — ТАТАРСТАН»**

Ильдар Халиков — Премьер-министр Республики Татарстан.

Ильфак Ибрагимов — председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;

Марат Муратов — руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Иван Переверзин — председатель правления
Международного сообщества писательских союзов;

Светлана Василенко — первый секретарь правления
Союза российских писателей;

**РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха
«АРГАМАК — ТАТАРСТАН»**

Николай Алешков (*Набережные Челны*)

Николай Беляев (*Владимирская область*)

Наталья Вердеревская (*Елабуга*)

Лилия Газизова (*Казань*)

Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)

Владимир Ермаков (*Орёл*)

Сергей Кузнечихин (*Красноярск*)

Михаил Кураев (*Санкт-Петербург*)

Владимир Леонович (*Кострома*)

Рамиль Сарчин (*Казань*)

Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Учредитель
ОАО «ТАТМЕДИА»

Издатель Татарстанское отделение
Союза российских писателей
и Союз писателей Республики Татарстан

Главный редактор Николай Алешков

Заместители главного редактора Ольга Кузьмичёва-Дробышевская,
Вера Хамидуллина

Редактор-корректор Алла Орехова

Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов

Художник Ольга Белова-Недовизий

Секретарь Марина Конюхова

Фото на обложке Михаил Медведев

ХРОНИКА ЭТОГО ГОДА

17 февраля подписан Указ Президента Республики Татарстан «О создании республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан». В перечень объектов истории и культуры Республики Татарстан, финансируемых в первоочередном порядке, включены: **Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник; Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск».**

20 марта в Казани в КРК «Пирамида» прошла презентация республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры. В мероприятии приняли участие Президент Республики Татарстан Минтимер Шаймиев, архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий, Премьер-министр Татарстана Рустам Минниханов, Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин.

В презентации Фонда также приняли участие члены Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ, депутаты Государственной Думы России и Государственного Совета Татарстана, члены Кабинета Министров РТ, руководители территориальных структур органов государственного управления Российской Федерации по ПФО и Республике Татарстан, ответственные работники аппаратов Президента, Государственного Совета, Кабинета Министров РТ, главы муниципальных образований, руководители общественных объединений, национально-культурных автономий, предприятий и организаций республики, представители банковской системы, туристического бизнеса, религиозных организаций, средств массовой информации, ректоры вузов и др.

Мероприятие началось с презентации эмблемы фонда «Возрождение». Его логотип вписан в лаконичную форму стрельчатой арки, призванный обозначить, что действие фонда происходит в Татарстане — республике с восточными традициями. Одновременно это щит — самый распространённый геральдический образ. В это обрамление вписаны две зеркально-симметричные стрельчатые арки, внутренний абрис которых у левой — треугольный, ассоциативно отсылающий нас к завершению купола Северного мавзолея в Болгаре — он символизирует памятники истории и исламской культуры, у правой — полукруглый, ассоциирующийся с куполами православных храмов, в частности, собора Всех скорбящих радости в Свияжске.

В своём выступлении на презентации генеральный директор ОАО «КАМАЗ» Сергей Когогин отметил, что есть такие дела, от которых нельзя отстраниться, и призвал всех поддержать инициативу Президента РТ по возрождению Болгара и Свияжска. Генеральный директор ООО «Бахетле» Муслима Латыпова заявила, что перечислит 1 млн. долларов на восстановление объектов, на которые укажет фонд «Возрождение».

200 млн. рублей перечислит в фонд ОАО «Татнефть» в 2010 году, и столько же — в 2011 году. Об этом заявил на презентации заместитель гендиректора общества Рустем Мухамадеев.

С видеообращением в поддержку фонда выступил на презентации директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский. По его словам, сохранение культурных памятников на территории республики важно не только для Татарстана, но и для всей России. Проект возрождения Болгара и Свияжска — это хороший образец для других регионов России. Михаил Пиотровский пожелал успехов фонду «Возрождение».

От имени татарстанских ветеранов на презентации выступила Валентина Перфильева — одна из первых перечислившая средства в фонд. По её словам, ветераны приветствуют и поддерживают инициативу Президента РТ по созданию фонда «Возрождение». «Всем миром мы сумеем возродить Болгар и Свияжск», — уверена Валентина Перфильева.

В своём выступлении на презентации Премьер-министр РТ Рустам Минниханов отметил, что создание фонда — это серьёзный шаг в деле возрождения культурного наследия. Проект потребует много сил и финансовых ресурсов. Правительство РТ выделило 400 млн. рублей в рамках софинансирования

фонда, и эти средства уже перечислены. В рамках двух инвестиционных программ по дорожному и жилищному строительству также предусмотрено по 200 млн. рублей на эти цели. Идёт большая работа по привлечению федеральных средств. Подготовлена директива участия в проекте тех компаний, в которых есть доля государства.

«Сегодня стартует очень серьёзная и большая программа. У меня нет никакого сомнения в том, что этот проект будет успешным и у нас всё получится», — уверен Рустам Минниханов.

Фонд образован в целях организации содействия возрождению и развитию памятников истории и культуры республики, сохранению и развитию исторических, культурных и духовных традиций многонационального народа Татарстана, национально-культурной самобытности татар, а также для привлечения необходимых для этого финансовых ресурсов.

Ниже мы публикуем речь Президента РТ Минтимера Шаймиева на презентации.

Возрождение сокровищ отечественной культуры — наш священный долг

Хөрмәтле ватандашлар!

Уважаемые участники презентации!

Все мы находимся под впечатлением от только что увиденного. Разные чувства переполняют каждого из нас. С одной стороны, безусловно, боль за утраченное, с другой — радость за возможность возрождения. Речь идёт о культурных ценностях нескольких поколений. Поневоле задаёшься вопросом: сумеем ли мы у себя в Татарстане сохранить такое наследие, возродить наши национальные культурные памятники, имеющие на сегодня общероссийское значение. Возможно, в будущем — и мировое значение, так как нами ведётся работа по включению их в перечень памятников ЮНЕСКО. Я имею в виду, прежде всего, древний город Булгар и остров-град Свияжск... История Болгара и Свияжска достаточно известна.

Оба памятника расположены на берегу Волги в красивейшем месте, на перепутье туристических маршрутов. Именно на территории Булгар в 922 году был принят ислам как государственная религия, это произошло за несколько десятков лет до крещения Киевской Руси. Здесь творили учёные и поэты. История сохранила имена таких выдающихся людей, как поэт Кул Гали, учёный-историк Якуб ибн-Нугман, философ Хамид аль-Булгари. Пётр Первый, когда двинулся походом на Азов, специально сделал остановку, чтобы увидеть булгарские памятники. Они настолько его впечатлили, что он издал Указ об их восстановлении. Булгар посетила и императрица Екатерина II. Архитектурные памятники X-XIII-XIV веков можно увидеть и в современном Булгаре. Это и Соборная мечеть, Восточный и Северный мавзолеи, Ханская усыпальница, Малый Минарет, Чёрная палата, Белая палата, Ханская баня и ряд других археологических объектов.

Для российских мусульман Булгар — святое место. Это крупный центр паломничества.

В Булгаре, по свидетельству источников, похоронен один из сахабов (сподвижников) пророка Мухаммеда. Будет правильно, если мы на этом месте установим

памятный знак. На протяжении столетий мусульманство было основой житейского уклада, народной морали и нравственности, стержнем образования и культуры...

Возникла интересная идея, связанная с созданием там «Музея хлеба». Наши предки были не просто кочевниками, но и строили города, занимались земледелием. По археологическим материалам это началось ещё в бронзовом веке.

Свияжск — уникальный историко-культурный памятник, национальное достояние всей России, донесший через четыре с половиной столетия до наших дней общекультурное наследие. Современный остров-град имеет несколько историко-культурных пластов, которые начинаются задолго до появления Ивана Грозного. Сама река Свияга — уникальное явление, где сохранились даже стоянки первобытного человека. Далеко не все знают, что река Свияга берёт начало на территории Ульяновской области, которая находится ниже по течению Волги, а впадает в Волгу около острова Свияжск, находящейся выше по течению. Чем не загадка для туристов?

Архитектура острова Свияжск ведёт начало с 1551 года. К сожалению, из древних соборов и монастырских построек того времени сохранилось далеко не всё, но всё же можно увидеть уникальную деревянную Троицкую церковь, удивительные росписи Успенского собора, созданные руками выдающихся мастеров середины XVI века. Значительный интерес представляют и другие храмовые ансамбли, например, церковь Святого Сергия Радонежского, построенная при правлении Бориса Годунова. В своё время в г. Свияжске побывали: императрица Екатерина II, императоры: Павел I, Александр I, Николай I, поэт А.С. Пушкин, писатели Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. А Герцен и Радищев побывали не по своей воле. С иной миссией был там Троцкий, Демьян Бедный и другие. Пройдя по улицам и площадям Свияжска, можно представить себя гостем типичного уездного городка с его присутствиями, лавками, усадьбами. Остров Свияжск без преувеличения можно назвать жемчужиной Поволжья...

Сегодняшние Болгар и Свияжск — это живые свидетели былых времен. Многое здесь надо обустроить, создать нормальные условия для жителей, реставрировать памятники, сделать их доступными для туристов, поток которых растёт уже сегодня.

ня. Нам нужна инфраструктура с тем, чтобы это приносило доходы в республиканский и местный бюджеты. Так работают во всём мире.

Наша стратегическая цель состоит в том, чтобы комплексы исторических памятников Булгарского государства (Биляр, Сувар, Чистополь и другие), града Свияжск стали общим достоянием. Болгар как первая столица Золотой Орды, история реки Свияги, архитектурные сооружения Свияжска стали отражением истории и символами традиций нашего края.

Нам выпала историческая миссия сохранить то, что у нас есть, возродить и передать будущим поколениям. Восстановление исторического облика архитектурных ансамблей Болгара и Свияжска станет крупнейшим совместным проектом государства, бизнеса, религиозных организаций и общественности. Имя которому — «Яңарыш» — «Возрождение»...

У каждого из присутствующих в этом зале, у всех граждан Татарстана есть замечательная возможность принять участие в этом благородном деле, внести свой посильный вклад в воссоздание ценнейших памятников духовности, уникального зодчества, в возрождение исторической памяти.

Как вы знаете, 17 февраля этого года мной был подписан указ о создании специального фонда. В настоящее время осуществляется процедура его регистрации, открыты специальные банковские счета, формируется попечительский совет. Огромную работу в этой части проводит Правительство республики и лично министр культуры Зия Рахмьяновна Валеева. Руководителем Фонда является известная всем нам своей деятельностью в возрождении благотворительности в нашей республике, помощник Президента республики Татьяна Петровна Ларионова. Желаем вам успеха!

Важно отметить, что необходимость восстановления ценнейших памятников Татарстана поддержана высшим руководством Российской Федерации. Финансирование, как мы договорились, будет осуществляться на паритетной основе: половину средств предоставляет федеральный центр, половину — республика. Сами работы и их финансирование потребуют значительных средств и времени, и часть этих средств должны составить благотворительные пожертвования от души, для души.

Проекту будет нужна реальная помощь нашего бизнес-сообщества, который всегда был активным участником республиканских социальнозначимых проектов. В числе потенциальных партнёров проекта «Культурное наследие: древний город Болгар и остров-град Свияжск» мы также хотели бы видеть благотворительные фонды республики, мы рассчитываем на научный и творческий потенциал нашей интеллигенции, надеемся на духовную поддержку религиозных конфессий и уверены в том, что в этом благородном деле примут участие также молодёжные общественные движения, волонтёрские объединения, студенческие трудовые отряды.

У нас с вами есть прекрасный опыт восстановления памятников Казанского Кремля, в частности, Благовещенского собора и строительства мечети Кул Шариф. Значительная часть потраченных средств была собрана в то время благодаря пожертвованиям граждан. Активно участвовал в этом процессе малый и крупный бизнес. Всё это делалось по велению души, и я нисколько не сомневаюсь, что и теперь люди разных национальностей и вероисповеданий дружно откликнутся.

Для ускорения восстановления первоочередных жизнеобеспечивающих инфраструктурных объектов и отдельных архитектурных памятников считаю целесообраз-

ным и рассчитываю на понимание, чтобы более крупные спонсоры, с их согласия, взялись за их восстановление под ключ. Кому какие объекты, мы с вами определимся. И весьма желательно, чтобы эти объекты сдавались за период 2010-2011 гг. Потому что мы должны решить много инфраструктурных задач, надо создать все условия, прежде всего, для тех, кто там живёт.

У нас богатейшее наследие этнических традиций, обрядов, обычаев, художественных ремёсел, национальной кухни. Всё это является неисчерпаемым ресурсом для устройства фестивалей и праздников, ярмарок ремёсел, других мероприятий, которые привлекают туристов, создают рабочие места, а в итоге формируют привлекательный образ нашей родной республики. На этих историко-архитектурных комплексах жизнь должна бить ключом.

Нам необходимо разработать систему поддержки организаций и частных лиц, принявших активное участие в восстановлении памятников истории и культуры, создать механизм поощрения творческих инициатив. Тем более, в настоящее время эта инициатива Президента Российской Федерации обсуждается в Государственной Думе и принята в первом чтении.

Мы утвердили эмблему фонда. Наиболее удачным из представленных вариантов был признан вариант, разработанный известными архитектором и скульптором Забировым Рустэмом Мухамедовичем и Демченко Владимиром Андреевичем. Они оригинально отразили в эмблеме концепцию баланса двух культур и конфессий и память народов нашей республики, воплощённую в памятниках истории и культуры, нуждающихся в защите и возрождении.

Деятельность по возрождению Болгара и Свияжска имеет, что особенно важно, и духовно-воспитательное, образовательное значение, в первую очередь, для нашей молодёжи. Сегодня, в эпоху глобальных изменений, происходящих в нашем сложном взаимозависимом мире, очень важно воспитывать у молодёжи любовь и уважение к родной культуре, ответственное отношение к историческому наследию своей страны. Возрождённые исторические и культурные памятники должны стать центрами духовного притяжения людей во все времена...

Мы с вами едины в стремлении видеть наш Татарстан комфортным, открытым, привлекательным во всём. Несмотря на предстоящую напряжённую работу, уверен, наш совместный благородный труд будет достойно оценён современниками и нашими потомками. Уверен, коль мы взялись — успех придёт, потому что: «Мы можем! Без булдырабыз!»

В добрый час! Хәерле сәгәттә!

25 марта Рустам Минниханов официально вступил в должность Президента Республики Татарстан. Торжественная церемония вступления в должность Президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова состоялась в Государственном Большом концертном зале имени С. Сайдашева.

От имени всех татарстанцев и от себя лично Минтимер Шаймиев поздравил Рустама Минниханова со вступлением в должность Президента Республики Татарстан.

В завершение торжественной церемонии вступления в должность Президента РТ Рустам Минниханов вручил первому Президенту республики Минтимеру Шаймиеву орден «За заслуги перед Республикой Татарстан».

9 апреля на имя Первого Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева поступили многочисленные благодарственные письма за огромный вклад в развитие Республики Татарстан и Российской Федерации, за многолетнее плодотворное сотрудничество.

22 апреля в ходе десятого заседания Государственного Совета РТ четвёртого созыва депутаты татарстанского парламента проголосовали за назначение Государственным Советником Республики Татарстан Минтимера Шариповича Шаймиева.

26 апреля в Казанском Кремле прошла презентация программы реконструкции объектов древнего города Болгар и острова-града Свияжск с участием Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова. Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев высказал мысль о том, что строительство речных вокзалов в Болгаре и Свияжске надо начать немедленно.

28 апреля Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев посетил остров-град Свияжск Зеленодольского муниципального района РТ.

30 апреля. Государственный Советник Республики Татарстан Минтимер Шаймиев посетил с рабочей поездкой город Болгар Спасского муниципального района РТ. Решено установить в Болгаре символ принятия ислама в 922 году.

Древний Булгар

БУЛГАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ историко-архитектурный музей-заповедник — священное для нашего народа место. Здесь возникло одно из первых татарских государств — Волжская Булгария. Здесь более тысячи лет назад наши предки приняли ислам, который потом широко распространился по всему региону между Волгой и Уралом.

Как свидетельствуют археологические находки, булгарская культура сложилась в VII-IX веках нашей эры, а к началу X века относится становление татарской государственности. Это был процветающий, богатый и экономически развитый край. В русских летописях («Повесть временных лет») зафиксирован такой исторический факт. Киевский великий князь Владимир Красное Солнышко, правивший в Киеве с 980-го года, хотел завоевать булгар и сделать их своими данниками. Но после первых же схваток увидел экономическую мощь этого края и отошёл от

своего намерения. По свидетельству летописца, захваченные им в плен болгары «были все в сапогах». Отсюда князь сделал вывод: «Им дани нам не даяти, пойдём искать лапотников». В результате в 1006 году между Киевской Русью и Волжской Булгарией был заключен мир «на вечные времена», скреплённый клятвой с обеих сторон.

В древнем Булгаре было широко развито земледелие, скотоводство, бортничество (разведение пчёл и добыча мёда), рыбная ловля, охота и самые разные ремёсла. Более того, болгары намного раньше, чем в Западной Европе, например в Англии, научились плавить чугун и развивали свою металлургию. Сохранились остатки металлургических горнов, а в местном музее можно увидеть изготовленные болгарскими кузнецами из местного материала железные предметы: котлы, кинжалы, ножи, серпы, косы, сошники, тесла, мотыги, топоры, наконечники копий и стрел и другие предметы.

Более тысячи лет назад здесь находился процветающий город, в котором проживало предположительно до 50 тысяч жителей. Основная часть города была деревянной, но в центре располагались капитальные каменные постройки. Ещё во времена Петра Первого, посетившего эти места в начале XVIII века, здесь насчитывалось более семидесяти капитальных каменных построек, оставшихся с болгарских времён. Сейчас их не больше десятка. Это остатки Соборной мечети, Восточного и Северного мавзолеев, Белой, Чёрной, Восточной и Красной палат, Большого и Малого минаретов, общественных каменных бань и ханских усыпальниц. (Речь здесь идёт лишь о монументальных общественных зданиях.)

Наиболее внушительным архитектурным памятником золотоордынского периода являются остатки Соборной мечети — главной мечети столицы. Это была большая даже по нынешним понятиям (34 на 32 м) зальная мечеть с порталным входом, многорядными опорами и асимметрично пристроенным высоким минаретом. Каменные стены укреплены наружными контрфорсами. Полукруглая михрабная ниша украшена резьбой по камню. В большом зале помещалось несколько тысяч человек.

Предполагают, что, помимо сохранившихся, в городе были и другие каменные мечети, караван-сарай для приезжих купцов из разных стран, ханские дворцы, судные палаты, ремесленные мастерские и богато украшенные дома знати. Сохранились остатки поливных изразцов и цветной майолики, которыми были украшены стены зданий. Внимание туристов привлекает и целая коллекция надгробных камней с очень тонко и художественно выполненной плоскорельефной резьбой.

При внимательном изучении топографии этой местности выявляются следы многочисленных жилых построек — каменных, кирпичных, деревянных, землянок и полуземлянок. Ближе к пристани располагался Ага Базар — шумное торжище, где можно было встретить купцов из разных стран. Неподалеку от него находилась Армянская слобода, где жили мастера из Армении.

При этом Булгар был не единственным городом древнего государства. За последние годы археологами выявлено более 200 городищ, некоторые из которых (например, Биляр) не уступали по размерам Булгару. Но там, где есть города,

есть и сёла. В окрестностях болгарских городов археологами выявлено около 800 древних сельских поселений.

Большинство из сохранившихся монументальных архитектурных памятников Булгара относится к золотоордынскому периоду (вторая половина XIII века — начало XV века).

Булгар примечателен тем, что здесь прослеживается взаимодействие степной кочевой и земледельческой цивилизаций. Есть следы пребывания в этих местах гуннов, сарматов. В какой-то мере чувствуется влияние эллинской культуры Приазовья и Причерноморья, искусства Закавказья и Ирана. Сохранившиеся до наших дней предметы древнего быта (керамическая посуда, светильники, детские игрушки, орудия труда, вооружение, шахматные фигурки и пр.) свидетельствуют о том, что в Булгаре значительных успехов достигла художественная обработка металлов, резьба по кости, гончарное производство и ювелирное дело. Местные мастера применяли чеканку по серебру, гравировку, скань, зернь, художественное литье. Да и монументальная архитектура города привлекает своей орнаментальной насыщенностью. На остатках древних построек можно увидеть крылатых барсов, грифонов, львов, всяких фантастических чудовищ.

Вовсе не случайно Булгар в 1998 году был включён в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Всё это делает Булгар местом притяжения тысяч туристов. Особенно много туристов — десятки тысяч — в летние месяцы, когда сюда прибывают многопалубные теплоходы. Ежедневно по два-три. В книге отзывов музея-заповедника содержатся многочисленные восторженные отзывы об очень содержательных и поучительных экскурсиях.

Началом индустрии туризма в этом крае можно считать 1969 год — год открытия Булгарского заповедника. С тех пор я бывал в этих краях многократно. И каждый раз поражался происходящим переменам. Многие памятники старины подверглись реставрации и частичному восстановлению. Благоустроеннее стала территория заповедника, возникли предприятия сферы обслуживания. В 1992 году из состава местного музея-заповедника выделили Билярский историко-архитектурный и природный музей-заповедник и Иске-Казанский музей-заповедник. Сейчас площадь Булгарского заповедника составляет 550 гектаров, в том числе 505 гектаров — строго охраняемая зона. Основной фонд местного музея превышает 110 тысяч единиц хранения. Это и археологические находки, и нумизматика (одних старых монет здесь хранится более 11 тысяч), и предметы прикладного искусства, и важные исторические документы.

Но Булгар дорог всем нам не только как историко-культурный центр, но и как то место, откуда пошло распространение ислама в Поволжье.

Современные историки, и, в частности, крупнейший знаток истории болгарского периода Равиль Фахрутдинов, считают, что ислам проник сюда из Средней Азии задолго до приезда арабского посольства. В одном из арабских источников X века говорится о булгарах, что «большая часть их исповедует ислам, и есть в селеньях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами». Но официально ислам был принят в 922 году. Именно тогда

предводитель всех болгарских племен Алмас обратился к арабскому халифу ал-Муктадиру с просьбой приобщить этот край к исламу суннитского толка. В ответ на это халиф прислал большое посольство, в составе которого был и летописец Ибн Фадлан. По прибытии посольства Алмас собрал курултай всех подвластных ему племён. На нём ислам и был официально провозглашён государственной религией. Источники сохранили слова болгарского владыки, сказанные на этом курултае: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных».

В память об этом историческом событии мусульмане Поволжья и Приуралья ежегодно 12 или 14 июня съезжаются в Булгар. В эти дни здесь собирается от двенадцати до четырнадцати тысяч верующих. Разбиваются шатры, устраиваются коллективные молебны, произносятся проповеди, поминаются усопшие предки.

Вскоре ислам настолько укрепился в Булгаре, что болгары послали специальную делегацию в Киевскую Русь с предложением приобщиться к мусульманству и славянам. Летописи сообщают, что, узнав о том, что ислам запрещает есть свинину и пить вино, Великий князь Владимир ответил: «На Руси есть веселие пити, не можем без того быти». И отверг это предложение, предпочтя исламу православие.

Идеальный порядок, в котором содержится заповедник, стал возможен во многом благодаря настойчивости, энергии и неиссякаемому энтузиазму директора заповедника Рафаиля Зуфаровича Махмутова. Видели бы вы, как бережно и любовно он относится к каждому памятнику! О любом экспонате музея он может рассказать столько интересного, нового, даже неожиданного, что его слушаешь буквально раскрыв рот. Но больше всего Рафаиль Зуфарович озабочен будущим этого уникального памятника.

— Да, туристов у нас бывает немало. Но это только начало. Мы планируем в ближайшие годы увеличить этот поток в десятки раз. Этому способствует и необычайно удобное расположение нашего музея-заповедника на волжском пути, и его богатое историческое прошлое, и удивительно красивая природа. Вы только посмотрите, какие дали открываются с высокого берега Волги! Виды на Волгу и заволжские луга, на зелень лесов и богатство хлебных нив просто завораживают.

В ближайшие год-два планируется создать специальный туристический маршрут «Серебряная дуга» с посещением не только Булгара, но и других болгарских городищ, таких как Биляр, Сувар, Джукетау и другие.

Что для этого нужно? Научная разработка маршрута близится к завершению. Но потребуются и серьёзные капитальные вложения. В частности необходим стационарный туристический речной причал со всеми вспомогательными сооружениями. Проекты практически готовы, дело лишь за финансированием.

Многokrатно увеличившийся поток туристов потребует и соответствующей сферы обслуживания, что означает занятость для местного населения. Как известно, в древнем Булгаре были широко развиты ремесла — гончарное, ювелирное, кожевенное, столярное и др. Мы планируем возродить эти промыслы, восстановить секреты старых мастеров и открыть на территории заповедника

ремесленные мастерские. Кстати, это не потребует особых капитальных затрат. Более того, сувенирная отрасль, как показывает практика, полностью окупает себя экономически и способна принести немалый доход в районную казну.

Р. Махмутов с гордостью показывает приезжим гостям бесценные экспонаты Булгарского музея-заповедника — золотую, украшенную бирюзой коранницу, височные подвески с уточкой (золото, скань, зернь), нагрудную бляху с изображением дракона — Аждахи, многочисленные ожерелья из цветного стекла, серебряные накладки и другие предметы.

Особую гордость учёного вызывают простые бытовые предметы, на которых сохранились надписи арабским шрифтом. Это говорит о том, что грамотной была не только верхушка, но и простое население Булгара, в том числе ремесленники. На бронзовом замке из Биляра сохранилось даже имя мастера Абу Бекра.

И вообще, по мнению ученого, принятие ислама способствовало расширению не только экономических, но и культурных связей Волжской Булгарии со многими государствами Европы и Азии. В арабских письменных источниках можно встретить сообщения об учёных из Булгара — историках, философах, медиках, юристах. Упоминаются, например, книга «История Булгара», написанная местным автором примерно тысячу лет назад, сочинения по риторике и этике (к сожалению, до нас они не дошли).

Связи эти простирались вплоть до Китая. Несколько лет назад Р. Махмутов ездил в Китай и выступал там на научной конференции с докладом о булгаро-китайских культурных связях. Вначале, по его словам, иные китайские учёные, некоторые из которых впервые слышали о Булгаре, встретили его сообщение скептически. Но когда он продемонстрировал слайды с изображением хранящихся в Булгарском музее китайских фарфоровых ваз и сосудов, показал китайские монеты, о которых не знали даже сами китайские учёные, от этого скепсиса не осталось и следа. Его доклад вызвал маленькую, но сенсацию.

По словам Р. Махмутова, многие туристы остаются здесь на несколько дней, чтобы ознакомиться с уникальными природными объектами — такими, как удивительно живописное озеро Рабига-Куль или оставшийся ещё от далёких предков тысячелетний колодец Туйбике коесы. А для любителей рыбной ловли есть полноводная Волга с её многочисленными заливчиками, затонами и озерами, богатыми рыбой.

О перспективах туристического бизнеса мы говорили и с главой Спасского муниципального района Камилем Асгатовичем Нугаевым.

— У каждого района есть свои особенности, — говорил он. — Одни строят экономику на нефти, другие — на местной промышленности или сельском хозяйстве. Мы же намерены направить все силы и энергию на развитие туристического бизнеса. Для этого мало развивать музей-заповедник. Нужно подготовить к приёму многочисленных гостей всю городскую инфраструктуру — открыть целую сеть современных благоустроенных отелей, кафе, ресторанов, мест отдыха и развлечений. Сейчас составляется новый генеральный план, по которому в ближайшие годы будет развиваться наш город. Вводятся новые правила землепользования и застройки.

Верю ли я в то, что к нам потянутся люди? А почему бы нет? Ведь Булгар для всех татар — священное место. Ещё с середины XVI века сюда совершались паломничества. И с каждым годом этот поток увеличивается.

Конечно, это потребует немалых капитальных затрат. Необходимы работы по укреплению берегов, противооползневые мероприятия. Требуется капитальный ремонт подъездных путей и дорог общего пользования, строительство новых дорог. Кстати, эти работы уже ведутся. Немало средств потребуется и на благоустройство территории возле причала, и на строительство станций для заправки — бункеровки судов горючим. Всё это стоит недёшево, но окупится уже в ближайшие годы.

Так что я уверен — уже через несколько лет древний Булгар превратится в туристическую Мекку.

АНДРЕЙ РОЩЕКТАЕВ

Свияжск

*Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
Теремами да садами...*
А. С. Пушкин.
«Сказка о царе Салтане»

КАК ТОЛЬКО не называют Свияжск очарованные его красотой люди: град Китеж, остров Буян, Валаам на Волге... Даже то, что в других знаменитых, но поруганных местах принято называть «мерзостью запустения», здесь, на островке оживших легенд, хотя и вызывает чувство боли — но светлой боли, облагороженной: будто читаешь житие святого мученика. Это ещё одна ипостась древнего Свияжска: город-мученик. Звание печальное, напоминающее о трагедии всей России в XX веке — но в чём-то не менее почётное, чем город-герой.

Свияжску уже без малого 460 лет. Первый русский город во всём Среднем Поволжье, запечатлённый на века след первого шага России на восток. Если искать в истории

самую знаковую вежу, когда Русь выросла из тесных одежд Московии и начала превращаться в ту Россию, которую мы знаем (простирающуюся до Тихого океана), то это, несомненно, — основание Свияжска в 1551-м и взятие Казани в 1552-м. Два события, настолько неразрывно связанные друг с другом, что исторически их можно соединить в одно. Здесь Русь стала Россией, бывшее княжество — империей.

История собственно постройки Свияжска тоже уникальна. Уникальна настолько, что кажется почти сказкой или былинной. Сюжеты подлинной Истории — часто более захватывающи, чем самая изысканная фантазия.

Огромную деревянную крепость, срубленную в угличских лесах, в разобранном виде сплавили по Волге на полторы тысячи километров и в мае 1551 г. за 24 дня собрали на Круглой горе — в 30 верстах от Казани, если считать по прямой. Другого такого примера в истории не было — ни до, ни после! Удивительны как размеры крепости, совершившей такое беспрецедентное путешествие (19 башен-стрельниц, 7 ворот, 2 с половиной километра периметр стен: больше, чем у Московского Кремля!), так и дерзость самого стратегического замысла. Много ли мы знаем примеров, когда в центре какого-либо государства, в одном переходе от его столицы, противник сумел бы преспокойно построить свою крепость — прежде чем это государство, опомнившись от шока, успело бы хоть как-то отреагировать?

Да, Свияжск был основан как военная крепость, форпост для покорения Казанского ханства. Но такую роль он играл лишь первые полтора года своего существования (май 1551 — октябрь 1552 гг.). 2 октября 1552 г. Казань была взята. Еще несколько лет после этого Свияжск находился как бы на полувоенном положении, учитывая партизанское движение местного населения (татар, части чувашей и марийцев) против русских войск. Но всё больше и больше выходило на первый план его новое значение — духовного центра огромного покорённого края.

Само место считалось святым, ибо Круглая гора еще до прихода русских в 1551 г. была освящена неоднократными видениями преп. Сергия Радонежского. Жители окрестных лесов, язычники-марийцы, не раз слышали на этом месте необыкновенное пение, звон невидимых колоколов и видели сияющего старца, обходившего гору с кадилом в руках (по другим рассказам — окроплявшего местность святой водой). Стрелы, пущенные в старца, возвращались обратно. Позже, когда пришли русские войска, местные старейшины без труда «опознали» старца по иконе преп. Сергия, взятой в поход из Троице-Сергиевой лавры. Рассказали и о прочих чудесах. Так Свияжск практически одновременно с основанием крепости стал считаться в народе святым местом.

Очень скоро он стал городом монастырей и церквей и таким оставался на протяжении всех последующих веков своей истории. По переписной книге 1567 г. на малом пространстве крепости разместилось 6 церквей, а ещё 3 церкви стояли в посаде. Монастырей к концу XVI века числилось три: Успенский, Троице-Сергиев (оба мужские) и Иоанно-Предтеченский женский. Кроме того, город отличало обилие церковно-служительских и монастырских дворов: 17 — в кольце стен и 3 — на посаде. Сами по себе цифры, может быть, мало что говорят современному читателю, привыкшему к большим масштабам современных городов. Но ведь

это были первые церкви и монастыри не только в крепости, а во всём огромном крае. По сути, Свияжск тогда можно было назвать столицей русского Среднего Поволжья. И естественно, что, когда в 1555 г. была учреждена Казанская епархия, её архипастыри получили наименование «Казанских и Свияжских». Это было выражение особой роли Свияжска как нового православного центра.

Среди обитателей всего Среднего и Нижнего Поволжья *не было равных Успенскому Богородицкому монастырю*, основанному одновременно с учреждением епархии (1555 г.) свт. Германом. Даже внешне его великолепные белокаменные сооружения сразу же выделялись посреди сплошь деревянного города-крепости. Город всё больше начинал казаться лишь большим посадом при этом знаменитом монастыре.

Он всегда воспринимался среди населения как *город двух великих святых: преподобного Сергия и святителя Германа*. «Остров Сергия и Германа» — неофициально называют его иногда даже сейчас, по аналогии с Валаамом. Чудотворная местночтимая икона преп. Сергия, наряду с мощами свт. Германа также привлекала паломников из ближайших уездов. Если мощи последнего почивали в Успенском монастыре, то икона преп. Сергия — в Иоанно-Предтеченском. Но, разумеется, паломники, приходившие к одной святыне, не могли не посетить другую — то есть, поклоняясь преп. Сергию, обязательно заходили и в Успенский монастырь к свт. Герману. Необычно и очень символично то совпадение, что память обоих празднуется в один день — 25 сентября/8 октября.

Свт. Герман — основатель монастыря

Почитание в народе того или иного монастыря чаще всего тесно связано с почитанием его основателя. Это касается всех древних и новых обителей, основанных святыми.

XVI век можно по праву назвать веком знаменитых святителей: свв. Макария и Филиппа Московских, Гурия, Варсонофия и Германа Казанских. В этом сомне имя второго (по времени, но не по значению) святителя Казанского Германа занимает очень важную роль. Основав монастырь задолго до своего посвящения в архиерейский сан, он прославился среди местного населения как великий старец-аскет исключительно подвижнической жизни. Можно полагать, что даже если б он не сподобился позже сана архиепископа, то всё равно был бы прославлен в лике святых как преподобный. Но Промыслу Божьему было угодно, чтобы этот подвижник соединил в себе дар благодати преподобного с даром святительским.

Раз и навсегда — и при жизни, и после земной кончины — подвижничество свт. Германа обеспечило особое народное почитание Успенскому Богородицкому монастырю, подобно тому, как за 2 века до того праведное житие преп. Сергия обеспечило особую роль основанной им лавры в масштабах всей России. Успенская обитель получила такую же исключительную роль в масштабах Поволжья. Как справедливо отметил протоиерей Андрей Яблоков: *«Обитель вскоре становится предметом особого внимания народа: слыша о благочестивой*

жизни свт. Германа <...>, народ толпами стал стекаться сюда — одни приходили принять благословение от святого мужа, другие принимали от него иноческое звание, некоторые искали у него убежища».

Всегда важны истоки подвижничества. Устав и традиции того или иного монастыря часто зависят от того, где именно прошёл монашеский искуc его основатель. Духовной Alma-mater свт. Германа (и в этом смысле «прародителем» Свяжского Успенского монастыря) стал не менее знаменитый монастырь Иосифо-Волоколамский, основанный почти на век раньше.

Юноша Григорий (таково было мирское имя свт. Германа) из Старицы, из дворянского рода Садыревых-Полевых, сразу же по достижению совершеннолетия ушел в этот монастырь, славный традициями недавно скончавшегося преп. Иосифа Волоцкого. С кончиной преп. Иосифа, казалось, прервалась целая эпоха, но, в действительности, она продолжилась в его учениках и последователях точно так же, как в своё время эпоха преп. Сергия на десятки лет была продолжена его учениками и учениками учеников.

В Иосифо-Волоколамском монастыре будущий второй святитель Казанский Герман был в послушании у будущего первого святителя Гурия, в то время игумена. Под его руководством он переписывал книги. Так они и познакомились. Традиция подвижничества всегда строилась на своеобразной преемственности.

Другим учителем свт. Германа принято считать самого образованного человека того времени — преп. Максима Грека, сосланного и пребывавшего в Волоколамском монастыре в 1525-1531 гг. Так в житии свт. Германа сплелись воедино две традиции, которые в светской литературе принято разделять и даже противопоставлять друг другу. Ведь Волоколамский монастырь считался центром т. н. «осифлянства», а преп. Максим Грек (как чуть раньше преп. Нил Сорский) был ярчайшим «нестяжателем». В действительности, в плане аскетизма обе традиции тесно сближались друг с другом, и если светская историография делала упор на их противоречия, то фигура такого великого общероссийского подвижника как свт. Герман наглядно показывает возможность глубинного соединения этих традиций на практике. Очень значимо для Русской Церкви, что его святой пример опровергает кажущийся антагонизм — более, чем пример кого бы то ни было еще в русской истории. Действительно, тщательная забота архимандрита, а затем и архиепископа Германа об основанном им Свяжском монастыре, о других храмах и обителях Казанской епархии, соединялась у него с глубочайшим личным нестяжанием и аскетизмом. Поистине, памятники этим двум традициям, слившимся в одну, — великолепный и роскошно расписанный фресками Успенский собор и крошечная германовская келья (3 на 2 м) рядом с ним.

Статус *главного миссионерского монастыря новой земли* был закреплен присвоением его настоятелю сана архимандрита — весьма редкого в то время в России, в отличие от последующего времени. Это было явление почти исключительное: настоятель только что основанного монастыря сразу получил столь высокий сан! Даже величайший Троице-Сергиев монастырь, будущая лавра, управлялся целых 2 века (до 1561 г.) лишь игуменом. Настоятель же Свяжского Успенского получил сан архимандрита на 6 лет раньше Лавры, хотя его обитель была основана на 2 века позже.

45 монастырей было основано в огромной Казанской епархии. Но на протяжении нескольких десятилетий настоятели лишь двух из них носили сан архимандритов: вторым был Спасо-Преображенский в казанском кремле.

Стоит еще добавить о настоятелях Свяжского Успенского монастыря. Свяжский архимандрит Сергей *седьмым* из всех русских архимандритов «приложил руку» к соборной грамоте об избрании царем Бориса Годунова. Позже архимандрит Корнилий на знаменитом соборе в 1613 г. *четвертым* из архимандритов «приложил руку» к грамоте об избрании на царство Михаила Романова. Еще позже, по «Лествице властем» Патриарха Иосифа I (1634-1640 гг.), за Свяжским архимандритом было закреплено *7-е место по России*. Соответственно, таким был и статус обители.

Как известно, монастыри играли исключительно важную роль в экономической жизни XVI-XVII веков. Свяжский монастырь был, по местным меркам, хозяйственным гигантом. С первых же лет существования для выполнения своей важной миссионерской роли он стал получать огромное по тем временам жалованье: если святителю Гурию на всю Казанскую епархию выделялось около 1000 р. в год, то один этот монастырь получал из казны 500 р. в год, не считая еще 100 р. дополнительно на братию (63 человека в 1568 г.). Опись 1614 г. свидетельствует о наличии ценнейшей утвари, в основном на царские пожертвования — в период, когда после Смуты большинство других русских монастырей стояли разоренными или обнищавшими.

Через государевы и частные пожертвования, обитель стала вотчинником-гигантом. Из 4 тысяч дворов, принадлежащих всем монастырям епархии в 1710 г., за ней числились 1265 (то есть почти одна треть). Земли она имела 8080 четвертей в поле (это более 12000 десятин — 130 кв. километров). Во владении монастыря накануне реформы 1764 г. было 7247 мужских душ. Из 14424 душ во владении всех монастырей епархии это составляло ровно половину. Получается, владения одной Свяжской обители были равны владениям 44-х остальных вместе взятых! Свяжский Успенский монастырь по числу душ вообще был *18-м в России* и *15-м*, если считать только мужские монастыри.

В 1764 г., в результате штатного деления, он был причислен к I классу и вошел в число 20 подобных по всей России, то есть сохранил свое значение входящего в первую двадцатку в стране по богатству и знаменитости.

Немного о судьбе свт. Германа

Экономика экономикой, а почитание в народе того или иного монастыря чаще всего тесно связано с почитанием его основателя.

Свт. Герман, первый настоятель, управлял Свяжским Успенским монастырем с 3 февраля 1555 г. по 12 марта 1564 г. Ещё 2 года после этого он был архиепископом Казанским — вторым по времени после скончавшегося в декабре 1563 г. св. Гурия.

Нравственный авторитет архиепископа Германа к тому времени был огромен по всей России. Иван Грозный вызвал его в Москву для занятия места

митрополита всея Руси, освободившегося после удаления в Чудов монастырь митрополита Афанасия 16 мая 1566 г.

Однако владыка Герман условием своего согласия на это поставил отмену опричнины и жестоких казней. В своём противостоянии злу и произволу он предвосхитил подвиг свт. Филиппа. Согласно преданию, разгневанный царь ответил Святителю: «Ты ещё не стал митрополитом, а уже связываешь меня неволею».

О том, что произошло дальше, имеются существенные разночтения. По официальной версии, впавший в опалу архиепископ просто был сослан «с бесчестием» и скончался 6 ноября 1567 года (в других источниках — 1568 года). Согласно рассказу Курбского, он был тайно убит — точно так же, как св. митрополит Филипп. Если эта версия верна, то перед нами не просто великий святитель, но и один из двух архиереев-мучеников страшной эпохи Ивана Грозного. Не все историки верят показаниям Курбского, считая их тенденциозными. Но столь быстрая (всего через 2 года после опалы) кончина 62-летнего святителя не может не вызвать подозрений. К тому же пугающая неожиданность ждала очевидцев при вскрытии и освидетельствовании мощей святого в 1889 г. Наряду с подтверждением их нетления, освидетельствование показало, что голова святителя почти полностью отсечена по линии челюстей до самого хребта. Таким образом, полностью подтвердилось, что свт. Герман был даже не задушен, как св. Филипп, а зарезан, притом зверским, мучительным образом.

В житии св. Филиппа рассказывается, как во время соборного суда над ним лишь один архиерей посмел открыто выступить в его защиту: *«Среди молчания вдруг Герман, епископ Казанский, поднял голос и смело сказал царю, что он напрасно ищет обвинений на праведника, в котором нельзя найти вины»*. Суд над митрополитом Филиппом происходил 4 ноября 1568 г. Если опальный свт. Герман действительно присутствовал на нём, то получается, что дата расправы над ним — 6 ноября не 1567, а 1568 года. Причём это зверское убийство состоялось всего через 2 дня (!) после его смелого выступления на суде.

Архитектурный ансамбль монастыря

Успенский монастырь — уникальный архитектурный комплекс общероссийского и даже мирового значения.

Из тысячи православных обителей России — примерно именно столько их насчитывалось к моменту революции, — лишь несколько десятков сохранили более или менее целостные древние ансамбли. Остальные были сильно искажены в XIX веке. Ещё меньше осталось таких, облик которых в основе своей сложился в XVI веке и раньше. Например, подавляющее большинство монастырей и храмов Золотого кольца — XVII века постройки. Даже Киево-Печерская лавра XI века — «Мать обителей русских», — и та в нынешнем своем виде сформировалась в основном в XVII-XVIII веках. И, наконец, еще меньше тех монастырей, древнейшие ансамбли которых пережили революцию и дошли до наших дней. В основном это обители русского Севера, новгородско-псковской земли. И только один-единственный такой сохранился во всём Среднем и Ниж-

нем Поволжье: он словно занесён за сотни километров рукой Божией всё из той же псковско-новгородской земли.

Да, Свяжскому монастырю в этом отношении повезло. Он не только был основан в XVI веке, но *сохранил облик XVI века*.

Уникален сам факт постройки здесь собора сразу же в момент основания обители. Обычно даже самые знаменитые и богатые монастыри России первые десятилетия своей истории стояли деревянные. Святая святых Русской Православной Церкви — Троице-Сергиева лавра, основанная на рубеже 30–40 гг. XIV века, получила первый каменный собор лишь почти через после основания. В Свяжске же свт. Герман не только построил Успенский собор (в котором позже оказались его мощи), но и, несомненно, последние 3 года настоятельства сам служил в нём. Он не только построил Никольский храм, но и жил в крохотной келье при нём. Своеобразная «легионистская архитектура» монастыря дополняет его летопись историческую.

Каменный цветок расцвёл среди деревянного града. Ещё не закончились волнения местного татарского, мордовского, чувашского, марийского населения, но каменное строительство, как каменная скрижаль, лучше всяких слов свидетельствовало: православие пришло сюда не просто «всерьёз и надолго», а раз и навсегда. Такие внушительные соборы столичных пропорций ставят лишь как знамение победы и знак уверенности в будущем. И идейный смысл постройки этого собора был, думается, ясен тогда всем. Раньше в народном языке большой белокаменный собор именовали «царь». Так вот, «царь» пришёл в Среднее Поволжье, в сердце бывшего Казанского ханства!

Таково историческое значение постройки Успенского монастырского собора.

Собственно его архитектурная ценность также громадна. Строился храм псковскими мастерами во главе с Постником Яковлевым и Иваном Ширием, которых считают также авторами проектов Благовещенского собора Казани и Покровского собора Москвы. *Это самый южный на Руси памятник псковско-новгородского стиля*. И практически самый поздний по времени (наряду с Благовещенским собором Казани). Форма и структура его сохранившихся ниш поразительно напоминает церковь Спаса на Ильине (1374 г.) — один из величайших храмов Новгорода, памятник архитектуры мирового значения. Можно сказать, что на свияжской Круглой горе встала буквально копия храма Спаса на Ильине.

В неизменном виде она стояла до XVIII века, когда под влиянием модного тогда течения украинского барокко собор существенно вырос, «прорвав» былую кровлю 12-ю острыми кокошниками, а барабан возвысив за счёт нового кувшинообразного купола.

Особенно красив собор со стороны алтаря. Его трём великолепным полукруглым апсидам, опять-таки, мог бы позавидовать любой древнейший храм Новгорода или Пскова. Сочетание мощных каменных полукругов, типичной северорусской резьбы на них (поясков из мелких объёмных треугольников) с празднично-лёгкими наличниками рубежа XVII-XVIII вв. создаёт удивительную гармонию строгости и нарядности. Из-за них сам храм кажется более кружевным и воздушным. Крылато нависают ярусы кровель: I — над апсидами, II — над основным объёмом, III — между барабаном и куполом. Из-за этого могучий храм со стороны алтаря кажется ступенчатым и как бы летящим.

Нарядный и таинственный вид придаёт церкви и открытая галерея-гульбище с южной и северной сторон. В допетровский период русского зодчества традиция обносить храмы галереями была очень распространена. Огромное крыльцо 1857 года разорвало дугу галереи. Теперь она уже — не буква «П», как у большинства других подобных храмов, а две параллельные линии по сторонам собора.

Думаем, не ошибёмся, если скажем, что всё лучшее в зодчестве России XVI-XVIII веков своеобразными слоями и напластованиями стихийно соединилось в облике этого необычного храма-памятника свт. Герману.

Но ещё уникальнее — *фрески* внутри собора. Они датируются ориентировочно 1561 годом. *Это один из двух сохранившихся в России полных ансамблей фресок XVI в.* (не считая самого начала века — дионисиевых росписей Ферапонтова монастыря). Второй ансамбль — Спасо-Преображенский собор в Ярославле (фрески 1563-1564 гг.), но он очень сильно отличается как по стилю, так и по набору сюжетов.

Вообще XVI век настолько мало представлен в плане церковной живописи, что не только сейчас остаётся «в тени» для искусствоведов, но и в XIX столетии пугал своей кажущейся «неканоничностью сюжетов и отсутствием богословской мысли». Пугал даже некоторых архиереев, привыкших к европеизированной живописи. Сам настоятель Успенского монастыря (в 1856–1862 гг.) архиепископ Евлампий даже предлагал переписать соборные фрески и 27 апреля 1859 г. обратился по этому поводу с прошением к Синоду. Но в ответе Синода 10 февраля 1861 года было впервые в истории отмечено особое значение этих древних фресок, а владыке Евлампии запрещено их искажать.

Отдельные сюжеты можно затронуть именно как иллюстрацию неповторимости свияжской соборной стенописи. Это несколько фрагментов того сплошного «ковра» росписей, что покрывал и покрывает весь храм и по сводам, и по стенам, и по квадратным столпам. Общая площадь всех росписей — 1080 кв. метров.

Особые споры вызывал в XIX веке сюжет «*Отечество*» в соборном куполе. Это тип Новозаветной Троицы. «Неканоничным» казалось в XIX веке изображение Духа Святого в виде голубя на руках Сына. Между тем исторически, имея традицию в древнерусской живописи (как минимум от новгородских икон XV века), этот тип изображения вполне завоевал себе право на существование.

По подсчётам, приводимым искусствоведом В. Немтиновой, свияжское «Отечество» — *четвертая по времени подобная композиция в России*. Айналов называл её «непревзойдённым произведением стенописи XVI века».

Другой, ещё более необычный тип Новозаветной Троицы — над юго-западным столпом: «*сидящий на престоле Саваоф придерживает Распятие с изображением Спаса в образе нагого Ангела, облачённого в херувимские крыла*». Распятый Христос в типе «Отечества» — редчайшее для русской церковной живописи изображение.

Третий нехарактерный пример размещения — *Успение Божией Матери в алтаре*, над горним местом. Здесь всегда изображается Христос Вседержитель на престоле. Но храмовая икона Успенского собора была спроецирована мастерами на огромную стену алтаря.

«*Шествие праведных в рай*» по композиции чрезвычайно похоже на аналогичный сюжет Андрея Рублёва в Успенском соборе Владимира (фрески 1408 г.).

Но рублёвская фреска размещена на западной стене, свияжская же — наоборот, в алтаре. С последней связано ещё и предположение, что там «написаны изображения Иоанна Грозного и Макария Митрополита, — именно они замыкают шествие праведников». Если предположение верно, то это — *«единственное дошедшее до наших дней в монументальной живописи изображение молодого Иоанна Грозного»*.

Много необычного и таинственного открывает нам мир священных фресок. Но самым «раритетным» из всего и самым апокрифичным является *изображение святого Христофора с лошадиной головой* на северо-западном столпе. Оно больше всего обращает на себя внимание и специалистов, и обывателей, оно — тот единственный, ни на что не похожий бутон в цветнике фресок, о котором говорят все и уж точно не забывает никто из увидевших.

Одна апокрифическая версия странного присутствия лошадиной (а в других иконографических вариантах древности — пёсией) головы святого: он якобы выходец из мифической страны киноскефалов, где все такие. Как известно, ещё со времен Геродота (5 век до Р. Х.) повелось про дальние, неизвестные земли писать небылицы. Так было в античности, но народная молва сохранила подобные сказания ещё дольше. Другая, облагороженная версия: просьба к Богу самого юноши Христофора дать ему скотскую внешность, чтобы постоянные взгляды женщин на его необычную красоту не мешали сосредоточенно-молитвенной, аскетичной жизни.

Обе версии, разумеется, апокрифичны, и начиная с XVIII в. Церковь усиленно с ними боролась: все подобные изображения св. мученика Христофора уничтожались или переписывались, и потому *«вероятно, ныне это единственная уцелевшая фреска такого рода»*.

Таков главный храм монастыря...

Главный, но не единственный. О Никольском храме 1556 г. мы уже упоминали. Он использовался как трапезная церковь, внутри был похож на Грановитую палату Москвы, а снаружи над его восточным фасадом выросла великолепная 43-метровая колокольня — чуть младше самой церкви, но тоже XVI века. Колокольня уцелела. Жалко, что в самом храме (ныне действующем) почти не сохранилось фресок XVI века.

Уцелели фрагменты росписи в Святых вратах монастыря. А вот храм над вратами был в советское время варварски разрушен. Его построили в честь Вознесения Христова на рубеже XVII–XVIII вв. Только нижний ярус с вратами и сохранился.

От того же рубежа XVII–XVIII веков «дожили» до нас три корпуса. В двух из них в разное время размещались настоятели, в третьем, самом большом (3 этажа, более 70 м длины) — вся братия. Храм во имя свт. Германа находился в восточной части этого длинного корпуса, но от него сейчас остались лишь развалины.

Таким образом, всего было 4 храма. 2 самых древних из них сохранились...

Осталась и ограда, почти в километр длиной, опоясавшая великую обитель в XVIII–XIX вв. и придавшая ей вид настоящего белокаменного кремля: кое-где даже с бойницами и зубцами.

Судьба Успенского монастыря после 1917 г.

В самые страшные годы Октябрьской революции и начала Гражданской войны настоятелем Свяжского Успенского монастыря был *епископ Амвросий (Гудко)*. Он оказался одной из первых жертв красного террора в нашей епархии. Расправа над ним совершилась 9 августа 1918 г. (н. ст.), на третий день после отступления красных из Казани. В панике и остервенении, готовые выместить злобу за это поражение на ком угодно, большевистские комиссары без суда приговорили владыку к смерти. По воспоминаниям некоторых случайных свидетелей, труп его видели с вывернутыми руками, а в спине была рана от штыка. Перед убийством мученика подвергли истязанию, о котором стало известно далеко за пределами нашей епархии: «... в Свяжске епископа Амвросия привязали к хвосту бешеной лошади», — вспоминает герой повести В. Никифорова-Волгина «Дорожный посох».

В наше время священномученик Амвросий Свяжский причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Много ещё происходило тогда расстрелов и расправ. Свяжск был буквально утоплен в крови. Два знаменитых всероссийских палача — Троцкий и Лацис — лично руководили здесь массовыми расправами в августе 1918-го, ибо Свяжску «посчастливилось» тогда стать местом пребывания штаба Восточного фронта Советской республики. Многие места захоронений ныне сокрыты водами Куйбышевского водохранилища. Неизвестно и место упокоения священномученика Амвросия. Но у самых ворот монастыря установлен памятник над братской могилой, где захоронены те останки, что удалось обнаружить, — тела 95 безымянных жертв красного террора.

Во время кампании по изъятию церковных ценностей и «разоблачению поповских обманов» вскрытию подверглись мощи свт. Германа. По рассказам старожилов Свяжска при первой попытке властей увезти раку в Казань вдруг при совершенно ясном небе ударил гром, в воздухе потемнело, пронёсся страшный вихрь, ломавший деревья и кое-где сорвавший крыши... толпа собравшихся в панике рассыпалась по домам: бежали, бросив раку, даже те, кто должны были её увезти.

Со второй попытки мощи всё-таки увезли...

До этого из уст в уста в народе передавалось предсказание, что когда вскроют мощи святого Германа, Свяжск ждёт большое бедствие. Так и случилось. Будто душа отлетела от города, ангел-хранитель от него отвернулся. Даже не в вихре дело... В запустение пришёл древнейший русский город Среднего Поволжья, разъехались люди, опустели дома и церкви. Концлагерь, а затем и психиатрическая больница — вот чем на долгие годы стал великий Успенский монастырь.

Возрождение его как действующей мужской обители началось лишь в 1997 году. Психиатрическая больница выехала из его стен, оставив после себя запустение, разруху, горы брошенных медицинских бумаг — памятников человеческого несчастья и душевного страдания... Мощи свт. Германа вернулись — та их часть, которая уцелела. Может быть, пророчество исполнится и в обратном смысле: Свяжск пришёл в запустение, когда Святой покинул его... Свяжск возродится после того, как Святой в него вернулся? К настоящему времени полностью отреставрированы два корпуса из трёх; в третьем начались восстановительные работы. Но основные службы пока проходят в соседнем

Иоанно-Предтеченском монастыре, который до революции был женским, а ныне возрождается как подворье мужского Успенского монастыря.

Свияжский Иоанно-Предтеченский монастырь

Свияжск был важнейшим центром не только мужского, но и женского иночества. Иоанно-Предтеченский стал *вторым по величине женским монастырём нашей епархии* к рубежу XIX-XX вв. (почти 400 насельниц к 1900 году). Первым был, конечно, Казанский Богородицкий (ок. 500 насельниц).

Точная дата основания Иоанно-Предтеченской обители сокрыта от нас: пожар 1795 года истребил все её старинные документы, в которых можно было бы найти ответ. Предположительно, первая женская община при приходской Рождественской церкви, близ главной площади Свияжска, возникла где-то в конце XVI века. Название Иоанно-Предтеченской утвердилось за ней, вероятно, не с самого начала, а после постройки одноимённого храма (в камне он возведён только в начале XVIII века). Монастырь в XVIII в. был практически безземельным и очень бедным, но отнюдь не маленьким — в нем подвизалось до 100 насельниц. Просто почти все они были крестьянского происхождения, и потому богатых пожертвований в обитель не поступало. Все кельи и ограда были деревянными, что и погубило монастырь в 1795 году: тогда неожиданно начавшийся пожар Свияжска уничтожил около 140 домов обывателей, а Иоанно-Предтеченская обитель выгорела полностью.

При возрождении обитель была перенесена на новое место, где она находится и поныне. С 1795 г. для неё началась новая эпоха.

Дело в том, что буквально в сотне метров от женской обители находился древнейший в нашем краю *Троице-Сергиев мужской монастырь* (приписной к Троице-Сергиевой лавре), основанный одновременно с градом Свияжском в мае 1551 г. Он был богат и владел несколькими десятками вёрст лесов, лугов и пашен вдоль правобережья Волги, с известными сёлами, деревнями и починками — в т. ч. Верхним Услоном, Печищами, Морквашами.

В начале XVII века в нём несколько лет настоятельствовал знаменитый Авраамий Палицын, будущий келарь Троице-Сергиевой лавры, автор знаменитого «Сказания о Смутном времени Московского государства». Вообще, Троицкий монастырь был хорошо известен как в Казанской епархии, так и за её пределами. Но он был приписным, а все приписные монастыри упразднились по реформе 1764 г. И вот «мать всей обителей Земли Казанской» была обращена в простую приходскую церковь... Так продолжалось 30 лет, пока сгоревший Иоанно-Предтеченский монастырь не перенесли на место упразднённого Троицкого. Два монастыря слились, а древние здания бывшей мужской обители положили начало великолепному ансамблю перенесённой женской. Щедрое пожертвование сделали эту новую-старую обитель одной из самых процветающих в епархии на протяжении целого века: примерно с 1820-х годов до революции.

Ансамбль Иоанно-Предтеченского монастыря особенно интересен своей сохранным. В отличие от соседнего Успенского, он, хоть и пережил такое же

запустение, но не лишился ни одного храма, ни одного корпуса. Да, все интерьеры были страшно изуродованы в советское время, но внешний вид уникального комплекса XVI — начала XX вв. остался практически таким же, каким был.

Три храма разных эпох составляют гордость Иоанно-Предтеченского монастыря. Да и всего Свияжска и всей Земли Казанской...

Троицкая деревянная церковь дошла до нас с 1551 года. Это единственный уцелевший памятник деревянного града, заложенного еще князем Серебряным. Одна из самых древних деревянных церквей России. Она на 163 года старше знаменитой Преображенской церкви в Кижях. Но что касается позднейших искажений её облика (в основном в XIX в.), то ей повезло куда меньше, чем Кижскому деревянному погосту. Весь верх её — первоначально шатровый — был заменён плоской железной кровлей с железным же куполом. Когда-то устремлённая к небу — подобно знаменитой шатровой церкви в Кондопоге, — она словно бы «приземлилась» и стала раза в полтора ниже, чем была... Когда-то её высота, судя по сохранившимся старинным рисункам, равнялась длине — а длина составляла 10 саженей (21,3 м). Другое искажение состоит в том, что бревенчатый срубный храм полностью покрыли тёсом и покрасили краской. По мере того, как очередная краска тускнела и облезала, церковь становилась в разные годы то серой, то зелёной, то голубой. Все искажения «омолодили» облик храма сразу века на три.

Впрочем, кижские церкви в XIX веке тоже были обиты тёсом. При реставрации тесовое покрытие сняли. Возможно, и свияжскому храму когда-то будет возвращён первоначальный облик.

В интерьере Троицкой церкви сохранился — правда, в сильно ободранном виде, без многих деталей резьбы, — иконостас XVII века, предположительно перенесённый из упразднённого тогда же маленького Вячеславского монастыря Свияжска. Все иконы праздничного чина, представляющие особую ценность, перевезены в Музей изобразительных искусств Казани, где находятся и поныне. Два года назад с них были выполнены копии, которые сейчас заняли свои места в древнем иконостасе Троицкой церкви.

Второй храм, также дошедший от эпохи Троице-Сергиева монастыря, посвящен преп. *Сергию Радонежскому*. Эта белокаменная церковь, сложенная из массивных известняковых блоков, была освящена 25 сентября 1604 г., как свидетельствует надпись на закладном камне. Успели освятить к празднику — к «Сергиеву дню» осеннему. Перед нами последний на Руси храм эпохи «до Смутного времени». Борис Годунов, о царствовании которого почтительно свидетельствуется в той же надписи, скончался при загадочных обстоятельствах (был отравлен?) полгода спустя. Началось Смутное время — и неизвестно, удалось бы довести до конца строительство церкви, если бы не управились до осени 1604 г.: последнего мирного года перед бурей...

Сергиевский храм очень прост по архитектуре. Его внешние стены практически не имеют украшений — ровная белая гладь, прорезанная глубокими нишами окон. Самая высокая часть приземистого и длинного храма — юго-восточная. Возможно, она — самая древняя: некоторые исследователи считают, что её могли построить и до 1604 года. Над ней возвышается ярко-зелёный купол. По диагонали — в северо-западном углу — надстроена над крышей малень-

кая колоколья. Внешнего алтарного выступа у храма нет, что очень необычно: вместо традиционных апсид — та же глухая стена, что и с любой другой стороны. На самом деле, алтарь помещается под упомянутым куполом.

В средней части храма когда-то находилась братская трапезная. Там стоит столп посреди зала, как в московской Грановитой палате или Никольской трапезной церкви соседнего Успенского монастыря.

Именно здесь сейчас проходят почти все монастырские службы — и временно, до реставрации Успенского собора, находится рака с мощами свт Германа.

Когда-то все главные святыни обители находились именно в Сергиевской церкви. Сюда стекались по праздникам богомольцы к храмовой чудотворной иконе преп. Сергия, привезённой в XVI в. из Лавры — как благословение богоспасаемому граду Свяжску и всей Земле Казанской. Это была одна из двух великих святынь Свяжска — наряду с мощами свт. Германа. Сейчас образ хранится в церкви Ярославских Чудотворцев в Казани.

В Сергиевском храме пребывал и вершковый образ [1 вершок = 4,45 см] свт. Николая, вырезанный из чёрного камня. Его нашла в начале XIX века... монастырская корова: принесла его с окрестных лугов вместе с комком грязи на копыте. Образ, по исследованиям историков той эпохи, оказался гораздо древнее, чем сам град Свяжск. Его отнесли предположительно к XII веку — ко времени до монгольского нашествия. Это самая древняя из известных в нашем краю православных икон. Возможно, она принадлежала какому-то русскому купцу, торговавшему в Булгарии. Сестры монастыря благоговейно вложили образ в центр специально сооружённого серебряного креста-мощевика и тоже установили для поклонения в Сергиевской церкви.

А во славу ещё одной чудотворной иконы — *Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте»* — был сооружён *третий храм монастыря*: большой собор новой эпохи — 1898-1906 гг.

Это самое масштабное сооружение Свяжска. Самое заметное при взгляде на остров почти с любой стороны. Размеры храма очень внушительны: 15 саженей высоты (32 м) и 18 на 13 саженей площади (38 на 28 м). Это настоящее «пасхальное яйцо» — подобное тем, что выпускала тогда фирма «Фаберже», но только увеличенное архитектором Малиновским до размеров самых значительных его храмов (даже Троицкий собор в Раифе — чуть меньше). Яркий красный цвет кирпичных стен и мягкие округлости византийских куполов усиливают сходство. Что-то пасхальное и одновременно жертвенное («скорбященское») чувствуется в облике этой церкви — последнего свяжского храма, построенного перед самой революцией... подобно тому, как Сергиевский храм был построен перед самым Смутным временем.

В настоящее время храм реставрируется. Восстанавливается его разрушенный в советское время иконостас и сильно пострадавшая стенная живопись. Заново выполнены иконостасы боковых приделов: во имя св. Анны Пророчицы и во имя преп. Серафима Саровского. Последнее название имеет свою глубокую предысторию...

Дольше всех, 24 года, управляла здешним монастырём игуменья Каллиста (с 1841 по 1865-й). О том, что она будет игуменей, предсказал молодой девушке,

еще и не собиравшейся в монашество, преп. Серафим Саровский. Описывается это в житии свт Серафима так: *«Пришла к нему другой раз одна девица, чтобы попросить от святого старца наставление: как ей спасти свою душу? Но не успела она ещё и уста открыть, как о. Серафим начал уже сам говорить ей:*

— *Много-то не смущайся: живи так, как живешь. А в большем Сам Бог тебя научит.*

Потом, поклонившись ей до земли, сказал:

— *Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо. Этим и спасёшься.*

Девушка никогда не думала о монашестве, не могла и понять, о каком распоряжении предсказывал ей старец, поклонившись до земли. А он, прозревший эти тайные мысли её, прибавил:

— *Когда придёт это время, тогда вспомните меня.*

Собеседница спросила: не приведёт ли Бог ей ещё свидеться с батюшкой?

— *Нет, — ответил он, — мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в своих святых молитвах.*

Девушка в свою очередь попросила молиться за нее.

— *Я буду молиться. А ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут.*

Действительно, в монастырской гостинице спутницы встретили её с сильным ропотом за замедление у батюшки. Впоследствии она приняла монашество с именем Каллисты и была игуменьей в Свяжском монастыре Казанской губернии: ей-то и поклонился в ноги батюшка и, как уже игуменье, сказал на «вы»: «вспомните»; до этого же и после говорил с девушкой на «ты». (Митр. Вениамин «Всемирный светильник».)

Когда, в каком именно году, произошёл этот знаменательный и незабываемый разговор — нигде не указано. Но мы знаем, что преподобный Серафим лишь последние 7 лет земной жизни принимал посетителей, то есть могло это быть в 1825-1832 гг.: предсказание было сделано, таким образом, за 10-15 лет до начала настоятельства игуменьи Каллисты.

Так необычный мостик духовной связи перекинулся к Свяжску не только от Троице-Сергиевой лавры, но и от Сарова... Память об этом жила в Иоанно-Предтеченской обители, и поэтому, как только состоялось всероссийское прославление преп. Серафима (1903), придел строящегося храма решили освятить именно в его честь. Это был один из первых в России престолов, посвящённых великому старцу.

Из шести не монастырских, приходских церквей Свяжска, к сожалению, уцелела лишь одна — *свв. Константина и Елены* (в нынешнем виде построена на рубеже XVII-XVIII вв. на месте одноимённой деревянной середины XVI в.). Сейчас это действующий храм в восточной части острова-града, ближе всего к пристани. Ещё в начале 90-х годов его возродила небольшая группа прихожан во главе с о. Сергием Коробцовым — бывшим художником, который стал иконописцем и... первым священником в постсоветском Свяжске. Большая часть икон храма написана им самим. Особенно интересен образ свт Германа, изображённого на фоне деревянного Свяжска XVI века: город здесь довольно убедительно «воссоздан» на основе исследований краеведов.

Остальные церкви были варварски разрушены в советское время — в том числе древнейший *собор Рождества Пресвятой Богородицы*, построенный в камне в середине XVI в., в самые первые годы существования Свияжска. Сейчас на месте собора — огромный курган на главной городской площади-пустыре. Рядом с футбольным полем высится памятный деревянный крест. Такими же крестами отмечены поросшие травой и кустами груды камней на месте других снесённых церквей.

Тут уж Свияжск Поруганный предстаёт во всей «красе». Если монастырские ансамбли ещё сохранились хотя бы в основе, то сам бывший город (ныне посёлок с населением около 300 человек) представляет уже ничем не смягчённое, не подкрашенное зрелище разрухи. Таким он был десятки лет назад, после «безбожных пятилеток», таков и сейчас.

Вид заброшенного Свияжска в послевоенные годы замечательно передал писатель Василий Аксёнов, сам повидавший его в детские годы:

«Иначе как на лодках в Свияжск было не добраться...

Издали казалось, что подгребаете ко граду Китежу. Многочисленные маковки церквей и колокольные башни создавали устремлённый вверх средневековый силуэт. Высадившись, однако, мы увидели, что купола сквозят прорехами, колокольни полуразрушены, кресты погнуты и поломаны, а город вымер: остатки булыжной мостовой заросли высоченным чертополохом, безмолвны покосившиеся дома с выбитыми стеклами и пусты дворы, ни кошек, ни собак, ни домашней птицы. Как будто тут чума прошла...» (В. Аксёнов «Свияжск»).

Да, она прошла. Прокатилась и собрала страшный урожай. Но теперь мы наконец можем сказать «прошла» — и в том смысле, что кончилась. Давно миновало «время разбрасывать камни». Время собирать — только-только начинается. Ещё в 90-е годы с возрождением монастыря пришла робкая надежда на восстановление из мёртвых и самого Свияжска. Естественно, скудными средствами и силами верующих справиться с разрухой целого бывшего города невозможно. Создание Фонда возрождения Булгара и Свияжска впервые даёт надежду на проведение действительно масштабных реставрационных работ. Многочисленные попытки советских и постсоветских точечных реставраций доказали, что одними «косметическими» ремонтами дела не поправить. Главное, что уже сделало государство — длинной дамбой наконец соединило остров с «большой землёй» (с 2001 г. «дорога жизни», как прозвали её местные жители, начала функционировать). Это — первый шаг, без которого были бы невозможны все остальные. Сейчас все, кому дорог Свияжск, люди верующие и неверующие, местные жители и гости, ожидают следующих реальных шагов... и хочется верить, что надежда их оправдается.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

1920 ГОД. ИЗ ДЕКРЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ ОБ АВТОНОМНОЙ ТАТАРСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ:

«ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ И СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ПОСТАНОВЛЯЮТ:

ОБРАЗОВАТЬ АВТОНОМНУЮ ТАТАРСКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОВЕТСКУЮ РЕСПУБЛИКУ, КАК ЧАСТЬ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ПРИМЕЧАНИЕ: ВОПРОС О ВКЛЮЧЕНИИ В СОСТАВ ТАТАРСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛЕБЕЕВСКОГО И БИРСКОГО УЕЗДОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ОСТАВИТЬ ОТКРЫТЫМ ВПРЕДЬ ДО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ТРУДЯЩЕГОСЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭТИХ УЕЗДОВ».

Одной из первых автономных республик, созданных на территории после-революционной России, была Башкирия. «Одной из...», потому что несколько ранее, в начале 1919 года, в Поволжье была создана немецкая автономия – так называемая Трудовая коммуна немцев Поволжья.

Весной 1919 года после долгих переговоров, в которых от имени центра участвовал М. Султан-Галеев, удалось склонить лидера башкирских националистов Заки Валиди к переходу на сторону Советов. До этого не слишком многочисленные, но весьма боеспособные кавалерийские части башкир воевали в составе колчаковской армии. Взамен башкирам была обещана независимая республика в составе России. Она была провозглашена в марте 1919 года. Тогда она ещё не называлась автономной, обладала значительной самостоятельностью вплоть до права иметь свои войска.

Этот переход значительно ослабил армию Колчака и, соответственно, улучшил положение войск красных.

Создание башкирской автономии вновь выдвинуло на первый план вопрос о давно обещанной большевиками Татарской республике.

Ещё 23 марта 1918 года главная партийная газета «Правда» опубликовала статью народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина «О Татаро-Башкирской республике». В тот же день в ряде газет было опубликовано «Положение о Татаро-Башкирской Советской республике». Согласно этому положению, территория этой республики практически совпадала с намечаемой татарскими и башкирскими общественными деятелями между Волгой и Уралом независимой автономией «Идель-Урал штаты».

Более подробно о целях и задачах создания Татаро-Башкирской республики И. В. Сталин говорит в статье «Одна из очередных задач», опубликованной в той же газете несколько дней спустя, 9 апреля 1918 года:

«Автономно-буржуазные группы, возникшие в ноябре и декабре прошлого года в окраинах поволжских татар, башкир, киргиз, Туркестанского края, постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы окончательно оторвать от них «их же собственные массы» и сплотить последние вокруг Советов, необходимо «взять» у них автономию, предварительно очистив её от буржуазной скверны, и превратить её из буржуазной в советскую».

Именно такой первой «очищенной от буржуазной скверны» автономной республикой и должна была стать, по мысли наркома, Татаро-Башкирская республика. Эта идея была поддержана и В. И. Лениным как противоядие республике «Идель-Урал», поскольку последняя возникла без разрешения центра и была республикой не большевистской, а чисто национальной, общенародной. Однако бои гражданской войны, особенно накалившиеся к лету 1918 года, отодвинули национальные проблемы на второй план.

Едва Поволжье очистилось от колчаковцев, руководящие деятели Казанского края вновь подняли проблему национальной автономии. В этом вопросе намечилось несколько точек зрения. Некоторые коммунисты (член Казанского губкома К. Грасис, Г. Шамигулов из Уфы, секретарь Уральского бюро ЦК РКП (б) И. Тунтул и др.) решительно выступали против татарской национальной автономии в любых видах. Другие — в основном татарские большевики — требовали продолжать работу по созданию Татаро-Башкирской республики с включением или без включения в неё Башкирии. Наконец, третьи ратовали за то, чтобы создать отдельную Татарскую республику. В конце концов после долгих дискуссий и обсуждений возобладала третья точка зрения.

13 декабря 1919 года Политбюро Центрального комитета партии по предложению В. И. Ленина отменило прежнее Положение Наркомнаца о Татаро-Башкирской республике. Тогда же условились вопрос о Татарской автономии решать особо. И спустя всего месяц с небольшим, 26 января 1920 года, то же Политбюро ЦК приняло решение об организации Татарской Автономной Советской Социалистической республики. Дальнейшей разработкой всех необходимых документов об образовании и границах ТАССР занималась специально созданная правительственная комиссия во главе с И. В. Сталиным.

БУЛГАР

ИХЛАС КҮҢЕЛДЭН • ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К ДУХОВНОСТИ

СВИЯЖСК

ИХЛАС КУНЕЛДЭН • ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К ДУХОВНОСТИ

Процесс этот не был простым и гладким. Бывший председатель Казанского губисполкома И. И. Ходорковский позднее вспоминал:

«Не только никаких подготовительных шагов к организации Татарской республики мы не предпринимали. Но мы даже не пытались по-настоящему этот вопрос обсудить, настолько нам казалось бесспорным, что образование Татарской республики – ненужная, вредная и несбыточная идея».

Несмотря на все эти трудности, явное или скрытое сопротивление шовинистически настроенных местных руководителей, 27 мая 1920 года декрет об образовании ТАССР был подписан председателем Совнаркома В. И. Лениным, председателем Всероссийского Центрального Исполнительного комитета М. И. Калининым и секретарем ВЦИК А. С. Енукидзе.

25 июня 1920 года власть в Татарской республике в торжественной обстановке была передана Временному революционному комитету Татарской Автономной Советской Социалистической республики. Первым руководителем вновь созданной республики Политбюро ЦК РКП (б) утвердило Сахибгарея Саид-Галеева. Именно этот день отмечается как день провозглашения государственности татарского народа.

До конца 1920 года в Татарской республике завершается формирование властных структур. В конце сентября того же года на учредительном съезде Советов ТССР был избран Центральный Исполнительный комитет (ТатЦИК) во главе с Б. Мансуровым. Вскоре было образовано правительство — Совет Народных Комиссаров, первым главой которого стал С. Саид-Галеев.

*(При подготовке этого материала использованы публикации
Б. Ф. Султанбекова, Л. А. Харисова
и А. Г. Галлямовой).*

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НАИЛЬ ИШМУХАМЕТОВ

НЕ ТОРОПИСЬ, ИДУЩИЙ ЧЕЛОВЕК...

Кто-то приходит в литературу «с молодых ногтей», а кто-то сворачивает с большака научно-технического прогресса в литературные дебри, пропылив по торёной брусчатке немало вёрст. Так вот в неполные 40 лет начал писать стихи инженер-электронщик издательско-полиграфического комплекса «Идел-Пресс» Наиль Ишмухаметов. Через год, обретя некоторые навыки стихосложения, он стал задумываться о поэтических переводах, благо, татарский язык был знаком с детства. Но с кого же начать? Тукай, Джалиль? Почти всё их творчество уже переведено. И второй вопрос: куда идти с переводами, нужно ли это кому-нибудь? Оба вопроса благополучно разрешились практически в одночасье — на осень 2004 года намечался конкурс поэтического перевода «Казанский форум». Времени до конкурса — в обрез. Недолго думая, Наиль «экспроприирует» с конвейера родного полиграфического предприятия книгу стихов народного поэта Татарстана Фаниса Яруллина «Закат». Погрузившись с головой в омут нового увлекательного дела, «юный дайвер» выныривает через 2 месяца с пятнадцатью переводами. Далее он знакомится с Фанисом-абы и получает от него неожиданное авторское одобрение. А в октябре переводы оценило жюри конкурса — Наиль Ишмухаметов становится лауреатом «Казанского форума» и получает премию им. Марка Зарецкого. В 2005 году первая переводная публикация в журнале «Идель» — разворот стихов Нияза Акмала. В 2006 году первая попытка прозаического перевода: рассказ Фарита Яхина «Печатный станок». Через месяц перевод опубликован в «Идели». Окрылённый первыми успехами Наиль

Ишмухаметов переводит всё новых и новых татарских авторов: поэты Габдулла Тукай, Муса Джалиль, Роберт Ахметзянов, Равиль Файзуллин, Зиннур Мансуров, Газинур Мурат, Ркаил Зайдулла, Юлдуз Миннуллина; прозаики Камиль Каримов, Алмаз Гимадиев, Мадина Маликова, Фанзаман Баттал, Султан Шамси, Асгат Саляхов, Равиль Валиев, Магсум Насыбуллин. Появляются и первые книжные экземпляры в его архиве: «Дорога к тебе» Мухаммата Мирзы, книга пьес Данила Салихова, переводные поэтические книги Сажида Сулеймановой, Рената Хариса, Харраса Аюпа, Рустема Закуана, антологии современной татарской прозы и поэзии — в каждую из этих книг включены переводы, выполненные Наилем Ишмухаметовым.

31 марта 2009 года в жизни переводчика происходит знаменательное событие — приём в Союз писателей Татарстана.

Муса Джалиль

Последняя песня

Ширь просторов земных,
Светлый радостный мир!..
А за лязгом дверным
Липкий сумрак тюрьмы.

В небе птица летит
Высоко... Высоко!
Стынь полов леденит,
Режут цепи оков.

Ждёт на воле цветок
Щедрых капель дождя.
Я в тоске занемог,
Больше нечего ждать.

Смерти лишь. А пока,
Эту песню про жизнь,
Что безумно сладка,
Напоследок сложил.

Возле двери

Иду своей дорогой. У крыльца
Стоит на цыпочках мальчишка, а рука
Дрожит от напряженья у мальчика –
Ещё чуть-чуть, и он достанет до звонка.

Я подошёл к нему: «Ну что, батыр,
Не досташь? Не получается «динь-динь»?»
— Не достаю...
— Я помогу тебе, а ты
Скажи-ка, два звонка давать или один?

— Нажмите пять!
Давлю... четыре, пять.
— Абы, — сказал малыш, — а Вы — герой!
Но всё равно Вам нужно убежать...
Прищурил глаз хитрец:
«Хозяин выйдет — злой!»

Клоп

Как же мерзко в тюрьме –
в норах мыши пищат,
Да клопы на неструганных нарах кишат.
Изловлю, раздавлю,
брызнет кровь по доске.
День проходит за днём
в маете да в тоске.
Думу думаю — эх, разобрать, разгромить,
Да с землёю сровнять бы застенки тюрьмы.
Кровопийцу бы, из-за которого мы
За решёткой сидим, как клопа раздавить.

* * *

Костяника

— Ты — жемчуга краше,
 брильянта прекрасней!
 Слова для тебя, не скупясь, расточаю.
 Открыться хочу...
 Только зря всё, напрасно —
 Словам ты не веришь,
 со мной ты скучаешь.
 Ты к искренним чувствам моим безучастна,
 Неверьем своим истерзала мне душу.
 Печаль от любви — безответной несчастной —
 Как мне показать — вынуть сердце наружу?!

Полный туес костяники
 Милая несёт с полей.
 Костяника, помощи-ка
 Мне в любви признаться ей.

Угощался целый день я,
 Вот уже и туес пуст...
 Ах, какое ж наслаждение —
 Ягодка любимых уст!

Мухаммат Мирза**Спасибо тебе, вдохновение!**

Коротким днём,
 Бессонной ночью,
 В метели, выюги,
 Холода,
 Когда душа
 Тепла захочет
 И тело ласки
 Ждёт,
 когда
 Весь в ожидании
 Весеннем,
 Ты станешь чуточку
 Рассеян,
 Когда грустишь
 О луноликой,
 На лунный лик в окно
 Взирая,
 С небес нисходит
 Вспышкой, бликом
 И горизонты
 Озаряет
 Волшебной силы
 Вдохновенье.
 Спасибо!
 Сотни раз спасибо
 Тебе за чудные
 Мгновенья!

Уроки истории

Историю вершит игра,
 Игра царей в войну.
 От той игры не жди добра,
 Когда стволы пальнут.

 Безудержная страсть царей
 К наживе — вот мотор
 Истории: скорей, скорей
 Захапать то и то!

 Придворного разврата тень
 Историю творит.
 Когда наступит Судный день,
 Что будут говорить?

 И склоки принцев за престол
 Историю вершат —
 Доить до крови люд простой
 Наследники спешат.

 Навито прошлое в спираль,
 Наверное, не зря.
 Несёт история мораль —
 Убей в себе царя.

Душа

* * *

Несчётно красок, сил несметно
Рождается, чтоб умереть.
И только Чёрное — бессмертно,
Не властна и над Белым смерть.

И между вечными цветами
Идёт извечная война –
То Белый вдруг темнее станет,
То в Чёрном белизна видна.

И, от рождения до смерти,
Нам уготовано судьбой –
Жить, угождая силам этим,
Невольно жертвуя собой.

Душа, не дай судьбы кручёной,
Дай силы, чтоб не задрожать,
И Чёрному ответить — чёрный,
И белый — Белому сказать.

Неужто я лишь жалил вас, как овод?
Не я ли посвящал вам оды, песни?
Не угодил я вам — так будет повод
Найти себе других, поинтересней.

Мой род изгнал меня, швырнул на камни,
Плохая кровь во мне течёт, похоже.
И быть изгоем суждено, пока мне
Плюёт в лицо и в душу всяк прохожий...

Не впрок пошла твоя любовь мне, что ли?
Ты стала, как затмённая Луна, и
Глаза мои полны тоски и боли –
Ты смотришь с недоверием, родная.

Мне кажется, что счастья нам не будет.
Я рву полыни горькие букеты...
Когда уйду, надеюсь, не забудешь,
Коль не ласкала жизнь на свете этом.

Дорога до тебя

Дорога до тебя — скала.
И мне карабкаться по ней
Немало долгих трудных дней.

Дорога до тебя — клубок.
Распутать тысячи узлов
Ошибок прошлых — тяжело.

Дорога до тебя — в обход.
Вдоль нескончаемой стены
Лесов, что гибельно-темны.

Дорога до тебя — река,
Сквозь глину русло нужно мне
Промыть, как суждено волне.

Дорога мыслей — в небесах.
И мне быстрее всего пройти
К тебе по Млечному Пути.

Злоба

Пей-гуляй, бессовестное время!
Сбил Тулпар копыта о коряги,
Заржавело пламенное стремя...
Там, где были тракты, — сплошь овраги.

В государстве праздном и бесхозном
Чёрный флаг бездарность водрузила,
Поздно помогать талантам — поздно:
Приютила гениев могила.

Бей-круши, бессовестное время!
До поры всё это... до поры.
Бей, но помни — чтобы сбросить бремя,
Русь бралась всерьёз за топоры!..

Роберт Ахметзянов**Надежда**

Надеждами полон проснёшься с зарёю,
Мечты на простор вырываются будто.
Идёт, приближается... Там, за горою
Далёкое счастье увидишь, как будто.
И снова... Ты молод... Полюбишь, как будто.

Поспать и скушать каравай –
Не главное в пути...
Эй, Минлебай, вставай, давай,
И Совесть разбуди!..

Через лес

Набухшие, словно кормилицы груди,
Несут облака нам надежду, как будто.
Так призрачно-зыбки надежды, так чудны,
На губках младенца пузырик, как будто,
Кружение первого снега, как будто!..

Разгар ночи и леса беспросвет,
Сияют звёзды, и не труден путь,
Иду-бреду — конца и края нет...
Туда ли мне? А может быть, свернуть?

Вступление к книге «Утро»

Проспавшим — в пламени костра
Погибнуть суждено! –
Встревожено стучу с утра
В татарское окно.

Мертвы, пьяны ли — не понять,
И молод спит, и стар.
Туйай, и тот не смог согнать
Мертвецкий сон с татар.

Проснись! Другие времена –
Дремать никак нельзя!
А сон сморит — во время сна
Не закрывай глаза!

Трусливо взгляд не отводи,
Нам беды — по плечу.
«Есть разговор, ну, выходи!» –
Я в двери колочу.

Ведь если все уснём, тогда
Без нас взойдёт заря...
А мы — в промозглых холодах
Продремлем жизнь зазря!..

Спешу и вязну в колее колёс –
Прошли дожди, дорога луж полна.
Раздвинув кроны, полуночный лес
Наполнил воду звёздами до дна.

По колким звёздам ускоряю шаг,
Опасность чую близко за спиной.
Влетает встречный ветер под обшлаг,
Бодрит и хочет поиграть со мной.

Фырчит и чавкает, как будто лось,
Водичка звёздная из-под ступней.
Жаль, увернуться мне не удалось
От хлётского куста, коварных пней.

О чём пугливо шепчется листва,
Встревоженная ветерком лесным?
Над ухом глухо ухнула сова,
Спугнув подкравшиеся сзади сны.

А светляки на ветках, как глаза
Врагов, что скрылись в складках тишины.
Зачем боюсь? И что же можно взять
У нищего — карманы дыр полны?

А может, это проверяет лес
Меня на смелость, на испуг берёт?
Поняв, что неспроста брожу я здесь,
Дыханьем тёплым тело обдаёт.

Растёт надежда: я вот-вот дойду
 До цели, до которой шёл весь век.
 Но вдруг услышал шёпот, как в бреду:
 «Не торопись, идущий человек!»

Шуршит листва: «Не выйди за края
 Ночного леса — это жизнь твоя!..»

Ркаил Зайдулла

* * *

Бежали мы вдвоём в траве высокой,
 Кузнечики сигали, кто куда.
 Устав, на землю падали, где соком
 Текла прохлады чистая вода.

Был синевою полон и прозрачен
 Шатёр небесный, белы облака.
 И нас сама природа, не иначе,
 Соединить хотела на века.

Бутоны раскрывались нам навстречу,
 Не в силах отвести влюблённых глаз
 Смотрели друг на друга мы, а вечер
 Волшебным тихим счастьем стал для нас.

В древнем городе Булгар

Я прикоснулся к холоду каменей
 И стены зазвенели мне в ответ...
 Прицеливался, показалось мне,
 Куда бы рухнуть, чёрный минарет.

Местечко Булгар — сердце всех татар,
 Душа татар вот тут вот рождена!
 И с башни этой, знай и млад, и стар,
 Во все концы летели семена.

Я, возжелав священной высоты,
 Полез наверх с одною из подруг.
 Но стены гладки, лестницы круты —
 Сломался с хрустом тужельки каблук.

Качнулся гибкий стан, о, дивный миг,
 И рухнул с криком в ложе сильных рук...

В тот миг я очень многое постиг,
 А башня наша в небо взмыла вдруг.

Молились мы с заоблачных высот,
 На жаркий пол колени опустив,
 Надеюсь, бог услышит и поймёт,
 Благословит, грехи нам отпустив.

По лестницам крутым спускались мы,
 За руки крепко взявшись.
 Шлейф веков
 Подобно шарфу тёк вослед из тьмы,
 Красивый, жаркий, цвета облаков.

Тихонечко уйдём и мы с тобой,
 Никто и никогда не вспомнит нас,
 Тропинка наша зарастёт травой...
 Но грянет, будоража кровь, весна,

И кто-нибудь придёт сюда опять.
 Сломается каблук, а может, нет...
 Джигит захочет девушку обнять —
 И к звёздам унесёт их минарет.

Рассыпавшиеся чётки *(короткие стихи)*

1. Пуповина

Дорога от заката до рассвета впереди,
 Ждёт за порогом ночь-волчица.
 Обрывок пуповины я прижму к груди —
 К вечности мне нужно подключиться.

2. Ночные фантазии

Когда во тьме полночной вдруг услышу
 Цветочный ветер, дрогнут ли ресницы?

Звезда с орбиты сиганёт на крышу,
Чтоб озарить улыбкой наши лица.

3. Тропинка

Ох, уж этот мне общажный холод,
потолок зарос щетиной инея.
Весь дрожа, иду своей тропинкою,
След её травой зарос, не полот,
вместо вешек — трели соловьиные.

4. Память

Мой друг...
Орёл, сражённый влёт недугом...
В ладонь холодной глины набираю...
Кого я знал, уходят друг за другом,
В их памяти я тоже умираю.

5. Смерть

Совсем уж юным он покинул белый свет...
Я спросил звезду, что на ладонь слетела:
Коль для души загробной вечной жизни нет,
Какой же толк от краткой бренной жизни тела?

6. Татарская могила на русском кладбище

Русские бабки торгуют
нетленной гвоздикой да хвоей,
Ими обложен и холмик,
и камень обветренный твой...
Символы вечности
век скоротечный окупят с лихвою,

А за оградой берёзка
кропит прошлогодней листвой...

7. Осень

И до меня, наконец-то, дошло,
что на улице осень:
люди, немедленно переодевшись,
мохнатое носят,
клёны неспешно халаты багряные
скинули оземь.

8. Грехи

На плече, чуть выше сердца, он сидит
И за мною добросовестно следит:
Видит ангел, где и с кем я изменял,
В Судный день ему влетит из-за меня...
Сердце грешное заранее болит.

9. Человеческий век

От радости ли слёзы лью из глаз?
От горя ли какого я реву?
Не ведаю... Живу ведь в первый раз!
И вместе с тем... в последний раз живу...

10. В походе

Не отпускает меня один вопрос извечный:
Лишь воевать, что ли, выпало нам,
божьем рабам?
Глянь, как на марше ногами стучит человек,
Можно подумать, под ним не земля — барабан.

Юлдуз Миннуллина

* * *

Что Идель, как сейчас там Идель?

Что Идель?
А Идель вся в снегу.
Вплывь не выйдешь в бескрайний простор.
С маяка, что на том берегу,
Ветер мартовский режет снега на бегу,
Что речной метеор.

Что Идель?
А Идель подо льдом.
На плечах палантином лежат облака.
Горизонт различаешь с трудом.
Ветер бесится, словно бульдог,
Разгрызая бетонную кость маяка.

Но однажды
В ночи полной грудью вздохнёт,
Пробуждаясь от спячки Идель,
Разрывая ледового панциря гнёт.
И маяк небесам озорно подмигнёт.
Зазвенит а капелла капель.

Незнакомый орнамент знакомой души
Гладью вышьет луча канитель...
Это будет весной, а сегодня в тиши
Подо льдом никуда ни к кому не спешит,
Катит грустные воды Идель.

* * *

Вперёд смотри –
сегодня
у города внутри
есть только ветер...
Людьми к земле пристёгнутое небо
сегодня
чернее смоли на белом свете.

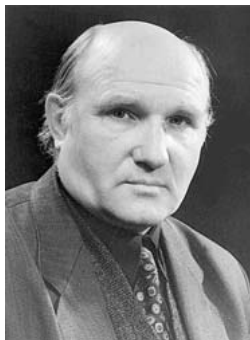
Вокруг смотри –
сегодня
крушатся стены

да стёкла бьются.
Людские тени над ними выются –
людские тени
поют,
смеются.

Глаза протри от вчерашней пыли
и кулаки сожми, что есть силы,
так, чтобы кровью карманы оплыли.
Почувствуй,
толчками
течёт
по жилам
новое
слово:
Мы — живые!

Ты видишь — раскидистый божий тополь?
Сегодня
взывает к нему минарет
о помощи.
Душу сожми, что есть мочи,
Душу до крови сожми
И топай...
Смотри вперёд.

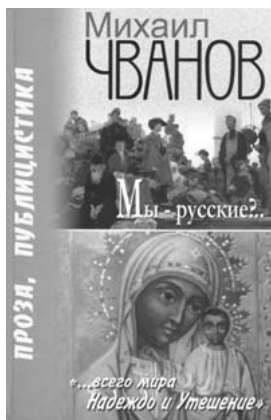
КОЛОКОЛА МИХАИЛА ЧВАНОВА

«Сплошные гоминоиды, с похмелья, с конопля трясёт... Вы все уже давно дисквалифицировались, вместо женщины у вас теперь бутылка. Скоро бабы от вас рожать перестанут. Одна надежда на «снежных мужиков». Полстраны проехала — и порядочного мужика нет, замуж вот выйти не за кого. Алкаш на алкаше, алиментщик на алиментщице, психованные все какие-то, полубабы, мужик с мужиком уже жить начали...»

Это рассуждает Ленка, героиня из рассказа Михаила Чванова «Осень в дубовых лесах». Почти тридцать лет назад написан рассказ, а как будто о сегодняшнем дне. Ничего не изменилось, ещё хуже стало. Автор бьёт в самое больное, в самое главное — исчезает в народе былая внутренняя сила, растворяется сам народ, распыляется, и нет этому злу никакого укорота. За сердце хватается: до какого же осквернения доведена жизнь, как низко пал человек, что же дальше с нами, с русской нацией, станет?

Страшнее всего то, что автор ничего не выдумывает, он просто изображает слепок жизни, той жизни, в которую опускается народ — наследник великой славы, воинской и трудовой, переживший столько бедствий и горя, что от другого на его месте и следов бы не осталось.

Я перечитал обе книги рассказов и повестей Михаила Чванова «Мы — русские?..» и «Вверх по реке времени» (к обеим написал блестящие предисловия прозаик А. Сегень) и был, признаюсь, потрясён до глубины души пронзительным талантом этого смелого и честного художника слова. Что ни рассказ — то открытие. Почти ни у кого из современных, даже самых ярких, писателей я не встречал таких героев, которых, несмотря на их некую чужаковатость и простоту, ты

не просто принимаешь сердцем, ты начинаешь их любить, переживать за них, сочувствовать им во всех обстоятельствах, потому что все они по натуре добрые, светлые душой, самые что ни на есть человеческие, выхваченные из глубины народной, из самой жизни.

Вот «вещий Игорь» из одноименного рассказа. Мальчишка, выросший в семье, где отец — «волк волком, сколько живём — ни разу не улыбнулся, одно слышишь: мать-перемать, зимой снегу не выпросишь... А этот — душа нараспашку, глаза навстречу тебе радостно растопырены, любому человеку рад, а уж если кто новый появится на улице — так тут же идёт знакомиться, и опекать будет, как больного или маленького. Другие ребяташки как ребяташки, играют себе, а он так и дежурит у ворот, как бы помочь кому да как бы успокоить

кого...». То он с коровой о чём-то говорит, ломоть хлеба ей даст. То бежит мужиков по улице собирать на помощь приехавшим замёрзшим в пути людям, то дров соседке наколает. Безотказный. И вот ведь — совершенно русская судьба. Подросток, стал выпивать. «А как выпьет, так из него отец, Николай, так и полезет». С отцом однажды из-за матери схватился, в тюрьму попал. Так с тех пор и пошла судьба наперекосяк. Из-за этой водки уже не раз «отслужил», как он сам признаётся. Трезвый — всем готов помочь, себя не жалеет. Двух ребяташек спас, когда те тонули на пруду, провалились в присыпанную снегом полынью. «Все орут, а толку. Ну что, едрёна мать, тут всё ясно: там — враги, тут — наши, надо лезть...» И как погибает? Опять-таки по доброте душевной. Большегрузная машина на красный свет поехала, напугала ребяташек, грязью окатила. Он прыгнул на подножку, стал урезонивать водителя, а тот его — монтировкой...

Вроде бы, чего его жалеть, пьяница. Да и ненормальный какой-то, шалопутный. А вот жалеешь, как родного, потому что душа у него светится, плакать о таком человеке хочется...

Или вот «общественный смотритель Журавлёв». Опять-таки насколько вроде бы необычная судьба: в молодости был красавцем, гордец гордецом, в консерватории о нём поговаривали как о восходящей звезде, стихи писал, которые печатали серьёзные журналы, критики хвалили. Ухаживал за балериной. И вот прошли годы. Встречает его на улице знакомый по студенческим временам, который когда-то тоже был влюблён в балерину. Журавлёв теперь работает техническим инспектором. Не стал ни композитором, ни поэтом. Принципиально. Ездит по дальним районам, проверяет технику, чтобы не было аварий, борется за здоровье людей. Конкретное дело. Это лучше, чем быть посредственным поэтом или композитором, считает он. Пять лет назад та самая балерина, за которой он ухаживал и которая «отшила» его, попала в автомобильную катастрофу. Муж погиб, а она жива осталась, но повредила позвоночник. И вот он теперь содержит её, ухаживает за ней, воспитывает её маленьких детей.

Чтобы понять характер Журавлёва, всю его необычайную трагически-оптимистическую натуру, надо читать рассказ. Где ты ещё встретишь такого человека, как не в самом народе, где увидишь такой несгибаемый феномен человеческого счастья? Прочитаешь — и в груди защемит: Господи, какой человек!.. Одновременно и больно, и радостно за него. И на жизнь начинаешь смотреть другими, более просветлёнными глазами.

Рассказ об учителе черчения вообще поражает воображение. Что это, вымысел, фантастика или некое прозрение автора, который наделяет своего героя, простого учителя, тем не менее человека не от мира сего, каким его видят соседи и коллеги, гениальным складом ума. Он утверждает, что «создал теорию единого поля и выразил её в единой формуле. Эта теория объединяет в одно и объясняет все открытые по сей день законы физики и математики, все законы пространства и времени». И эту теорию никто не может принять и понять, но и отмахнуться невозможно — уж очень логически всё выверено. И страшно, если она найдёт применение на практике. Герой рассказа утверждает, что алхимики, о которых мы сегодня вспоминаем с усмешкой, знали о расщеплении атомного ядра давно. Как, впрочем, многие учёные древности ещё до Демокрита. Но, в отличие от нынешних учёных-атомщиков, они знали, к чему это открытие может привести. И все эти знания спрятали глубоко, засекретили, зашифровали. Вроде бы, скорее похоже на фантастику то, до чего додумался учитель черчения — опять-таки простой человек, самоучка, современный алхимик, не академик. Автор здесь подчёркивает неисчерпаемые силы, спрятанные в народе, природный талант, которым он обладает и который не раз спасал его в самые критические времена. И написано так убедительно, что читаешь и веришь: есть такой человек, есть такая теория...

И вот что удивительно.

Недавно по телевидению я услышал рассуждение одного известного учёного, который заявил, что если бы сегодня были расшифрованы все тайны древности, земля бы уже погибла. Человек не готов воспользоваться знаниями, которые могут дать необузданную власть над природой. Последствия были бы ужасающими. И я тут же вспомнил «учителя черчения».

В этом рассказе Михаил Чванов заостряет вопрос о нравственности современного учёного, который, делая открытие, не должен забывать, к чему это открытие может привести. Ибо соотношение добра и зла в данном случае вырастает до глобального масштаба, и может стать — до глобальной катастрофы. Глубоко копнул автор, далеко заглянул.

И почти все герои в книге вот такие: обязательно деятельные, добрые, совестливые, зачастую гонимые, но непременно со свечой в душе, с любовью к миру, к людям, к природе. Это и Дима из рассказа «Бранденбургские ворота», который умеет один класть печи из чёрной глины в приполярной тайге, и эти печи греют людей, и вся надежда там на него. А кто он? «Беглый не беглый, бич не бич — не поймёшь кто, документов нет, но зла никому не делает...» Никто не нашёл в тех местах глины, а он нашёл, и жжёт из неё кирпич, и печи кладёт. И глина чёрная, и печи из неё чёрные, и хорошо греют. А как попал на Север? Служил сверхсрочно в ГДР, был его пост у Бранденбургских ворот, влюбился в немку, две девочки-близняшки родились, Эльза и Маша. Но кому-то это не понравилось, и оказался Дима в лагерях в приполярной тайге. Судьба сломана, беду в себе носит, но зла ни на кого не держит. Живёт, пьёт, конечно, но сколько пользы от его пребывания в этом мире!

Когда читаешь эти рассказы, не отпускает ощущение, какую боль, какие трепетные, почти родственные, чувства к своим героям испытывает автор, какими чистыми акварельными красками рисует он их портреты, с какой необъяснимой художественной силой изображает их судьбу, изображает жизнь.

В рассказах настолько узнаваемо время действия, что даже не надо смотреть, в какие годы это написано. А посмотришь — и поразишься. Приметы тех лет восстанавли-

вают самое главное, что было в жизни народа, страны. Это присуще только большому художнику слова — изобразить в малом важный момент, который стал историческим для общества. Взять ли рассказ «На тихой реке», где повествуется, как равнодушные спасатели везут в лодке ещё живого мальчика, которого вытащил на поверхность воды случайный купальщик. Мальчика можно было спасти, но «спасатели» не торопятся, им всё равно. И вот картина: загорелые до черноты, они пьют прохладное пиво в своей дежурке за ширмой, а на раскалённом песке мать над мёртвым сыном — невозможно читать эти вопиющие строки. Написано в 1985 году. К власти только что пришёл Горбачёв. И страна, как этот полумёртвый мальчик, брошена в лодку тщеславному безразличному правителю. Что было дальше, мы знаем. Этот момент отмечает в предисловии и прозаик А. Сегень, чутко уловивший настроение и замысел рассказа.

Или жуткая повесть «У перевала» с подзаголовком «Прекрасен отдых в осенних горах» — это ведь поставлен точный диагноз больному, обречённому на гибель обществу, государству, в котором люди потеряли всякое чувство ответственности, стали инфантильными и равнодушными друг к другу, нравственные устои, понятия стали пустым звуком для большинства, думающего только о себе, о своей выгоде, забывая, что плывут в одной лодке, в данном случае в одной связке, как это случилось с туристической группой, и трагедия неминуема. И тогда, как правило, погибают лучшие. Чванов, написавший повесть ещё в 1980 году, по сути предсказал, что всех ждёт в недалёком будущем. Он угадал главное, угадал причину назревающей катастрофы в стране. И она — прежде всего в духовной составляющей общества. Ну так и нечего пенять на кого-то и на то, в каком сегодня мире живём.

Или маленький, всего на две странички, рассказ «Жилая деревня». Автор изображает разорение русской земли, её опустошение. Там, где недавно ещё кипела жизнь, где колосились поля, теперь бурьян — на десятки вёрст окрест. В одной деревне пусто, в другой — один старик, к которому наезжают по осени родные, чтобы накопать картошки. Что может спасти нас, неужто совсем пропали? Всё-таки Чванов оставляет надежду: в этой глуши, куда и воры-то не заглянут, в пустом доме есть икона, а раз есть икона, туда ещё «хоть раз на месяц в году» приезжает Матрёна Ярыгина. Раёвкой называлась деревня. «Рая, конечно, не было, но жили. И перед страной заслуги были: и трудовые, и боевые, никак полсотни мужиков на войне легло, и Герой Советского Союза свой был. Даже два, второй, правда, уже не на войне получил, лётчик-испытатель...» Прочитаешь такое — и вспомнишь, что почти везде сегодня так, в какую сторону ни поедешь. И автор заканчивает рассказ болевой строкой: «Больше я этой дорогой не ездил. Не могу».

И мы уже в большинстве не ездим, потому что некуда и не к кому. Быльём поросла русская деревня. И невольное осознание вины, и горечь на сердце, и закономерный вопрос: что же дальше?

Читая книгу, я досадовал на себя: ну почему я так поздно открыл этого талантливейшего прозаика, ведь он начал печататься ещё в 70-е годы, причём один из его первых рассказов «Билет в детство» — шедевр современной литературы, который не заметить было просто нельзя. А ведь ещё Василь Быков писал ему тогда: «Дорогой Михаил! Ваш рассказ «Билет в детство» просто прекрасен. Замечательный рассказ! Я не вижу в нём недостатков, читать его было сплошным наслаждением. Пиром души. Очень точно, очень ёмко, очень трогательно! И всё так верно... Рассказ этот сви-

детельство того, что Вы можете... Не верьте там разным... Больше слушайте себя самого, талант Вам подскажет». Почему-то критика старательно обходила молчанием творчество писателя, который и по духу, и по художественной силе, и по судьбе стоит в одном ряду с самыми прославленными именами русской словесности.

Неужели слава путешественника, прошедшего малохоженными тропами Урала, Камчатки, Чукотки, Якутии, поднимавшегося к кратерам величайших вулканов Евразии: Ключевского, Безымянного, обоих Толбачиков, руководство Всесоюзной экспедицией по поискам пропавшего в августе 1937 года при перелёте через Северный полюс самолёта С.А. Леваневского, слава председателя созданного им Аксаковского фонда, организатора ежегодного Международного Аксаковского праздника в Башкирии, вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры затмили яркое писательское дарование Михаила Чванова как в писательской среде, так и среди читателей?!

Вряд ли это.

Пожалуй, дело в публицистике, в воззрениях Михаила Чванова на историю славянства, во многом расходящуюся с теми же коллегами-патриотами по русскому национальному вопросу. Он мучительно размышляет: кто мы такие? Откуда мы — русские: народ, нация, какое предназначение наше на Земле? Или стать спасителями человечества, или, не оправдав надежд Бога, стать всего лишь живительным навозом для других народов? Почему славяне в своё время разбежались в истории? И до сих пор разбегаемся — русские, украинцы, белорусы, балканские славяне. Неужели славянское единство — это только иллюзия, губительный для России миф, созданный славянофилами во главе с Иваном Аксаковым, сыном дивного писателя Сергея Аксакова? Или всё же — спасительный, в том числе для всего человечества, союз?

Чванов горестно размышляет об этом и в автобиографической повести «Крест мой?!», и в статьях о семействе Аксаковых, и в философских раздумьях, которые, как правило, многослойны. В них история глубоко сплавлена с этнографией, и это настолько интересно и неожиданно, что начинаешь сам мыслить, чувствовать, переживать вместе с автором, который вызывает тебя словно бы на спор, порой и сам сомневаясь в своей неумолимой логике, но заряжает собеседника достоверными убедительными, а часто и малоизвестными широкому читателю, фактами. И ты уже на его стороне.

«Меня, как русского, — рассуждает он, — коробят истеричные статьи, доказывающие, что мы, русские, — великая нация. Ну, во-первых, это свойство малых или неполноценных народов — постоянно вопить о своём величии, ничего не делая для него, а во-вторых: кем нам выдана эта индульгенция на величие? И если выдана — то что, до скончания века?» Он подчёркивает, что каждое поколение должно заслужить это величие. Делом заслужить. Величие — не в величине территории и населения, а в силе духа народа. Русский — это не по крови, это по духу. Больше ста народов Всевышний соединил в одной Отчизне. Её, как мать, не выбирают. Это — воля Всевышнего. За всю историю Российского государства православные и мусульмане всегда стояли бок о бок в защите Отчизны. У нас одна Родина. Не будем забывать, что цвет русского дворянства составляли выходцы из Золотой Орды — Карамзины, Державины, Аксаковы, Апраксины, Голицыны, Татищевы, Измайловы, Аракчевы, Бунины, Тургеневы, Арсеньевы, Годуновы, Дашковы, Мусины-Пушкины, Танеевы, Сабуровы, Суворовы... Знатные роды! Это они, получив в своё время уделы в Московской Руси, стали опорой самодержавия, стали православными русскими, их потомки в большей части впослед-

ствии вернулись опять в Поволжье, на Урал. Так мудро строилась Русь. В этом смысл истинного евразийства, которое поднимает на щит Михаил Чванов. Не случайно он приводит высказывание Ф. Достоевского: «Русский — это православный».

И не случайно на одном из Аксаковских праздников, потом ещё и на Всемирном Русском соборе Верховный муфтий России заявил во всеуслышание о спасении Святой Руси. Многие русские стесняются говорить об этом, а вот муфтий не постеснялся. «Святое всё, что исходит от Бога, — сказал он... — Привыкли, что «Святая Русь» только для православных. Но мы, мусульмане, по своей истории знаем, что наши предки, которые живут сейчас по всей России, приняли ислам добровольно, у нас, как у православных, тоже была свобода выбора. А когда вера выбирается добровольно, это и есть святое. Поэтому естественно, нормально и нужно мусульманину называть свою Отчизну, которая у нас с православными общая, Святой Русью».

Вот ведь как просто и мудро.

Вообще, чтобы понять глубже мировоззрение Чванова, надо читать Чванова.

На мой взгляд, так масштабно, так пронзительно и трагически о том, что случилось с Россией и Югославией в девяностые годы, ещё никто в нашей литературе не написал. В развёрнутом рассказе «Русские женщины», в небольших по объёму повестях «Свидание в Праге», «Времена года» и «Белый Ангел» по сути одни герои и одна тема — судьба русских людей, русских офицеров, обманутых, оказавшихся ненужными на Родине и воюющих в Сербии, горестная судьба русских женщин, чьи достойные мужья воюют и погибают на чужой земле, судьба югославов в братоубийственной войне.

Разве не рвёт сердце судьба русского генерала, который в Приднестровье не выполнил приказ об упреждающем огне и, спасая население, открыл огонь на поражение по молдавско-румынским частям? Теперь его разыскивает Интерпол, на Родине ему нет защиты, нет дела, он вынужден сражаться в Сербии. Больше нет для него места на земле. «И здесь мы скорее приживалки у чужой беды, чем помощники», — с болью, с горечью признаётся он. Сколько там русских могил — и что? Чванов, по сути, окончательно здесь приходит к мысли о несостоятельности славянофильства, которому он так много отдал души, сил и времени. Балканские славяне — сербы, болгары, чехи, поляки, хорваты — все друг против друга, все словно обезумели в своём противостоянии, не понимая, какая глобальная катастрофа уже гудит над головой, над какой пропастью они стоят.

И разве не об этом же — судьба русского полковника Алексея Нелюбина из повести «Свидание в Праге»? Он сражался в Афганистане, в Нагорном Карабахе, его жене прислали сообщение о смерти мужа, она вынуждена была бежать с дочкой из Душанбе, где убили его родителей, чтобы завладеть домом, в Германию, вышла в конце концов замуж за спасшего её немца, теперь у неё своя семья. А он оказался жив, он опять в горячих точках, и его разыскивает Интерпол. И вот он находит её адрес, звонит ей и назначает свидание своей жене тайно, словно любовнице, в Праге. И они встречаются, чтобы разойтись навсегда. Она — в Берлин, к семье, он — в Сербию, где, прикрывая беженцев, раненым попадает в руки албанцев, и его распинают на дверях разрушенной церкви...

Это надо читать всем, чтобы понять всю трагедию русского честного офицера девяностых. Это написано с такой потрясающей художественной силой, что рыдать хочется от любви и боли, от гордости за настоящего человека, каких всё меньше и меньше на земле. Так написать мог только тот, кто не однажды побывал в балканском котле, своими глазами видел то, что происходило в Югославии.

Савва Ямщиков писал: «Для меня подлинным открытием, заставившим восхититься и преклонить колени перед истинным подвижником и здравым мыслителем, стало знакомство с писателем Михаилом Андреевичем Чвановым. Том чвановской прозы и публицистики «Мы — русские?..» я в прямом смысле впитал в себя. Каждая строчка, каждое событие, каждая мысль автора были поразительно созвучны моему нынешнему настрою, а порою я забывал, что читаю написанное другим человеком, и становился незримым соавтором талантливого творца.

Глубоко философское осмысление югославской трагедии знающего историю и судьбу растерзанного края не с чужих слов Михаила Чванова. Когда мы с Аркадием Мамонтовым работали над фильмом о поруганных святынях Косова, я всё время обращался к страницам чвановской книги, находя исчерпывающие ответы на самые сложные вопросы в отношениях России и Сербии.

Литературные произведения, вышедшие из-под пера Чванова, органично вписываются в богатейшую сокровищницу современного русского писательского творчества и выдерживают сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова и Носова».

Добавлю: какое сердце останется равнодушным, когда читаешь эти произведения, какое не дрогнет от любви к таланту необычайной силы?!

Рассказ «Французские письма» — это такая поэма о любви, о которой давно забыли современные читатели. Столько трепетного чувства, столько страдания и радости, столько нежной души в этом повествовании, что поневоле забываешь, в какое время живёшь на земле. И повесть «Последний день года Собаки» не оставит читателя равнодушным, как и другие рассказы, очерки этого прекрасного писателя, живущего в Башкирии, где он, потомок русских крестьян, переселённых в Приуралье и на Урал в одно время с крестьянами С. Аксакова, и родился.

«Для меня, — пишет он, — понятие русский — не понятие крови, а отношение к Отечеству, к Богу. И для меня многие башкиры, татары, якуты, оставаясь башкирами, татарами, якутами, более русские, чем многие русские по паспорту».

Честно сказано и справедливо. Его усилиями в селе Надеждино, на стыке Европы и Азии, на юге Башкирии, в Дмитриевском православном храме, и на колокольне Свято-Никольского храма на севере Башкирии зазвонили колокола. Вот она, русская душа патриота-подвижника!

«Во второй раз, вернувшись с Балкан, из раздираемой братоубийственной войной Югославии, я поехал на родину, к добрым своим башкирам и татарам, и на всякий случай попросил место, где хотел бы лечь, если умру не вдали от Родины, где хотел бы лечь, чтобы оттуда мне хорошо были видны и башкирское село Каратавлы, и татарский Малояз, и родная моя Михайловка».

Повести, рассказы и очерки Михаила Чванова — это колокола веры, любви и надежды русского сердца. Как хочется, чтобы они были услышаны!

ГОД РОССИИ ВО ФРАНЦИИ

МИХАИЛ ЧВАНОВ

*«Увидеть Париж – и умереть!»,
или Повесть о Дмитрии Донском
– потопике французских
крестоносцев*

Памяти Андре Саразэна де Гаса,
в котором не было ни капли
русской крови, который никогда не ви-
дел Россию, но беззаветно любил её.

«Скажу, что русская душа легче принимает смирение, чем другие,
потому что она очень возвышенная, и наша православная вера
беспреданно напоминает нам эту заповедь:

Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...»
**Ирен де Юриша. В девичестве Ирина Альбертовна
Переяславльцева-де Гас**

БЫТУЕТ РАСХОЖАЯ фразе: «Увидеть Париж — и умереть!» Она подразумевает беззаботным туристом увидеть Елисейские поля, Сену, Лувр, Монмартр, те же Мулен Руж и Плас Пигал, разумеется, Эйфелеву башню, по моему глубокому убеждению, уродующую французскую столицу. Она — печальное свидетельство того, как с помощью пошлого пиара символом древнего, по своему прекрас-

ного города можно избрать нелепое сооружение, нечто вроде опоры высоковольтных передач или нефтяной вышки.

«Увидеть Париж — и умереть!» В двадцатые же годы прошлого века эта фраза для несчастных русских беженцев в результате гражданской войны имела другой, прямой смысл: чудом оставшись в живых на Родине, после долгих скитаний добраться до Парижа и умереть здесь в тоске по России, на купленном вскладчину кусочке Земли под Парижем около городка Сент-Женевьев-де-Буа, сделав его тем самым известным на весь мир. Но это ещё лучшая доля. Сотни тысяч других не добрались до Парижа, легли одинокими, часто безвестными могилами на сотнях других кладбищ Европы. А ещё были кладбища Китая, Латинской Америки, Африки, Австралии...

«Мой отец был французским гражданином, старшим из одиннадцати детей, двое из которых постриглись в монахи ордена траппистов монастыря Мон де Кат, возвышающегося на горе над Фландрской долиной близ бельгийской границы, а четверо стали монахинями-помощницами храма Святого Сердца. Он получил блестящее образование, сначала у иезуитов, затем в католическом университете Лилля. Он принадлежал к очень древнему роду, где было много генералов и артистов... Рано овдовев после брака с девицей Ле Бель де Сермез, от которой у него не было детей, мой отец решил попутешествовать, и где-то в 1895 году (это было время великого франко-русского альянса) путь его привёл в нашу милую Россию, которая очаровала его... Он познакомился с моей матерью, Верой Александровной Переяславльцевой в Ужебурге, одном из прибалтийских курортов, куда она приехала на летний отдых в сопровождении одной из сестёр своего отца... Семья моей матери жила в Петербурге в особняке на Васильевском острове. В доме была прекрасная картинная галерея с полотнами Греза и скульптурами Торвальдсена, которыми любовался великий князь Константин, когда приезжал навещать моих дедушку с бабушкой; позже они были куплены Эрмитажем...

Мой дед по матери, князь Андрей Федорович Переяславльцев был тайным советником и начальником канцелярии Его Величества Александра II... Князья Переяславльцевы являются потомками Рюрика — через Святого Александра Невского, сын которого Димитрий был первым князем Переяславля-Залесского. Королева Франции Анна Российская принадлежала к этому роду... Мою мать крестили в часовне императорского дворца, и крёстным у неё был сам Его Величество Император Александр II... После свадьбы мои родители устроились в поместье Покровское, которое мой отец только что купил. Оно располагалось близ Аксёнова в Уфимской губернии. Самые счастливые годы нашего с братом раннего детства прошли здесь...»

Эти строки из мемуаров Ирен де Юрша, в девичестве Ирины де Гас-Переяславльцевой, дочери бывшего владельца Покровского Альберта де Гаса, в марте 2005 года мне читает, точнее, переводит служивший в Алжире капитан в отставке французской армии месть Aleksis Abakumoff, внук полковника по матери и капитана по отцу Белой армии Алексей Владимирович Абакумов — под потрескивание камина в старинном французском замке XVI века (отсюда уходили в печально известные крестовые походы) недалеко от города Анже, что в

трёхстах километрах юго-западнее Парижа. За высокими решетчатыми окнами оглушительно шумит ливень, жена Алексея Владимировича, голландка Жаннет, протестантка по вероисповеданию, узнав о моём приезде, долго ломала голову, чем меня угостить-удивить, и, в конце концов, поставила передо мной этакую бадейку «русского салата», то есть винегрета (в какой-то кулинарной книге вычитала, что это самая любимая у русских еда). В левом переднем углу — живописный портрет бывшей хозяйки замка Ирен де Юрша, напротив меня сидит хозяин замка, сухонький пожилой француз — месье Андрэ Саразэн де Гас, он приходится автору мемуаров не просто племянником, по настойчивым просьбам его написаны эти воспоминания.

— Вы непременно попробуйте местное вино, — угощал меня Алексей Владимирович. — Оно должно вам понравиться. Вон за тем лесом виноградник актера Депардьё, он знал, где приобретать... Вы знаете, после того, как сгорела усадьба у вас в Уфимской губернии, в Покровском, рядом с Аксёновым, по всему нужно было уезжать во Францию, тем более, что они были французскими подданными, но Россия уже целиком завладела их сердцами. — И читал-переводил дальше: «Так как от мысли устроиться во Франции отказались, родители приобрели новое поместье, тоже в Уфимской губернии, примерно в 15 верстах от предыдущей усадьбы. Я уже говорила, что мой отец был кем угодно, но только не рассудительным деловым человеком; думая, что делает выгодное помещение капитала, он просто-напросто дал себя обмануть. Вот что произошло: после продажи Покровского он одолжил очень крупные суммы одной из наших соседок по поместью, генеральше Шафрановой, которая жила на широкую ногу с двадцатью двумя слугами, похвалялась связями при дворе и предприняла создание в своём Шафранове санатория. Это казалось моему отцу наилучшим вложением денег до того дня, когда он узнал, что дама была вся в долгах, и что всё её имущество было описано. Только Дворянскому банку она задолжала 30 тысяч рублей золотом. Мои родители потеряли много денег в этой досадной истории, но вступили во владение Шафрановым и санаторием, которым — хочешь не хочешь — надо было управлять».

В судьбе этой французско-русской семьи есть что-то мистическое. На ней концентрированно сошлось всё, что истинно связывало и, может, ещё связывает истинную Францию с истинной Россией, начиная с времени королевы Франции Анны, дочери Ярослава Мудрого и, может, кончая недавним бесспорно мужественным отказом французов от глобалистской евроконституции, показавшим, что они ещё не потеряли национальной гордости и национального самосознания. Широко известна, но, скорее, символична в смысле реальной помощи России история авиаэскадрильи «Нормандия-Неман» в годы Второй мировой войны, но мало известна, и прежде всего в России, высокая и трагическая судьба Русского экспедиционного корпуса, его роль в судьбе Франции в Первую мировую войну. Не кто-нибудь, а маршал Фош, тогдашний верховный главнокомандующий союзными войсками на Западном фронте, именем которого, как у нас именем маршала Жукова, названы улицы во многих городах Франции, сказал: «Если бы не Русский экспедиционный корпус, то Франции, как государства, не существовало бы на нынешней карте Европы».

— Вы знаете, — говорил мне Алексей Владимирович, — её воспоминания были бы похожи на десятки других воспоминаний русских беженцев, если бы не одно обстоятельство, что они написаны французенкой, к тому же принадлежавшей по отцу к одному из древнейших французских родов, но которая чувствовала себя русской более, чем многие стопроцентные русские и для которой судьба, будущее России были важнее всего на свете. Что ещё удивительно: она писала о ряде мистических аналогий в истории России и Франции — о схожести революций, французской Вандеи и гражданской войны в России, в трагических судьбах Людовика XVI и Николая II: «Тот и другой были умны и образованны, бесконечно преданы своему народу и оба погибли как мученики, простив тем, кто принёс их в жертву». Случайно ли, что по французскому образцу, словно под копирку, развивались революционные события в России? Случайно ли, что, как в своё время во Франции, русский народ разорвали на белых и красных? Кто стоит за всем этим? И попытки защиты христианства — с белыми знамёнами? Только во Франции на них было изображено Сердце Господне, а в России — Терновый венец.

Эта французско-русская семья успела пострадать от народной стихии, вызванной одним и тем же вирусом, и во Франции, и в России: «Французская революция подвергла наш род многим испытаниям и осталась в детских воспоминаниях отца ещё очень близким событием, которое не припоминали без страха; ему самому приходилось слушать рассказы родственников и друзей, оказавшихся свидетелями этих трагических событий; я помню, как после не менее трагической революции в России он говорил мне, что я узнала те же несчастья, что и одна молодая девушка из нашего рода во время французской революции. С тех пор я часто сожалела о том, что не записывала этих воспоминаний, которые были бы столь драгоценны сегодня. И именно поэтому, отвечая на горячие просьбы племянников, я оказалась перед этими чистыми пока листами, как школьница, стараясь снова припомнить прекрасные годы моего раннего детства в чудесном поместье в моей милой России, и ужасные времена тоже, увы, которые мне пришлось пережить во время страшной трагедии 1917 года... Я расскажу, какой там была жизнь маленькой французенки, о наших прогулках в лесах и заснеженных полях под весёлые колокольчики троек, среди русских крестьян, которые нас любили и которых любили мы; скольким же из них пришлось узнать нищету и концлагеря... Мы вспомним Москву моей молодости, куда мы ездили на зиму, мы увидим там семью моей матери, балы высшего общества, а потом нашу жизнь загнанных зверей, в страшной нужде, ежедневно ожидающих смерти во время гражданской войны, когда моя мать и я, оставив отца в поместье, бежали на Дон...»

Но начну с начала. Несколько лет назад через французское посольство, через живущую в Уфе гражданку Франции Нину Александровну Антонову поступило письмо примерно такого содержания: «...моя тётя в начале прошлого века владела под Уфой санаторием Шафраново. Сохранилась ли церковь в Шафранове? О ней она вспоминала до самых последних дней своих и сделала по памяти её рисунок. Если нет, то я мог бы вложить в восстановление церкви свою скромную лепту».

Долго ли, коротко ли бродило это письмо, но, в конце концов, попало туда, куда, видимо, по Божьему промыслу и должно было попасть: к уроженцу Шафранова, в то время начальнику Главного социально-экономического управления Администрации президента РФ, председателю Попечительского совета Аксаковского фонда Виктору Александровичу Пчелинцеву. Отвечать во Францию было не просто. По той причине, что церкви давно не было. Одно время в ней была школа, в которой учился и Виктор Александрович, а теперь был лишь фундамент, да ещё был, правда, настоятель несуществующего храма, отец Исай.

Помимо административного телефона у Виктора Александровича, бывшего партийного работника, была душа, болеющая как за большую, так и за малую родину, и он, «пользуясь служебным положением», стал звонить то одному, то другому земляку, и если свести эти многочисленные звонки воедино, смысл их сводился к одному:

— Ну что, мужики, французу будем отвечать? Не стыдно нам будет за счёт его церковь восстанавливать?

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, но стараниями многих людей к сегодняшнему дню уже встали стены Божьего храма (к сожалению, по вине отца Исаея с опасными конструктивными и художественными отклонениями от первоначального проекта). И когда мне пришло приглашение участвовать в Парижском книжном салоне (увы, не в составе официальной российской делегации, прямо скажем, имеющей к российской литературе очень косвенное отношение, а в составе небольшой группы русских писателей по личному приглашению тогдашнего президента Франции Жака Ширака) с книгами «Мы — русские?..» и «Лестница в небо», которая заканчивается эссе «Крест мой?!» — о восстановлении аксаковских мест, Виктор Александрович насел на меня:

— Ты найди этого француза! Спасибо скажи, пригласи на очередной Аксаковский праздник, ведь, если честно, если бы не его письмо, кто знает, сколько бы ещё лет раскачивались с восстановлением храма.

Всё, что у меня было по прилёту в Париж, это номер телефона. Это не так уж мало, если бы не то обстоятельство, что я не знаю французского, а месье Андрэ Саразэн — русского. Я попросил связаться с ним члена Попечительского совета Аксаковского фонда, тогдашнего сотрудника штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже Владимира Николаевича Сергеева.

— Неужели поедете один? — попытался он отговаривать меня, не имея возможности поехать со мной. — Не зная языка, триста с лишним километров до города Анже, потом ещё куда-то в сторону. Ну, допустим, доберётесь, а как будете общаться с ним?

Чтобы успокоить Владимира Николаевича, я рассказал ему забавный случай из своей поездки в Сирию в разгар американских бомбардировок Багдада. Однажды в Дамаске, оказавшись вечером далеко от центра города и не зная арабского и схемы автобусного движения, я решил выйти на гостиницу, в которой жил, напрямик, сориентировавшись на гору Касьон, возвышающуюся над городом. Было ещё не поздно, но старый Дамаск, в который я скоро попал и улицы которого были так узки, что порой двоим трудно разойтись, был уже по-ночному пустынен. Но это меня не смутило, я был уверен, что более

или менее точно выйду на свою гостиницу, абсолютное чувство ориентировки, выработанное в таёжных и горных экспедициях, никогда ещё не подводило меня. Неожиданно вышел на небольшую освещённую площадку, на которой бил крохотный фонтанчик, около него несколько арабов вечерничали с кофе. Увидев меня, они немало удивились, а потом дружно замахали руками, приглашая присоединиться. Было бы нелепым в моём положении отказываться...

«Что, русский, заблудился?» — после довольно продолжительного и напряжённого молчания неожиданно по-русски спросил один из них. «Да нет... — облегчённо улыбнулся я. — А почему вы сразу решили, что я русский?» Араб перевёл мой вопрос остальным, и все дружно засмеялись, переговариваясь между собой. «Они говорят, — перевёл он уже мне, — что Дамаск, конечно, не Багдад, но всё равно: неужели американец или англичанин пойдёт один по ночному старому Дамаску?!»

Мой довод показался Владимиру Николаевичу убедительным. По телефону они договорились, что месье Андре Саразэн будет ждать меня в г. Анже на перроне первым поездом около первого вагона с газетой «Фигаро» в левой руке. Всё бы хорошо, только из-за забастовки лицеистов в Париже я опоздал на поезд и выехал только следующим. Но всё-таки мы встретились. Молча пожали друг другу руки, молча сели в машину. Выяснив, что я не знаю ни английского, ни немецкого (за железным занавесом в великой стране Советов мы считали это не обязательным, пусть другие учат русский!), месье Саразэн стал куда-то звонить по мобильнику. Так оказался в нашей компании, точнее, мы в его, капитан в отставке французской армии, служивший в Алжире, месье Aleksis Abakimoff, внук капитана и полковника Русской армии генерала Врангеля, Алексей Владимирович Абакумов.

— Месье Саразэн — профессор Католического университета в Анже. Более того, можно сказать, что он чуть ли не главный католик Франции, потому как Анже — центр французского католицизма. Но душа у него, точно, православная. Иногда мне кажется, что он крестится по-русски. В 2003 году он издал воспоминания своей тёти во Франции, написав к ним предисловие, он мечтает издать их в России. Он никогда не был в России, в нём нет ни капли русской крови, но все его помыслы о России, о Шафранове, цела ли там церковь. Как вам точнее сказать: ему неуютно жить от мысли, что её вдруг там нет.

Месье Саразэн повёл меня в полуподвал замка. Это, по сути, музей. (Впрочем, весь огромный дом-замок представляет собой редкостный музей: доспехи крестоносцев, портреты предков, строго глядящих со стен, знамёна, мушкеты, сабли, мечи...) И опять-таки в левом переднем углу напоминание о Шафранове: рисунок церкви, написанный по памяти его тётей, портрет её брата, юного Дмитрия Гаса, в красной черкеске, с кинжалом. И рядом — скульптура юного Николая II на коне... Шафраново месье Саразэн пока представляет только по воспоминаниям своей тёти:

«Не соперничая с Покровским, Шафраново было красивым поместьем, расположенным между горами и равниной, которую пересекала линия железной дороги в направлении Сибири. Мы были в 120 верстах от Уфы и у нас был маленький вокзал в конце сада; все пассажирские поезда останавливались здесь, и

если мы решали поехать в Москву, нам достаточно было предупредить, и поезд дальнего следования, идущий из Уфы, или даже из Сибири, останавливался, чтобы нас забрать. Скажу вам, что наши русские поезда, по мнению всех, кому случалось путешествовать, были самые комфортабельные в Европе: прежде всего не было неприятного запаха, потому что их топили дровами, а не углём, затем они были более широкими и просторными из-за большего межрельсового расстояния... Главный дом, одноэтажный, был новым и удобным; портик с колоннами выходил на крыльцо с лестницей из двадцати ступенек, которая продолжалась широкой и длинной аллеей через весь парк... За домом простирались обширные сады... Что касается собственно деревни Шафраново, это был довольно большой посёлок на выходе из парка с несколькими сотнями жителей — крестьянами, мелкими торговцами или трактирщиками. «Верхушка» была представлена аптекарем, учителем, тремя телеграфистами, начальником вокзала и священником — очень образованным для простого сельского батюшки. Церковь принадлежала, думаю, моим родителям. Но я не вижу её в списке акта о собственности. Она, впрочем, была очень красивой, деревянной, увенчанной чудесной голубой луковицей. Бог знает, что с ней сделали местные большевики. Будем надеяться, что они её не разрушили и что однажды можно будет снова прийти туда помолиться...». Урожденной Ирине Гас-Переяславцевой, которая в изгнании станет Ирен де Юрша, хотя, если бы не Октябрьский переворот, она скорее стала бы Ириной Орбелиани, больше не суждено было прийти туда помолиться — и не только потому, что местные большевики, как она и предполагала, уничтожили шафрановскую церковь. С печалью о ней она ушла в мир иной, и чтобы её душа там наконец обрела покой, её племянник, «чуть ли не главный католик Франции», поставил своей целью сделать всё возможное, чтобы потомки шафрановских крестьян, с которыми она, несмотря на принадлежность к высшему свету, чувствовала родственную земную связь, снова могли бы прийти в шафрановскую церковь помолиться во спасение России и, может, поставить свечку и за упокой её души. Её рисунок шафрановской церкви с голубой луковицей племянник воспринял как духовное завещание. Или, как сказал А. В. Абакумов, ему неуютно жить на земле без восстановленной Шафрановской церкви.

Церковь постоянно присутствует в её воспоминаниях: «Вся деревня, средоточием которой являлась церковь, была совсем новой, потому что Шафраново возникло и развивалось благодаря прокладке железной дороги. Я снова вижу, словно я покинула их только вчера, красивые избы, с окнами, обрамлёнными деревянными кружевами; их садики, эти знаменитые садики, которые только и оставил новый режим несчастным крестьянам. Крестьяне носили рубахи, тёмно-синие или чёрные поддёвки. Зимой они надевали валенки, очень тёплые и прочные сапоги из войлока. Татар же можно было узнать по их длинным кафтанам из чёрной шерсти; их женщины носили на голове платки и жёлтые платья с ожерельями из серебряных монет. Население, скажу я вам, жило в достатке».

Ничто так не определяет человека, как его отношение к людям, стоящим ниже по социальной лестнице: «Все слуги-мужчины были татарами.

Они были верными, честными, любили лошадей. Но они всем говорили «ты», даже хозяевам. И, как вы догадываетесь, моей матери к этому трудно было привыкнуть... Все слуги-мужчины были магометанами; в деревне была небольшая мечеть, устланная большими зелёными войлочными коврами. Сын сторожа, Магомед, собирался жениться. Но по их закону он не должен был видеть свою невесту до свадьбы; моя мама повезла нас с братом на тройке к молодой девушке, которая жила в соседней деревне, чтобы вручить подарок...». Вспомним, что это были представители высшего петербургского света, что её мать крестили в императорской часовне и что крестным был ни кто иной, как сам Его Величество Император Александр II, а что другое Его Величество Император Николай II в знак особого расположения дарил её дяде золотой кубок, а великий князь Константин запросто бывал у дедушки с бабушкой. Но, обратите внимание, какая простота и человечность отношений: «В другой раз, помню, я мыла ноги одному батраку, который поранился во время работы...».

Многим из русских, как тогда, так и нынче, на Западе всё лучше, даже погода, из-за западопоклонства, из-за этой закоренелой болезни Россия снова рухнула в бездну, а француженка Ирен де Юрша писала: «Летом — а оно там чудесное, намного лучше, чем во Франции, где погода постоянно меняется, — приезжали пациенты на курс лечения. Многие из них принадлежали к высшему свету Санкт-Петербурга и Москвы; Шафраново принимало тогда праздничный вид: проводились балы, концерты, представления, даваемые артистами, приехавшими на курс лечения, давались обеды и угощения».

Особое место в её воспоминаниях занимает брат Димитрий, и не случайно, что его фотография рядом со скульптурой Николая II: «Димитрий был превосходным наездником. Папа был его первым учителем верховой езды, но надо заметить, что ученик намного превосшёл учителя; конечно, он обязан был этим также и своей дружбе с татарами. У него была настоящая страсть к лошадям; он даже писал — он был также одарен как художник — портреты своих любимых лошадей... От дружбы с татарами он стал настоящим юным кентавром: на полном галопе перебирался на другой бок под брюхом лошади или же подбирал монетку с земли. Он говорил, что не переносит английского седла, и всегда пользовался казачьим. Надо сказать, что нас рано посадили на лошадь: его в пять, а меня в десять лет...».

*Автор воспоминаний «Моя бывшая Россия»:
Ирен де Юрша.*

Начавшаяся Первая мировая война, казалось, вот-вот кончится победой: «Вижу как сейчас военные поезда, которые останавливаются на нашей маленькой станции, это были полки из Сибири, и население их встречало овациями...

И вдруг — катастрофа: 1917 год... Мы все по привычке толкуем о пользе просвещения. Но именно российское просвещение, университетское образование, щедро оплачиваемое государством, но попавшее в чужие, антирусские, антироссийские руки, вскормило революционеров, развалило страну — государство слепо возвращало на деньги крестьян своих убийц. Это страшное время Ирен де Юрша назовёт временем слёз. И именно в это время к ней придёт любовь: «Мы с Дмитрием оставались в Шафранове всю весну 1917 год, потому что родители боялись московских беспорядков. Среди немногочисленных приехавших пациентов был молодой князь Алексис Орбелиани, лейтенант пехотной гвардии, племянник первой дамы в окружении Марии Федоровны, вдовствующей императрицы. Он сразу же подружился с моим братом. Но... скоро потребовал моего участия в их прогулках или на теннисном корте: можете догадываться, насколько радужным в такой трагический период вдруг показалось мне будущее; по правде говоря, я никогда не встречала настолько воспитанного, красивого и предупредительного молодого человека. И в результате мы должны были объявить о нашей помолвке 5 октября в Москве... Но случилась революция. Алексис должен был выполнить свой долг в Белой армии; мы потеряли связь друг с другом, как со многими другими, кого любили. Я снова увидела его много лет спустя в Париже, где он был шофёром такси. Я уже была замужем, и он умолял меня развестись. Это был очень тяжёлый момент, но Мишель, мой муж, очень нуждался во мне, он страдал тяжёлой депрессией, а я была не из тех женщин, кто изменяет своему слову. Сколько русских, как я, оказались разлучёнными с теми, кого любили!..»

А Дмитрий? «Он рассказал мне об огромных трудностях, с которыми ему пришлось встретиться в долгой дороге от Шафранова до Ростова... Я была поражена той серьёзностью, с которой этот мальчик, едва достигший 16 лет, говорил о революционных событиях... Конечно же, так же, как и я, мама не одобряла того, что Дмитрий записался в Добровольческую армию: он был ещё совсем дитя, и, зная его благородный характер, мы хорошо понимали, что везде он будет брать на себя максимальный риск. Но его невозможно было переубедить; напрасно я говорила ему, что предчувствую, что всё кончится катастрофой, он смеялся или отвечал мне, что ему самому очень тяжело не следовать

*Брат Ирен де Юрша Дмитрий де Гас,
он же — «Дмитрий Донской»*

нашим советам, но что это сильнее его и что он хочет сражаться за освобождение России. Мама, тоже не добившись ничего, решила дать телеграмму атаману Каледину, требуя, чтобы ей вернули сына, аргументируя тем, что Димитрий ещё несовершеннолетний. Потом она обратилась, так как мы были французскими гражданами, во французскую миссию, которую в Ростове возглавлял полковник Лючер. Полковник вызвал Димитрия к себе; он напомнил ему, что, как француз, он должен служить во французском экспедиционном корпусе; он даже предложил ему поступить в кавалерийскую школу в Сомюре. Но мой брат дал ему прекрасный ответ, который будет стоить нам стольких слёз: «Сначала я буду сражаться за родину моей матери, потом буду служить родине отца»... Примерно четыре тысячи человек, разделённые на три полка, ушли 9 февраля из Ростова-на-Дону, полк, в который был определён разведчиком мой брат, состоял сплошь из офицеров под командованием генерала Маркова, «генерала в серой шинели», как его называли, который полюбил Димитрия и называл его не иначе как «мой дорогой Димитрий». Последние отряды армии покидали Ростов — посреди ночи — я стояла на Садовом проспекте под густым снегопадом и смотрела до самого конца на их уход. Авангарды Красной армии уже обложили город, и я навсегда запомнила перестрелки на улицах, тех, у кого были родственники в Белой армии, расстреливали прямо на улицах. Рядом с нашим домом была церковь, и священника расстреляли прямо на её пороге. Мы не были местными, и нам удалось остаться незамеченными, и на нас не донесли».

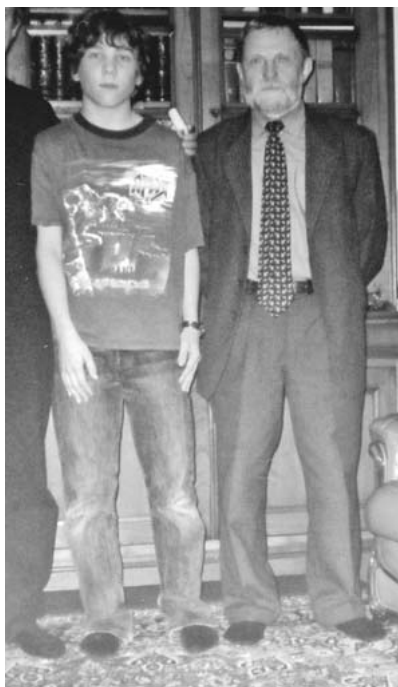
Димитрий участвовал в знаменитом Ледяном Кубанском походе. Всего лишь один эпизод: «Однажды, кажется, 15 марта, им понадобилось в метель под вражеским огнём вброд перейти речку Чёрную, чтобы взять станицу Ново-Дмитриевскую: когда эти несчастные ступали на противоположный берег, их одежда мгновенно превращалась в ледяной панцирь и разбивалась как стекло. Именно из-за этого Димитрий получил страшный приступ ревматизма, вынудивший его на какое-то время вернуться к нам». (Вернувшись в Париж, я позвоню недавно почившей Марине Антоновне Грей, дочери генерала Деникина. «Вы, видимо, не читали моих книг, — скажет она, — я не однажды упоминаю там этого бесстрашного юношу, одного из доблестнейших рыцарей Белой армии».) Чуть встав на ноги, он снова в полку генерала Маркова, и снова в разведке. Если кому приходилось читать воспоминания о гибели легендарного генерала Корнилова, то Димитрий, оказывается, был тем безымянным кадетом — свидетелем его гибели: снаряд попал в дом, выбранный Корниловым под штаб практически на передовой, «генерал Марков, который находился в соседней комнате вместе с Димитрием, поспешил к нему; они нашли его лежащим на полу, он ещё дышал, Димитрий осторожно приподнял его голову, чтобы подсунуть подушку, но голова безвольно упала». (В Париже на Книжном салоне к нам с писателем А. Арцыбашевым подойдёт пожилая женщина. Прочитав её визитку, я осторожно скажу: «Простите, но, если не ошибаюсь, вчера на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа на могильной плите я прочёл это имя». «Да, вы не ошиблись, в позапрошлом году я похоронила мужа и рядом определила место для себя. Я — вдова внука генерала Корнилова. Я живу недалеко, приходите на чай, познакомлю с сыном Лаврушей — правнуком Лавра Георгиевича. Да,

я храню знамя Корниловской дивизии, его шашку, бурку, осколок, которым его убило. Разумеется, не дома, а в тайнике... Отдать в Россию, в Эрмитаж пока не решаюсь, с будущим России пока ещё не все ясно».)

Воспользовавшись небольшой передышкой между боями, весной 1918 года Дмитрий Гас написал воспоминания о Ледяном походе. К несчастью, эта тетрадь родными была забыта при бегстве из Ростова. Потом была полтавская тюрьма в ожидании расстрела, счастливое освобождение. И снова он — доброволец в кавказском полку под командованием полковника Бредова, отчаянный поход на Киев. «Он был приписан, как простой разведчик, к 4-й артиллерийской бригаде под командованием лейтенанта Юрши... Для того, чтобы не подводить нас, Дмитрий взял фамилию Донской».

Она сообщает об этом факте как бы между прочим, не вникая в суть его. Да, родственников добровольцев расстреливали без суда и следствия, но ему, прошедшему страшный Кубанский Ледяной поход, вероятнее было бы взять фамилию Кубанский, как и любую другую. Но он, Дмитрий Гас — француз по отцу и гражданин Франции, но по матери — потомок Рюриковичей! — в самую безнадежную для Белой армии пору в свои неполных 18 лет успевший пройти путь самых жестоких и безнадежных сражений — увидел себя новым Дмитрием Донским, спасающим Россию от нового, более страшного, чем монгольское, ига. В свои неполных 18 лет он по-юношески восторжен и не по возрасту мудр: «Даже Дмитрий, восторженный Дмитрий накануне моего отъезда (помню это, словно происходило вчера) — мы были в моей комнате, стояли перед окном, и Дмитрий сказал мне: «Ты была права, мы проиграем. Теперь я это знаю, но не проси меня уехать с тобой, конечно, как француз, я мог бы сделать это, но с нравственной точки зрения это было бы дезертирством...» Дмитрий де Гас, понимающий безнадежность Белого дела, мог бы уехать, но Дмитрий Донской не мог покинуть поле страшной и, может быть, последней русской брани....

Мне не даёт покоя вопрос, почему в самую критическую судьбоносную для России пору её спасти пытались не очень русские по крови люди: полутурок Колчак, полудатчанин Врангель, полукалмык Корнилов... Впрочем, и русскую национальную душу, русскую национальную идею выразили не очень русские по крови люди: полутатары Самарин, Хомяков, а братья Аксаковы вообще были по матери потомками пророка Мухаммада, не очень русскими по крови были Державин, Пушкин, Лермонтов, историк Карамзин... Не лишнее ли

Михаил Чванов с правнуком генерала Л. Г. Корнилова, в честь легендарного прадеда его тоже назвали Лавром.

это свидетельство тому, что русский — понятие не крови, а может, вселенской идеи...

И лейтенант Юрша, её будущий муж, был не очень русских кровей. Впрочем, она ещё не знает, что он — её судьба: «Старше всех был лейтенант, этот симпатичный Мишель Юрша, которому стукнул 21 год три месяца назад. Он был для разведчиков скорее старшим братом, чем вышестоящим командиром и позволял им подшучивать над собой по причине того, что не пил и не курил в то время (потом-то он наверстал упущенное!) и всегда носил с собой подушку, чтобы поспать, когда не был при исполнении служебных обязанностей. Он был — несмотря на то, что по линии отца принадлежал к одному из наиболее древних родов Литвы и был выпускником весьма аристократического лица, а затем дипломатического института Санкт-Петербурга, — воплощением самой простоты и к тому же с отличным чувством юмора. Он тоже был одним из лучших армейских кавалеристов; у него была красивая лошадь, гнедая в яблоках — и он удивлял всех товарищей своей невероятной отвагой. Их друг Жан Алешкин восхищался подобным хладнокровием и так отзывался о нём и моём брате: «Их обоих можно было часто увидеть верхом: Юршу со скрещёнными руками и Дмитрия с ним рядом, в казацком костюме, который он предпочитал мундиру, — под огнём, на самом виду у противника, и я говорил себе: «Почему ты боишься, ведь они не боятся?..» Она ещё не знает, что Мишель Юрша судьбоносен для их семьи и в другом смысле: именно он пошлёт Дмитрия в последнюю, безнадёжную разведку: «Дмитрий был в это время в тридцати километрах от Киева в лесу Пушчеводица. Они взорвали большевистский бронепоезд, но сами оказались зажатыми между линией железной дороги и рекой вместе с капитаном Яковлевым. Дмитрию удалось, поминутно рискуя жизнью, вывести всех вместе со стонущими ранеными через лес до моста Ирпень на Днепре, за которым они оказались в безопасности. За этот подвиг он был награждён медалью Ордена Святого Георгия (кадеты, пока не стали офицерами, не могли получать кавалерских крестов, за Ледовый поход он был награждён орденом Тернового Венца).

30 сентября 1919 года белые покинули Киев. Одним батальоном, в который входила и группа разведчиков, и двумя пушками пожертвовали, чтобы удерживать красных до рассвета и дать возможность остальным войскам пересечь Днепр по железнодорожному мосту... С первого по седьмое число разведчики прятались в лесах без еды и воды. Его товарищ, Жан Алешкин, потом рассказывал мне, что для того, чтоб успокоить муки голода, они ели снег... Уже во Франции, я узнала, что Мишель послал Дмитрия с одним кубанским казаком в разведку в деревню Вапнярку. У Дмитрия была все та же обожаемая им лошадь по имени Змейка; это была очень умная лошадь, тёмно-каштановой масти, как сказал мне его товарищ Жан Алешкин, который живёт теперь под Орлеаном, женившись на француженке, а дочь его — моя крестница. Дмитрий кормил свою лошадь прежде, чем сам садился есть, и ухаживал за ней, как настоящий хирург. Бедное животное было ранено несколькими днями ранее и не имело прежних сил, но Дмитрий, очень привязанный к ней, отказался расставаться и взял её с собой в разведку. Послышалось несколько выстрелов. Когда его това-

рищи прибыли в деревню, жители сказали им, что обоих всадников окружили «зелёные» и увели в лес. Мишель Юрша сделал всё, чтобы найти Димитрия, но не нашёл ни малейших следов ни обоих разведчиков, ни их лошадей...»

Особо об отце. «Мой отец был талантливым поэтом и умел выражать свои чувства с очень большой тонкостью. Жаль, что он опубликовал мало своих произведений, особенно тех, которые написал, пересекая Сибирь с армией Колчака». Он был заметным человеком во Франции и в России. Во время Уфимской директории был назначен временным консулом Франции. Ему будет суждено вместе с белыми войсками войти в Екатеринбург и присутствовать при эксгумации останков императорской семьи. Перед посадкой во Владивостоке на корабль он повидается в Шанхае с двумя своими сёстрами, христианскими подвижницами, монахинями Ордена Святого Причастия, которых он не видел тридцать лет и которые скоро окажутся в водовороте китайской революции. Удивительный был человек: с трудом говоривший на русском, потеряв в России всё: жену, сына, состояние, во время голода, организованного большевиками в России, он попытался передать помощь нашим крестьянам в Шафранове, но, конечно же, ему не удалось сделать этого».

Её же дорога из Шафранова до Франции заняла — десять! — лет. И вот, наконец, Париж, до которого она через великие трудности добралась только в 1927 году. Если путь отца лежал туда через Владивосток, то её — через Украину, Польшу. Но сначала был Кременчуг, куда она попала в обозе отступающей Белой армии, где, благодаря офицеру, знавшему брата, её на носилках внесли в поезд Красного креста, идущий в Одессу, но там её отказались взять на борт последнего парохода как безнадежно больную. Добавился тиф. Она попросила одного грека оценить бриллиантовое кольцо, которое её бабушке подарил император Александр II, на другой день хитрый грек сокрушённо сказал, что кольцо пропало. В неё влюбился комиссар-большевик, который был готов на всё ради неё, и от которого тоже нужно было прятаться. И ещё было много чего, прежде чем она попадёт наконец в Париж. Десять лет она, гражданка Франции, добиралась от Шафранова до Парижа, начав жестокий путь юной девушкой, а закончив его, пройдя через величайшие потери и испытания, взрослым и умудрённым человеком, чтобы, наконец добравшись, вдруг почувствовать себя безнадежно русской: «Я видела генералов, гвардейских полковников, которые стали мальчиками при лифтах или водителями трамваев, князей, состоящих в родстве с императорской семьей, ставших шофёрами такси или балалаечниками!.. Скажу, что русская душа легче принимает смирение, чем другие, потому что она очень возвышенная, и наша православная вера беспрестанно напоминает нам эту заповедь: Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...»

Я жил в тот раз в Париже в дешёвенькой гостинице между Монмартром и по-своему знаменитой площадью Пигаль. Если утром пораньше выйти на парижские улицы, можно поймать себя на том, что ты где-нибудь в Африке: мусорщики Парижа — негры, арабы... В двадцатые годы прошлого века эту роль выполняли русские. В тридцатые годы больше 50 проц. рабочих автомобильного завода «Рено» составляли русские. «Только мы, в отличие от негров, выполняли эту работу хорошо, добросовестно, безропотно, хотя французы в

большинстве своём смотрели на нас, как на дешёвый рабочий скот, счастливо свалившийся на голову, ни на что не претендуя, не выпрашивая для себя никаких прав, а они теперь, видишь ли, бастуют, не хотят работать, они, видите ли, полноценные граждане Франции..», — уже в этот мой приезд с печальной усмешкой говорила мне Татьяна Борисовна Флорова-Маретте, рассказ о которой впереди. «На вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал моё имя, и другой офицер, который до этого слушал рассеянно, подошёл к нему: «Прошу прощения, но нет ли у неё брата по имени Димитрий, который погиб в Добровольческой армии?». И вот таким образом несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка». «Радости и печали — ничего — шли чередой. Мой любимый отец работал до самой смерти в 92 года; у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР, который всё же оставался Россией... Мишель умер в Париже в 1958 году и покойся вместе с моим отцом на нашем русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа... А пасхальной ночью племянник отводит меня на обедню в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идём чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могиле моего отца и мужа. Я говорю им: «Христос воскрес, и мы тоже однажды воскреснем и мы найдём друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стона, но только поклонение и радость». Однажды вы спросили меня: «Если бы вдруг вам отдали тех, кто убил вашего брата, что бы вы с ними сделали?» Я ответила вам: «Простить слишком тяжело, но зачем причинять им зло? Но пусть их прячут от меня: видеть их мне было бы страшно, а месть никогда не приносила мира...

Мой отец написал что-то вроде завещания: «Без веры, освещающей и расширяющей наш мир, без покорности Божией воле, покорности, которая есть не только высшая мудрость и источник наших достоинств, но также смысл и честь нашего предназначения, без доверия душ, нас окружающих и помогающих нам нести наше сердце, без кротости и радости благотворительности и смирения, которые хранят нас в божественном покое и истине, давая нам понять, что нет ничего более тщетного и более обманчивого, чем гордыня и эгоизм, и без силы самопожертвования, единственного генератора нравственного прогресса и общественного счастья, жизнь не более чем ничтожная комедия, удовольствия, несправедливости и низости которой отвращают нас, и утешить могут только одиночество и молчание, эти последние прибежища человеческого достоинства».

«Как же она была хороша, наша Россия! Но, однако, теперь я не хотела бы вернуться туда, думаю, я плакала бы всё время», — заканчивала Ирен де Юрша, в девичестве Ирина Переяславльцева де Гас, свои воспоминания. Она одинаково употребляет определение «наша» и по отношению к России, и по отношению к Франции, при написании своих мемуаров она, вроде бы, не задавалась высокой

целью, она писала по просьбе племянников и только для племянников. Но один из племянников, увидел в них нечто большее и, как истинный христианин, родственники которого под белыми знаменами с изображением Сердца Господня во Франции и с изображением Тернового венца в России пытались спасти монархию, видит в голубом куполе шафрановской церкви один из символов спасения и возрождения России. Он на склоне лет своих неожиданно почувствовал (может, он предчувствовал недалекий свой конец?) острое желание, наконец, исполнить её завещание: узнать, сохранилась ли православная церковь в Шафранове, и одной из жизненных задач своих поставил: чтобы она, если её уже нет, непременно воскресла, без этого ему на свете почему-то неуютно жить. В нём, в отличие от тёти, нет ни капли русской крови, он никогда не видел России. Но в нём, возбужденная её воспоминаниями, жила тоска по России, в том числе и потому, что в исторических трагедиях России и Франции очень много схожего. Глубинным чувством он понимал, что будущее Франции далеко не радужно, если не встанет с колен Россия. До сих пор он видел только крошечную часть России: кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, и его потрясло, что все его родственники, французы по крови и по гражданству, принципиально захотели лечь в Землю именно здесь, на этом маленьком кусочке России. Месье Андрэ Саразэн с радостью принял предложение приехать на очередной Международный Аксаковский праздник, ведь Шафраново в самых что ни на есть аксаковских местах, а генеральша Шафранова, основав кумысолечебный санаторий, последовала О. Г. Аксаковой, внучке С. Т. Аксакова, основавшей первую стационарную противотуберкулёзную кумысолечебницу в Башкирии. Он только попросил разрешения взять с собой двух племянников, он хотел, чтобы не прерывалась связь поколений, чтобы и в их жизни сиял голубой купол Шафрановской церкви.... Как и не прерывалась связь людей разных национальностей и вероисповеданий, так или иначе помогавших храму в Шафранове: православных, католиков, мусульман, атеистов, ибо Бог един, только разны наши понимания о Нём, как и пути к Нему, а почему так — великая тайна. И этот случай по своей нравственной сути и чистоте выше всяких даже самых высоких международных договоров и соглашений. Кстати, в этой русско-французской, православно-католической семье никогда не было проблемы вероисповедания, всё в ней было как до того, когда католическая церковь не откололась от православия: «Мы с Димитрием были крещены по православному обычаю и воспитаны в православной вере. Разница в вероисповедании моих родителей никогда не вызывала ни малейших разногласий между ними: когда мы бывали в Москве, папа ходил к мессе во французский храм Святого Людовика, и иногда мы сопровождали его, но чаще всего он сам ходил с нами на православную службу». Его предки ходили в первые крестовые походы, а для его дочери, крёстным матери которой был Его Величество Император Александр II, было естественным изучить татарский язык, который вроде бы был всего-навсего языком батраков её родителей, и мыть поранившемуся батраку-мусульманину ноги. А её брат Димитрий только и чувствовал себя в естественной среде среди своих сверстников-мусульман.

Месье Андрэ Саразэн сделал всё, чтобы эти француженско-русские воспоминания прочитали французы, теперь он мечтал, чтобы их прочли в России.

Михаил Чванов в гостях у месье Саразэна де Гаса

Перед тем, как оставить меня на углу улиц в г. Анже, — теперь уже я должен был стоять с газетой «Фигаро» в левой руке (А. В. Абакумов объяснил мне: «В 3 часа у месье Саразэна заседание учёного совета, у него основной доклад, у меня собрание офицерского клуба, к вам подойдёт красивая особа, знающая русский: или очень юная, или её мать, лет сорока пяти, чтобы показать город и потом проводить на вокзал»), — месье Саразэн засунул мне в карман конверт, надпись на котором («Мой скромный вклад в восстановление церкви в Шафранове») мне переведёт подобравшая меня на углу русская женщина, заброшенная во Францию русской катастрофой уже конца трагического для России XX века.

- Расскажите мне поподробнее о месье Саразэне, — попросил я её.
- А кто это такой? — в свою очередь спросила она
- А кто попросил вас быть моим гидом по городу?
- Попросила подруга показать город приезжему русскому писателю, который не знает французского. Сама она не смогла.

В конверте, помимо тысячи евро, — напомним, что зарплата профессора провинциального университета во Франции не намного выше российской, — были ещё 50 копеек царского времени, которые совершили с Ирен де Юрша десятилетний крестный путь из Шафранова до Парижа, а теперь они со мной должны были вернуться обратно...

По возвращению из Франции мы с В. А. Пчелинцевым поехали в Шафраново. К нашей неожиданности настоятель храма отец Исай не пришёл в восторг от привезённых денег: «Вы ещё не приехали, а впереди вас уже слух: какой-то француз дал на церковь миллион долларов. Потом с меня спросят, куда я его дел».

Решение пришло неожиданно. Я позвонил в Каменск-Уральский Николаю Пяткову, чьи колокола говорят от канадского города Анкоридж до Святой Горы Афон и по всей России, в том числе на родине В.Г. Распутина. «Этих денег на 100-килограммовый альт, конечно, не хватит, но по такому случаю я не буду мелочиться». Кроме иконы Николая Чудотворца месье Саразэн попросил отлить на колоколе: «В память о семье де Гас, жившей в Шафранове в 1910-1917 годы и беззаветно любившей Россию. Дар Андре Саразэна де Гас. 2005 г. Франция».

Мы надеялись, что в недалеком будущем: все, кому придётся ехать на поезде на восток по Великой Транссибирской магистрали, примерно через полчаса после ст. Аксаково, после сразу мелькнувшего за ней слева храма Димитрия Солунского в аксаковском селе с символическим названием Надеждино, поезд простучит через маленькую станцию Шафраново (теперь здесь останавливаются только электрички), увидят голубой купол храма Николая Чудотворца – цвета праздников Пресвятой Богородицы, земным домом своим выбравшей Россию и, как мы самонадеянно считаем, под спасительным Покровом которой мы живём, не задумываясь, достойны ли, не лишились ли мы уже Его... Правящий архиерей не читал воспоминаний Ирен де Юрша, проникнутых, как пишет в предисловии к ним её племянник, «почти религиозным культом императора Николая II», но случайно ли, что придел строящегося храма освящён во имя Святого новомученика Царя страстотерпца Николая?..

Кстати, летом 1925 года в Шафраново собирался на кумыс Сергей Есенин с Софьей Толстой (её великий дед в своё время, очаровавшись башкирскими степями, чуть не переселился в Приуралье), но П. И. Чагин, приехавший в Москву по делам, уговорил поехать их на Кавказ, откуда Есенин вернулся нервным и раздражённым. Может быть, случайная или неслучайная ночная встреча на Кавказе в поезде с небезызвестным большевистским террористом Яковом Блюмкиным, который угрожал Есенину пистолетом, а перед этим на поэта было заведено несколько уголовных дел, обвиняющих его в антисемитизме, заставила его в скором времени броситься в надежде перебраться через границу в Петроград, где он будет убит в гостинице «Англетер», и убийство будет закамуфлировано под самоубийство. В Великую Отечественную войну в Шафранове формировалась одна из дивизий Красной Армии, в полки и батальоны которой влились и бывшие батраки Ирен де Юрша, тогда ещё Переяславльцевой-Гас: русские крестьяне из Шафранова (а в самом Шафранове будет военный госпиталь), и крестьяне татары и башкиры из соседних деревень, которым Альберт Гас пытался помочь в голодные годы, многие из них тоже лягут за други своя без вести пропавшими в российскую землю. Жуткий парадокс — те, кому довелось, перешагнув с боями границу, лечь в чужой земле, похоронены если не с христианскими, то с воинскими почестями и преданы земле. А в России до сих пор лежат незахороненными 50 дивизий без вести пропавших русских солдат, и это ничуть не мешает нам жить. Видимо, нашим истоко крестьящимся атеистам в Кремле не дано понять, что могилой Неизвестного солдата и строительством копии Храма Христа Спасителя, который строился в память погибших в Великой Отечественной войне 1812 года, не откупишься, что есть вещи мистические, иррациональные, что не для красного

словца были сказаны — свыше! — устами великого Суворова слова, что война заканчивается только тогда, когда предан земле с христианскими или мусульманскими почестями последний солдат. Как и не дано им, видимо, понять, что советская власть рухнула не только в результате подрывной революционной деятельности либерал-демократов вкупе с ЦРУ, а прежде всего потому, что она кощунственно-цинично отгородилась от павших за други своя, за Родину солдат...

Только и остаётся повторить: «Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...»

«Как же она была хороша, наша Россия!..» — восклицание, крик души, одновременно восторг, густо замешанный на печали...

Каково же было обаяние России, если представитель одного из древнейших и знатнейших родов Франции некто Альбер де Гас, попав в неё после путешествия по многим странам, вдруг почувствовал, что душа его наконец обрела свой земной дом? Ну, влюбился в светскую красавицу, представительницу древнейшего русского рода, но мог обосноваться в столичном Петербурге, наконец в Москве... А он купил поместье в приуральской глуши в никому не ведомом Аксёново и был беспредельно счастлив. Его любовь к России была так глубока, что он не оставил её, когда у него в Аксёнове дотла сгорел усадебный дом и, по всему, нужно было возвращаться во Францию, но он купил другое имение в той же приуральской глуши вместе с огромными долгами и обременительным для хозяйства санаторием Шафраново. Он не возненавидел Россию даже тогда, когда в Гражданскую войну вынужден был через Владивосток бежать из неё, потеряв всё: жену, сына, некогда огромное состояние. Он десять лет ничего не знал о дочери, потерявшейся в безграничных российских просторах. В голодные двадцатые годы он даже пытался посылать деньги своим бывшим батракам-крестьянам, по наивной доброте своей полагая, что они никем не перехватываются по пути, и по невозможности вернуться в Россию, которая тогда уже называлась подобно США сатанинской аббревиатурой СССР, завещал похоронить себя не на родовом старинном французском кладбище, где хоронили его предков, начиная, кажется, с XIV века, а на мистическом кусочке России во Франции, кладбище русских изгнанников Сент-Женевьев-де-Буа. Я буду искать его могилу по богатому надгробью, помня о его древнем роде и огромном богатстве, забыв, что он умер полунищим, до 92 лет своих зарабатывая на хлеб переписыванием в какой-то конторе бумаг. Здесь же завещал похоронить себя его зять, отпрыск древнейшего литовского рода, капитан Белой армии, так и не принявший французского гражданства и умерший гражданином Российской империи.. Здесь же, рядом с отцом и мужем, завещала похоронить себя его дочь, гражданка Франции, добиравшаяся до Парижа страшных десять лет, потерявшая в России мать, брата, жениха, радужные мечты о счастье. Всё это — лишнее доказательство тому, что русский — понятие не крови, а отношения к России.

Иначе говоря, русский — это тот, кто любит Россию.

Оказавшись снова в Париже, я с удивлением узнаю о целом поселении под Парижем калмыков. За свою особую преданность России, Белому царю их особенно ненавидели большевики, даже казаки не подвергались такому поголов-

ному истреблению, и калмыки-буддисты уходили вместе с Белой армией не только семьями, а целыми улусами. Для меня они тоже — русские люди.

Русские кладбища за рубежами России...

Кладбища Белой Армии, существование которых до последнего времени от нас предпочитали скрывать. В самой России их не было, словно все белые не только душой, но и телом сразу вознеслись на небеса. И — кладбища Красной Армии времени Великой Отечественной войны. Сразу скажу, что русские кладбища за границей, будь то Белой или Красной, армий содержатся, мягко говоря, лучше, чем в России. Боюсь, что это имеет самое прямое отношение к нашей национальной сути. Что касается Гражданской войны, получилось, вроде, так: белые легли за рубежами России, а красные — в самой России. Но сотни тысяч, а может, и миллионы белых, то есть подавляющее большинство их, лежат всё-таки в России, но их могилы, если их можно назвать могилами, поруганы, затоптаны, от них не осталось и следа. Ну ладно, это вроде бы классовые враги. Но самое страшное в том, что и сотни тысяч, а может, и миллионы красных — солдат Великой Отечественной — лежат в России до сих пор вообще не погребёнными. Это одно из самых циничных преступлений большевиков, доказательство того, что русский, российский человек для них — только средство для достижения своих далеко не русских, не российских целей. В 1988 году во время одного из первых Праздников славянской письменности и культуры, проходившем в Великом Новгороде, в сопровождении местного жителя, идя за ним след в след, я через минные поля вошёл в страшный Мясной Бор, в XX веке жутким образом оправдавший своё древнее название, где лежали не захоронёнными и обогланными десятки, а может, сотни тысяч солдат Второй Ударной армии. А потом я узнал, что десятки тысяч солдат Великой Отечественной лежат под Юхновым, Ржевом, под Малоярославцем — чуть ли не у самых стен Кремля. Прошло 65 лет, но мало что изменилось с тех пор. Прикрывшись циничным лозунгом: «Никто не забыт, ничто не забыто», откупившись пышно-торжественным захоронением у кремлевской стены Неизвестного солдата, как прежняя, так и нынешняя власть, отгородились от павших солдат, только несколько сотен мальчишек, в сердцах которых стучит память, на свой страх и риск до последнего времени занимались этим скорбным делом. Только в последние годы у нашей власти, кажется, шевельнулась совесть, по крайней мере она не стала мешать этим мальчишкам, которые и есть истинное будущее России. Пропавшими без вести мы потеряли в Великой Отечественной войне более 5 млн. человек, если продолжать поисковую работу такими же темпами силами только молодых патриотов, на это понадобится более 100 лет! Может, начинать поднимать Россию нужно было не с номенклатурного Храма Христа Спасителя, строительство которого по своей нравственной сути не имеет ничего общего со строительством прежнего — с миру по копейке! — истинного Храма Христа Спасителя, а с всеобщего покаяния — вселенских солдатских похорон. Только в год 60-летия Великой Победы наконец в Мясной Бор приехал сказать добровольцам-поисковикам спасибо тогдашний российский министр обороны Иванов в странной форме, похожей на ту, в какой военнопленных вермахта в 41-м прогоняли по Красной площади.

Почему-то получилось так, что оказываясь за пределами России, я всегда выкраивал время, чтобы попасть на русские кладбища. Нет, не потому, что искал на них своих родственников. Мои родственники, солдаты Великой Отечественной, скорее всего, легли в России, потому как призванные в первые дни и месяцы войны, погибли или пропали без вести ещё в сорок первом и сорок втором годах.

Впервые русские могилы Белой армии за рубежами России я увидел в Болгарии в 1991 году под легендарным перевалом Шипка: здесь под сенью храма-памятника заботой монастыря в пансионате доживали свой век престарелые офицеры Белой армии, в юности участвовавшее в знаменитом Шипкинском сражении, они воевали на Шипке юными прапорщиками и, вынужденные под страхом смерти покинуть Россию, попросили здесь последнего пристанища уже полковниками, генералами. В советское время болгарские власти стыдливо прятали это кладбище за плотным забором, туристов из СССР старательно обводили стороной, а директор пансионата генерал-лейтенант Бредов в 1945 году был интернирован в СССР, где погиб в концлагере. В 1991 году на некоторых могилах ещё можно было прочесть таблички на крестах: «Полковник Василий Васильевич Луговенко (1935), генерал-майор Николай Дмитриевич Мануйлов (1932)». Через пять лет я снова побывал там, от кладбища уже почти не осталось и следа: кресты повалены, могилы затоптаны. Насколько хватило моих сил, я прибрал кладбище. После этого, прилетая в Болгарию, я каждый раз по возможности стараюсь попасть на это печальное кладбище, чтобы хоть немного привести его в порядок. В последний раз это было летом прошлого года во время съёмки документального телефильма «Иван Аксаков и Болгария». С режиссером фильма Венерой Юмагуловой, членом Попечительского совета Аксаковского фонда Вячеславом Аброщенко мы несколько часов прибирали кладбище. Незадолго до этого на Шипке побывал В. В. Путин. Разумеется, к его приезду болгарские власти тщательно подготовились, окрестности храма-памятника в радиусе пятидесяти метров буквально были вылизаны, уезжая, он и не подозревал, что всего в сотне метров от храма, в чаще кустов — преступно забытые могилы. Русская женщина, заброшенная в соседний городок Казанлык превратностями судьбы, прототип Прекрасной Валентины в одной из моих балканских повестей, в первый мой приезд отдала мне уникальные реликвии — раздаточные листы пожертвований нищенствующим последним русским беженцам: «Я не отдала их в руки чиновников бывшего советского посольства, не хочу отдавать и чиновникам российского, они мало чем отличаются. Решай сам, куда их определить». Я определил их в фонды Мемориального Дома-музея С. Т. Аксакова в Уфе, его сын Иван Сергеевич, великий славянин, по крови больше турок, в своё время подвигнул русское правительство на освобождение болгар.

Почти треть кладбищ Сербии — русские могилы. Спасибо Сербии, что приютила десятки тысяч русских беженцев. Это малая плата за то, что, заступившись за Сербию, Россия вступила в Первую мировую войну — и тем самым подписала себе смертный приговор. При этом надо сказать, что Белград построен русскими архитекторами, русскими учёными организованы медицина, наука, образование, культура, регулярные русские части охраняли сербов до

самой Второй мировой войны от усташей-хорватов. В Белграде в Русской церкви покоится прах одного из выдающихся лидеров Белого движения — генерала Врангеля. Сразу скажу, что в Сербии мне пришлось видеть и новые русские могилы: русских добровольцев 90-х годов теперь уже прошлого века.

Храм Святой Троицы не случайно стал объектом «благотворительных» американских бомбардировок и пострадал от них. Оказавшись в Белграде в мае 2003 года в составе делегации Международного фонда славянской письменности и культуры по приглашению патриарха Сербского Павла (в Сербии в это время не было ни одной легитимной ветви власти, и в целях спасения страны Патриарх призвал к Крестному ходу национального спасения: через весь город к собору Саввы Сербского шли наследный принц, не легитимные президент, премьер-министр, парламент, лидеры политических партий, войска, полиция), я рано утром поспешил к ней: она была ещё в лесах. Самое первое кладбище Русского Исхода было в Турции, в Галлиполи. В мае 1994 года, в самый разгар перестройки, чуть не превратившейся в перестрелку, мы ночью при полной луне подходили к нему на паруснике по пути к Святой Горе Афон, чтобы потом идти дальше, в Салоники, в Грецию... На палубу поднялись наш походный священник отец Виктор, в прошлом лётчик-истребитель, знаменитый хор Анатолия Гринденко, чтобы отслужить молебен.

Кладбища уже не было. Но не нужно особенно-то винить за это турецкие власти, так как кладбище было уничтожено по просьбе советского правительства, с которым промасонское, лжеисламское правительство Турции ходило в больших друганах. А памятник умершим на Галлиполи в тоске по Родине русским воинам позднее уничтожит землетрясение. Почему Господь попустил тому? Но это будет уже после того, как галлиполийцы рассыплются по всему миру, прежде всего через Сербию и Болгарию, чтобы лечь на чужих кладбищах, в том числе особой кастой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, о котором разговор впереди. Кстати, на судьбы офицеров Белой армии похожи судьбы и многих офицеров Советской Армии времени так называемой «перестройки», оказавшихся не нужными новой власти. Я встречал их в той же Сербии. Достаточно назвать имя Александра Шкрабова, бывшего майора морской пехоты Советской армии, легендарного командира русских добровольцев, известного в Сербии под именем Саши Руса, погибшего под Сараевом. Другие попытались приноровиться к новому времени. О судьбе одного из таких офицеров времени «перестройки» я сейчас расскажу. Когда мы из Салоник через неделю на своём паруснике возвращались обратно, эфир был наполнен сообщениями, граничащими с ликованием, о возможной российско-украинской войне за Севастополь. Надо сказать, что и туда мы уходили уже не из Севастополя, как первоначально планировали. Наш парусник при подходе к нему ни с того, ни с сего таранил в борт какой-то буксир незалежного украинского флота, кроме всего прочего у нас были снесены кормовые фонари, без которых невозможен выход в нейтральные воды. Парусник вынужден был зайти на ремонт на тогда ещё российскую военно-морскую базу радио- и космической разведки под Евпаторией, откуда мы в сопровождении эсминца глубокой ночью ушли к Босфору. И вот теперь на обратном пути мы вынуждены были в четырёхбалльный шторм болтаться больше суток в неизвестности в нейтраль-

ных водах: Севастополь был блокирован, нашему паруснику, приписанному к Одессе, украинские власти не разрешали идти в Новороссийск, и в то же время они запретили нас, проклятых москалей, высаживать в Одессе. Только ночью нас неожиданно срочно подняли по сирене: через пятнадцать минут быть готовыми к высадке — скоро подошли российские пограничные катера и через час выбросили нас на причал Евпатории, откуда мы потихоньку выбрались на симферопольский вокзал. Перед посадкой на катер меня отозвал в сторону капитан парусника Борис Кремлянский (где он сейчас? сам парусник, я слышал, плавает ныне то ли под либерийским, то ли под нигерийским флагом):

— Перед тем, как решить окончательно вопрос, ваши погранцы почему-то запросили по рации данные Вашего паспорта. Только Вашего. Это Вам ничем не грозит?

В ответ я недоумённо пожал плечами. Пока катер, зарываясь в волну, шёл к крымскому, увы, уже не российскому берегу, я ещё с некоторой тревогой помнил об этом, а потом благополучно забыл. А через несколько лет в Уфе однажды по пути на работу я неожиданно обнаружу за собой «хвост»: два крутых джипа, не маскируясь, нагло, поворот за поворотом катили за мной. Сначала я засомневался: кому я нужен, нищий русский писатель, но на всякий случай для проверки крутанул вокруг квартала, ещё раз — сомнений не было: «хвост» был мой. Тогда я остановился на виду поста ГАИ и стал ждать крепыша лет сорока пяти, вышедшего из первого джипа:

— У вас ко мне какие-то вопросы? — спросил я.

— Вы меня не узнаете? — неожиданно улыбнулся крепыш. — Ничего удивительного, столько времени пролетело, даже уже в другой стране живём. Помните студента О. Б., который у вас в газете практику проходил?

И я вспомнил:

— А потом ты куда-то неожиданно исчез.

— А я бросил журналистику, она хоть и вторая по древности профессия, но мало отличается от первой. Я поступил в военно-морское училище. А так как, вы знаете, мой отец был полковником КГБ (у вас были с ним какие-то служебные недоразумения, за что вы меня недолюбливали), у меня была безупречная биография, не говоря уже о том, что училище я закончил с красным дипломом. Через несколько лет я оказался под именем Рауля Родригеса в должности первого заместителя командующего военно-морским флотом Никарагуа. До прошлого года командовал пограничным флотом в Чёрном море, в прошлом году раньше времени вышел в отставку в чине контр-адмирала... Кстати, вы мой должник. Помните, болтались вы в 1994 году на парусной шхуне на Чёрном море в нейтральных водах?..

— Помню... — недоуменно протянул я.

— Доложили мне, а я говорю: пусть болтаются, не до них. Но тут принесли мне список команды. Смотрю, ваша фамилия, Может, однофамилец? Запросил у капитана подтверждение, тогда сказал своим: «Заходите ночью в нейтральные воды, выручайте мужиков...» Сейчас вот создал в Москве свою фирму, занимаюсь нефтяным бизнесом. Знаю про ваш Аксаковский фонд, думаю, что в недалёком будущем смогу помочь.

— Кровавое это дело — нефть, — вздохнул я.

— Всё нормально, мы работаем легально, все офицеры спецслужб, вчера я был на приёме у президента, он близко знал моего отца. Буду в Уфе 19 января, вот тогда и обговорим наше сотрудничество.

19 января он не приехал. Не приехал и позже. Грешен, не очень хорошо я подумал о своём бывшем практиканте.

А потом раздался междугородний звонок. «К вам должен был подъехать О. Б. Не думайте о нём плохо, он человек слова, но сегодня сорок дней, как его расстреляли из автомата Калашникова в собственном подъезде».

Недавно в одной из газет прочёл, что это было делом рук серийного киллера, бывшего офицера-подводника Пуманэ... Куда дальше: моряк убил моряка...

Потом я увижу кладбище Русского экспедиционного корпуса в Салониках: аккуратное, ухоженное, хранителем которого был стотрёхлетний русский солдат этого корпуса. Точнее, хранителем был уже его сын, а он тихо и достойно доживал у могил своих забытых на Родине однополчан. К стыду своему, тогда я впервые и узнал о судьбе и роли Русского экспедиционного корпуса в Первой мировой войне... Другое кладбище Русского экспедиционного корпуса находится во Франции в городке Мурмилоне под Реймсом. К сожалению, я не смог до него доехать, ограничился встречей в Париже с князем С. С. Оболенским, председателем Общества памяти офицеров Русского экспедиционного корпуса, я был ограничен во времени и нужно было выбирать: или ехать в Мурмилон, или к месье Андре Саразэну. О Русском экспедиционном корпусе, спасшем Францию во время Первой мировой войны, вновь вспомнили, как во Франции, так и в России, недавно, после замечательного фильма «Погибли за Францию» кинодокументалиста Сергея Зайцева, Впервые оказавшись в Иркутске по приглашению В. Г. Распутина, рано утром, когда город ещё спал, по какому-то наитию я точно выведу Сергея на берег Ангары на место расстрела адмирала А. В. Колчака. Большой деревянный крест. На фотографии на кресте — пулевые пробоины. Даже мёртвый, А. В. Колчак кому-то не давал покоя. Неужели Гражданская война в России до сих пор не закончилась?..

Мы много кого спасали и много кого спасли: Францию, Сербию, Болгарию чтобы потом болгары бегали с лозунгами: «Лучше турки, чем русские!». А в Тбилиси носились с лозунгами: «Буш, спаси Грузию!», и спасти Буш Грузию должен был от России. Во время Второй мировой войны спасли Англию, Китай и даже веками мечтающую о гибели России Польшу. Позже — Кубу, Вьетнам... Мы много кого спасали, по доброте или простоте своей, которая, как мы сами знаем, хуже воровства — только не спасли себя...

Но, наверное, самое, мистическое что ли, в смысле русской судьбы и внутреннего русского раздора — русское Ольшанское кладбище в Праге. Кажется, даже мёртвые, русские не нашли здесь примирения. Слева и справа от белокаменного православного храма лежат воины и мыслители Белой России, в том числе великий евразиец П. Н. Савицкий. В другом конце кладбища — воины Красной Армии, бравшие Прагу 9 мая 1945 года. Между ними на небольшой полянке над заросшим рвом — обвитый колючей проволокой огромный чёрный крест. Мало кто знает, что русские в 45-м брали Прагу дважды. Под этим крестом лежат сол-

даты восставшей дивизии полковника Буняченко из так называемой Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова, отчаянным штурмом бравшие Прагу 7 мая по мольбе братьев-чехов: «Спасите красавицу Прагу, а мы за это предоставим вам чехословацкое гражданство», и наутро преданные братьями-чехами: «Спасите красавицу Прагу, уходите до подхода Красной Армии». И в этом наспех заброшенном рву — чёрный крест, обвитый колючей проволокой, поставлен недавно — лежат погибшие во время штурма Праги и расстрелянные позже НКВД прямо в больничных койках оставленные в госпиталях тяжелораненые, когда дивизия Буняченко вынуждена была оставить город...

И вот, побывав на многих русских кладбищах Европы, я оказался на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Оно, наверное, единственное, что широко известно. Я фотографировал могилы со знакомыми фамилиями, мне не хватило трёх пленок. Нужно побывать здесь, чтобы представить масштабы Русского Исхода, хотя кладбище — только малая часть его. Русские офицеры, оставшиеся верными присяге: корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, казаки, моряки, лётчики... Не их вина, что к вождям прозрение пришло слишком поздно. Русские писатели, философы, священники... Я почему-то

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Место упокоения бывших бойцов знаменитой Дроздовской дивизии. Под общим крестом две надписи: «Вперед лишь неизвестность дальнего похода. Но лучше славная гибель, чем позорный отказ от борьбы за освобождение России! Это — символ нашей веры! Полковник М.Г. Дроздовский, Яссы, 20 февраля 1919 г.», «Покидая родную землю, храните память о 15000 убитых бойцов и 35 тысячах раненых дроздовцев, проливших кровь свою за честь и свободу Отчизны! Этой жертвой мы неразрывно связаны с Родиной! С нами — Бог! Да здравствует Россия! Начальник Дроздовской дивизии ген. Туркул, Севастополь, 2 ноября 1920 г.»

представлял кладбище небольшим, стеснённым, а оно широкое, светлое... Я не знаю, хотел ли вернуться на родину Иван Алексеевич Бунин, но кто-то прикрепил к надгробью консервную банку, в которую бросают только российские монеты — на его возвращение...

Случайно ли, что здесь нет лидеров Белого движения. Одни погибли в боях, как Л. Г. Корнилов, искупив (искупив ли?) вину своей измены присяге и престолу поздним прозрением, как А. В. Колчак, преданный союзниками, стоило ему во всеуслышание сказать о единой и неделимой России, преданный в том числе и французским генералом Жаненом, который был гостем у Альберта де Гаса в Шафранове, и братушками-чеками, которые помародерствовали на русской земле, пожалуй, не меньше, чем немцы в Великую Отечественную. Чехи выдали Александра Васильевича большевикам, большевиками он был расстрелян и спущен под лёд Ангары. Ангара бережно понесла его тело в Северный Ледовитый океан, в изучение которого он положил много сил и здоровья. Союзники больше всего боялись неделимой и сильной России и легко находили общий язык с большевиками. Могила генерала Кутепова, выкраденного НКВД, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа символична — она пуста. В тот приезд в Париж я не искал могил Ирен де Юрша, её отца и мужа, тогда я ещё не знал, что они похоронены здесь.

И снова я возвращаюсь к её мемуарам. Почему они, если можно так сказать, добрались до России только через двадцать лет после её смерти?

Может, всему своё время? Может, не случайно, что они добрались до России именно в ту пору, когда в ней дорвавшимися до власти на сей раз внуками и правнуками пламенных революционеров вновь подверглось осмеянию даже само понятие патриотизма? И, может быть, не случайно, что её воспоминания — а я был только случайным проводником — именно в начале XXI века дошли до России, когда, что касается белых и красных, всё, вроде бы, стало ясным, и стало возможным стать выше прежней непримиримой вражды и ненависти? Чтобы они читались не только как свидетельство прошлой русской, российской трагедии, но чтобы были уроком для будущего. По крайней мере во взаимоотношениях двух стран: России и Франции. Почему во вроде бы таких разных странах, как православная Россия и католическая Франция, национальные трагедии произошли практически по одному и тому же сценарию. Словно под копирку.

Пройдёт двадцать лет после её смерти, прежде чем её племянник решится написать в Россию. Я не успел его спросить, почему именно сейчас, не раньше. (Может быть, потому, что он почувствовал свой близкий конец?) В своём коротком предисловии к её воспоминаниям, скромно спрятавшись за инициалами А. С. Г., он напишет: «Она умрёт в Париже в 1984 году, не дожив всего несколько лет до исполнения своей заветной мечты — увидеть свою Родину свободной от Советской власти». А может, это её счастье, что она не дожила до новой, «бескровной» «русской» революции, после которой в России на десятилетия воцарится новая необольшевистская власть с новым Гришкой Отрепьевым в Кремле. Таким ли она видела осуществление своей заветной мечты? Я не знаю, о какой власти в России она мечтала, но вряд ли бы она пришла в восторг от того, что в 90-е годы прошлого века с её родной Россией случилось.

Я полагаю, будь она жива, то и после свержения Советской власти она не захотела бы в Россию, как остерегается пока отдавать в Россию реликвии Белой армии: знамя корниловской дивизии, папаху и шашку Л. Г. Корнилова, осколок, которым он был убит, Елизавета Георгиевна Шапрон дю Ларре, жена внука Г. Л. Корнилова, как не торопятся принять российское гражданство потомки многих белоэмигрантов, что-то настораживает их в новой российской власти... И не рано ли тревожить могилы русских изгнанников, возвращать их помпезно в Россию? Захотел бы в нынешнюю Россию Иван Алексеевич Бунин? Уже перенесён прах Антона Ивановича Деникина? Не нужны ли эти могилы для своеобразного доказательства легитимности новой власти?

Как я уже писал, на деньги, переданные мне месье Саразэном и добавленные Аксаковским фондом, мы заказали в славном городе Каменск-Уральске у давнего нашего друга Н. Г. Пяткова колокол-благовест с иконой Николая Чудотворца.

И вот долгожданный телефонный звонок: колокол отлит. Мы поехали за ним — а это более 600 километров, — с членом Попечительского совета Аксаковского фонда, генеральным директором ОАО «Дорремстройтрест» Вячеславом Васильевичем Аброщенко, который родился недалеко от Шафранова, в соседнем районе в деревне Калиновке, в которой осталось всего несколько домов, и у него по этой причине болит душа, и мечтает он свою Калиновку возродить. Дорога оказалась нелёгкой. Была середина ноября. Выезжая из Уфы, мы радовались сухому асфальту, но недаром говорят: суровый и непредсказуемый Урал. За Ашой, как только мы въехали в хребты, нас встретил гололёд, а за Симом на подъезде к Кропачево на длинном затяжном подъёме дорогу перегородила завалившаяся на бок тяжелогружёная фура, попытки стащить её сначала «Уралом», потом «КамАЗом» оказались безуспешными, автомобильная пробка росла с двух сторон. К тому же ещё было воскресенье, рассчитывать на помощь дорожников не приходилось, а впереди были главные, уже точно покрытые снегом и льдом перевалы, которые ох как не хотелось пересекать ночью...

Николай встретил нас, как родственников: устроив на ночлег, повёз ужинать. Утром показал город, основанный ещё в 1701 году по указу Петра I.

— Приезжаю со своими колоколами в Калифорнию, которая когда-то была русской, пытаюсь рассказать про затерянный в России маленький город Каменск-Уральский под Екатеринбургом, а мне говорят: «А мы прекрасно знаем ваш город, может, узнали о нём ещё раньше, чем о Москве. Вон на форте ваши, каменск-уральские, пушки ещё с тех первоначальных времен стоят». Оказалось, что и пушки на пакетботе «Св. Пётр» Беринга были наши, каменск-уральские, недавно на острове Кадьяк откопали. А колокола в Каменск-Уральском, как я выяснил, лют с 1702 года. Правда, первоначально они были чугунные. И вообще, принято считать, что всё старинное — лучшее. Могу сказать, что наши колокола звучат лучше, чище.

Благодаря Николаю Геннадьевичу Пяткову, Каменск-Уральский теперь называют колокольной столицей России, хотя тут находятся гиганты алюми-

ниевой, трубной промышленности, принадлежащие, правда, уже олигархам с экзотическими для России фамилиями.

В углу в ящик паковали колокола, надпись на которых была на английском языке.

На мой молчаливый вопрос Николай ответил:

— Куда-то в США, не помню, надо документы смотреть. Удивительно: там строятся новые православные храмы. Может, не случайно судьба разбросала русских по всему свету...

Когда мы погрузили колокол в свой джип и уже собирались отъезжать, в широко открытые для нас ворота, постукивая палочкой, вошёл какой-то ба-тюшка:

— Из Красноярска. Кто из вас Пятков будет? Хочу посмотреть и послушать его колокола.

А уже на выезде нам встретила пожилая монахиня.

— А вы откуда? — спросил Николай.

— С самого края русской земли, из Владивостока. И дотуда дошла слава о твоих колоколах. Сейчас много где льют, но самые душевные и звонкие, говорят, у Пяткова.

Под монашеское благословение мы и отправились в обратный путь...

Но так как колокольни в Шафранове ещё не было, «французский» колокол не стали прятать ни на каких складах, а установили на общее обозрение в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе — до того времени, когда он будет торжественно передан восстанавливаемому храму. Так об этой печально-светлой француско-русской или русско-француской истории узнали тысячи людей.

Посетителям разрешалось тихонько ударить в колокол, и уходили они из музея в большой задумчивости...

Но решения Господни неисповедимы...

В последнее время смерть, забирая самых близких людей, ходит вокруг меня кругами, постепенно сужая круг.

По моему глубокому убеждению, и я не устану это повторять, что русский — не понятие крови, русский тот — кто любит Россию. И смерть выхватывает в моём окружении почему-то самых русских людей, то ли они уже больше нужны там, в небесной России, то ли... Под взрывы американских томагавков в Белграде мучительно умирал от рака очень близкий мне человек, выдающийся сербский художник, философ и геополитик Драгош Калаич. Когда член Попечительского совета Аксаковского фонда, сотрудник Транспортной комиссии ООН в Женеве Вячеслав Васильевич Новиков после прочтения моей статьи-некролога в журнале «Наш современник» спросил своего коллегу из Сербии Мирослава Йоановича, знает ли он Драгоша Калаича, тот, стараясь не обидеть Вячеслава Васильевича, ответил: «Всякий в Сербии, кто умеет читать, знает Драго. Но не меньше Сербии он любил Россию, он глубоко переживал всё, что происходило у вас в последние годы. Жаль, что в своё время его прогнозы-предупреждения в России не были услышаны».

Потом также от рака умер ближайший мой друг, выдающийся русский скульптор и общественный деятель Вячеслав Михайлович Клыков, наверное, самый

русский из русских, но не менее России любивший Сербию и подаривший ей свои памятники Сергию Радонежскому, Савве Сербскому как дар русского народа сербскому. Впрочем, свои памятники он дарил Чехии, Италии, Греции...

А потом мне позвонила живущая в Уфе женщина непростой судьбы, подданная Французской Республики, но глубоко русский православный человек Нина Александровна Антонова, через которую в своё время до Шафранова и дошло письмо месье Андрэ Саразэна де Гаса, и сообщила, что после нескольких тяжелейших операций во Франции в своём поместье ла Шаботте умер — опять-таки от рака! — профессор (археограф и палеограф) Католического университета в г. Анже месье Андрэ Саразен де Гас, по моему убеждению тоже глубоко русский человек, хотя в нём не было ни капли русской крови. Он не знал русского языка и никогда не был в России, но глубоко и беззаветно любил её. Да, Андрэ Саразэн де Гас был очень близким мне человеком, хотя наша единственная встреча продолжалась всего несколько часов, и разговаривали мы с ним через некогда служившего в Алжире отставного капитана французской армии месье Aleksisa Abakumoffa, который, будучи внуком российского изгнанника, полковника Русской армии генерала Врангеля, в душе продолжал оставаться глубоко русским православным человеком Алексеем Владимировичем Абакумовым. И уже тогда — по серой измождённости лица месье Андрэ Саразэна, по плохо скрываемой печали в его глазах, по реплике, на которой мы расстались: «Я вам очень благодарен за приглашение приехать в Башкирию, в Шафраново, а также на Международный Аксаковский праздник, **но если мне вдруг не удастся**, — может, сам того не заметив, он подчеркнул эти слова, — тогда пригласите хотя бы одного из моих племянников, связь времён и народов не должна прерываться...», я понял нечто, от чего содрогнулась моя душа в роковом предчувствии...

Увы, душа моя не ошиблась...

Предчувствуя близкий конец, месье Андрэ Саразэн де Гас попросил своего бывшего студента, преподавателя французского лицея при посольстве Франции в России Жан-Стефана Бетона полететь в Уфу, а оттуда поехать в Шафраново: сфотографировать, в какой стадии восстановления находится храм. В дополнение к фотографиям мы записали на диск звон фамильного колокола. И, несмотря на жуткую метель, потому что откладывать поездку было нельзя: уже в ночь у Жан-Стефана был обратный самолёт, с Виктором Александровичем Пчелинцевым и Ниной Александровной Антоновой мы поехали в Шафраново. Глава Альшеевского района Дамир Радикович Мустафин, как гостеприимный хозяин и как человек, чувствующий связь времен и народов, настоял, чтобы мы с французским гостем сначала непременно заехали к нему, в районный центр, в Раевку, а потом передал его в руки своих подчинённых. Подчинённые, земляки Ирины Переяславцевой де Гас, вполне возможно, что некоторые из них были внуками или правнуками её бывших батраков, от всей души угощали французского гостя, да так, что он не рассчитал свои силы, в результате даже забыл в Раевке шапку, за которой на обратном пути пришлось заезжать, потому что шапка эта была семейной реликвией, её в своё время купил в Сибири, спасаясь от морозов, отец Жан-Стефана. Жан-Стефан вообще лёг бы костями на почве гостеприимства, если бы Нина Александровна, уже давно живущая в России и

потому знающая законы российского, а тем более башкирско-татарского гостеприимства, буквально силой не остановила ничем не уступающие кавказским тосты, тем более, что напиток был куда крепче кавказских.

— Теперь ты понял, почему французы не победили в 1812 году? — спросил я Жан-Стефана по дороге в Шафраново, когда он немного пришёл в себя.

— Теперь понял, — без тени юмора, со всей серьёзностью ответил он. — К вам хоть с оружием, хоть по-дружески приходи, всё равно ляжешь костями.

Жан-Стефан успел показать месье Андре Саразэну привезённые фотоснимки храма, к тому же он смог услышать, пусть тихий, звон своего фамильного колокола. Он заснул с чувством, пусть, может, не до конца, но выполненного долга, он сделал всё от него возможное, чтобы не прервалась связь времён и народов. Он уснул без тени на лице прежних мучительных страданий — и не проснулся...

В последний путь скромного профессора-археографа провожало около трёх тысяч человек...

Увы, большой благовестный колокол в память семьи де Гас, жившей в Шафранове с 1910 по 1917 годы и беззаветно любившей Россию, по-прежнему радуется, хотя, может, глагол «радует» в данном случае не совсем уместен, посетителей музея С. Т. Аксакова в Уфе. Этот колокол как бы напоминает: «Старайтесь жить так, чтобы и по вам потом звонили колокола...». Этот колокол не даёт мне покоя. А ещё больше — моему дорогому другу и соратнику, председателю Попечительского совета Аксаковского фонда, уроженцу Шафранова Виктору Александровичу Пчелинцеву. Завещание месье Саразэна де Гаса до сих пор остаётся не выполненным. Всё вроде бы начиналось так хорошо, душевно, но неожиданно восстановление церкви в Шафранове застопорилось,

Говорится: «Не судите, да не судимы будете». Так-то оно так. Но и умолчать трудно. Бывший настоятель строящегося храма отец Исай, при нашей первой встрече оставивший у меня неприятный осадок: «Не надо нам французских денег, на свои построим», позже решительно отказался и от привезённого нами колокола. Мы его убеждали, что с колокольным звоном легче будет восстанавливать храм, а он в ответ: «Пока нет колокольной, украдут». Но колокольно возводить не торопился. А потом повёл себя совсем странно. Был прекрасный проект восстановления храма, бесплатно выполненный известным московским архитектором и утверждённый архиереем. Мы радовались: красивый, устремлённый в небо храм будут видеть все проезжающие по Транссибирской железнодорожной магистрали. Нашлась серьёзная организация в Москве, которая готова была дать под этот проект деньги, только требовала строго следовать проекту и предоставлять финансовую отчётность, что настоятелю храма очень не понравилось. И были люди, которые готовы были жертвовать на другие именные колокола — до полного набора.

Кончилось тем, что отец Исай выжил московского архитектора, на скорую руку по его или по чьей другой просьбе срочно изобрели другой, доморощенный проект, с грубыми и опасными инженерно-техническими ошибками, о красоте и говорить не приходится. А в один прекрасный день настоятель вообще исчез вместе с подаренными храму стройматериалами, автомобилем и всякой другой техникой. И никто в епархии не мог объяснить, куда он делся.

А месье Саразэн не успел нас связать со своими племянниками: телефон в его имении молчал, на наши письма никто не отвечал. Помимо всего прочего меня волновала судьба документов, касающихся Шафранова, самой Ирен де Юрша, я надеялся, что со временем они найдут место в шафрановском или каком ином музее...

И тут мне позвонила Марина Анатольевна Ларина, секретарь Уфимского горсовета. (Не приемлю эту идиотскую, придуманную явно не русскими московскими чиновниками, абракадабру: городской округ город Уфа. Как только ни измыкались над российским народом, теперь вот очередное издевательство: крестьянство, нравственная суть России и так погибает, с голоду не помираем за счёт Запада, так ещё надо стереть с карты страны вослед вымирающему крестьянину древние русские названия: деревня, село, — заменить их искусственными: поселения сельского и городского типа. В памяти старшего поколения ещё свежо это жутковатое название: **на поселение**, откуда мало кто возвращался, деды нынешних реформаторов посылали, уничтожая российское крестьянство, а значит, и Россию, так называемых кулаков, самых крепких российских мужиков, и вот теперь снова реанимировали вроде бы уже забытое. Впрочем, может, справедливо, нынешние села и деревни уже больше похожи на те поселения. Да и малые города тоже. Взять, к примеру, славные и гордые уральские городки: Усть-Катав, Катав-Ивановск, Бакал, много веков работавшие на оборону страны и гордящиеся этим, а теперь они уже не города — всего лишь поселения городского типа, словно из этих славных городков и из их не менее славных жителей специально душу вынули).

Ну, так позвонила мне Марина Анатольевна Ларина, большой друг Аксаковского фонда и добрый помощник во всех аксаковских делах, передала просьбу председателя горсовета Ирека Газизовича Нигматуллина: слетать в Париж. Признаюсь, большого восторга эта просьба у меня первоначально не вызвала. Во-первых, у меня в кармане лежало направление в кардиоцентр, и не просто в кардиоцентр, а в кардиохирургию, а во-вторых, Париж, в котором я в прошлый раз оказался в очень печальное для меня время, мягко говоря, не вызвал у меня особого восторга. Но отказать Иреку Газизовичу я не мог, я понимал, что желающих слетать в Париж, только кликни он, оказалось бы несметное количество, и то, что он предложил полететь именно мне, надо расценивать как знак особого расположения. Об Иреке Газизовиче я хотел бы сказать особо. Как это, может, ни парадоксально, у меня с ним связано понятие настоящей Советской власти. Точнее, власти Советов! И ничего тут на самом деле парадоксального нет. Советы не были сколько-нибудь самостоятельны, они целиком зависели от партийных органов и только дублировали их. А на самом деле в идее Советов была скрыта великая сила, узурпированная и скомпрометированная большевиками. Не случайно в двадцатые годы прошлого века народ не раз поднимался на восстания с лозунгом: «Советы без большевиков».

Ирек Газизович в своё время на моё робкое предложение войти в Попечительский совет Аксаковского фонда, к моей великой радости, ответил официальным письмом: «Принимаю это предложение с благодарностью». И стал далеко не формальным его членом.. Надо сказать, что и до этого Уфимский

горсовет и Управление культуры администрации Уфы всячески помогали Аксаковскому фонду и Мемориальному дому-музею С. Т. Аксакова в проведении ежегодного Международного Аксаковского праздника. Горсоветом, в частности, были учреждены ежегодные Аксаковские студенческие стипендии, огромная заслуга во всём этом бывшего заместителя председателя горсовета, к сожалению, ныне уже покойного Анатолия Сергеевича Баранова, светлая ему память! Теперь же наши взаимоотношения с Уфимским горсоветом поднялись на совершенно иной уровень. Обычно как бывает: я хожу по чиновничьим кабинетам, в одних случаях откликаются на мою просьбу, в других — вежливо отказывают. Или: не отказывают, но, как говорится, воз и ныне там. Здесь же было всё иначе. Горсовет сам обратился в фонд со своей конкретной помощью и конкретными предложениями, которые вдохнули в Аксаковский праздник новую горячую струю, приобщившую к нему, что чрезвычайно важно, сотни и сотни молодых людей. Ирек Газизович, сам красивый человек, сумел сформировать команду из красивых и, главное, деятельных людей. И Аксаковский студенческий бал, вот уже несколько раз организованный ими, стал одной из изюминок Аксаковского праздника. А Ирек Газизович в одну из встреч уже посвятил меня в идею расширить и без того широкие границы Аксаковского праздника, даже за пределы России. Я отнёсся к этой идее не то чтобы скептически, но ясно представил все трудности этого дела. Ирек Газизович не стал со мной спорить, только загадочно улыбнулся. А через некоторое время доказал, как это можно делать или с чего нужно начинать. И вот как раз это имеет прямое отношение к его предложению слетать мне в Париж.

Оказывается, Ирек Газизович, особо не афишируя, можно сказать, втихомолку помог издать литературный альманах членов Ассоциации в поддержку русской культуры во Франции, которую недавно создал другой член Попечительского совета Аксаковского фонда, недавно вышедший на пенсию сотрудник ЮНЕСКО Владимир Николаевич Сергеев. И мне предлагалось полететь в Париж на презентацию этой ассоциации с только что изданным, точнее, только ещё печатающимся альманахом, несколько экземпляров которого мне собирались привезти прямо к самолету.

И тут вдруг меня осенило: раз выдаётся такой случай, надо непременно найти могилу этой удивительной французско-русской семьи, принципиально пожелавшей лечь на кладбище русских беженцев Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В своё время меня потрясла её любовь к России. И я почему-то чувствовал себя виноватым перед этой семьей. Возникла острая необходимость поклониться праху этих, по крови не очень русских людей, попросить прощения, хотя никакой моей личной вины, вроде бы, не было...

Надо ли говорить, что моё появление с альманахом литераторов-парижан, изданным в России, буквально вызвало шок. Как-то стало привычным, особенно в тяжёлые 90-е годы, что россияне с протянутой рукой обращались к всевозможным западным фондам или к своим забугорным соотечественникам, считая их непременно богатыми. А тут вдруг всё было наоборот. Мало того, нашим соотечественникам за рубежом помогла не Москва, не Петербург, а далёкая провинциальная Уфа, по улицам которой, по мнению некоторых, возможно,

ещё медведи ходят. Надо сказать, что, выйдя на сцену Русского дома в Париже, я неожиданно для себя растерялся. Мне приходилось выступать на разных съездах, пресс-конференциях, в разных аудиториях, в разных странах, но тут я растерялся. Если бы это была французская аудитория, этого бы не случилось, а тут впервые — не в России! — на меня оценивающе были обращены сотни русских глаз представителей трёх волн русской эмиграции, для которых фраза: «Увидеть Париж и умереть!» имела разный смысл: от жизненно смертельного — до гламурного. И уже даже потомки первой волны эмиграции, которые требуют, чтобы их называли не эмигрантами, а беженцами, в основной своей части отчуждённо относятся к представителям третьей волны: «Наши отцы и деды покидали Россию, спасаясь от неминуемой смерти, а вы бросили Родину в самый тяжёлый для неё время в поисках лёгкой жизни».

Возвращаясь поздно вечером в гостиницу, я размышлял, как мне на следующий день попасть на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Не зная языка, добираться на электричке, а потом на автобусе не так-то просто, я хотел поделиться своими мыслями с Владимиром Николаевичем Сергеевым, который опекал меня в первый приезд во Францию, как он вдруг, словно читая мои мысли, сам предложил утром поехать в Сент-Женевьев-де-Буа. Мало того, он попросил подъехать туда Татьяну Борисовну Флорову-Маретте, хорошо знавшую кладбище, потому как на нём лежали её родители, родственники и друзья, она даже проводила экскурсии по кладбищу для приезжающих из России. Но, увы, Татьяна Борисовна никогда не слышала имени Ирен де Юрша: «Нас же было в Париже десятки тысяч...», — словно оправдывалась она.

К моей полной растерянности, могилы Ирен де Юрша, её мужа и отца мы не нашли. Была суббота, и контора кладбища была закрыта.

— Давайте так, — успокаивала меня Татьяна Борисовна, тяжело передвигающаяся на палке (недавно сломала ногу). — Мне тут рядом, всё равно завтра приеду в кладбищенскую церковь на службу и ещё поищу. А в понедельник пойду в контору, там же есть списки. И сразу вам позвоню...

Я, как и в первый свой приезд в Париж, потрясённо бродил между могил. «Увидеть Париж — и умереть!». Умирали в тоске по России... Умирали в тоске по России, многие даже уже в третьем поколении.

Какая, вроде бы, разница, где лечь, — а вот они принципиально легли все вместе, на своём русском кладбище, чтобы, может, потом всем вместе воскреснуть и стать частью небесной России.

На кладбищах обычно трудно долго находиться, кладбища угнетают, стараешься поскорее с них уйти, если даже на них похоронены твои близкие родственники. А это удивительно светло в любую погоду. Если была бы возможность, я спокойно и радостно остался бы здесь на ночь среди русских сосен и берёз, но непременно бы под открытым небом, только под себя на холодную землю что-нибудь подстелил. И опять не давала покоя мысль: если мы все временные на Земле, почему они, даже уже в третьем поколении, умирали с такой тоской по России? Почему постарались в изгнании по возможности лечь вместе?..

На следующий день, в воскресенье, на 3-й неделе Великого поста, Крестопоклонной, я пошёл на службу на рю (улицу) Дарю, в собор Александра Невского,

или в Русскую церковь, как все его зовут в Париже, построенную печальными русскими беженцами. Это, может, единственное место в Париже, что грело мою душу в прошлый приезд. Здесь молилась по погибшим в России матери и брату и венчалась бывшая владелица санатория Шафранова Ирен де Юрша, в девичества Ирина Альбертовна Переяславльцева-де Гас. Собираясь в церковь, я снова открыл её воспоминания:

«Именно на вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал моё имя, и другой молодой офицер, который до этого слушал довольно рассеянно, подошёл к нему: «Прошу прощения, но нет ли у неё брата по имени Димитрий, который был вместе со мной в Добровольческой армии?» Мой кузен подтвердил, что я действительно сестра Димитрия. «Вы доставите мне огромное удовольствие, — сказал бывший капитан, — если дадите мне её адрес». Кузен сказал ему, что в настоящее время я нахожусь за городом (я приняла гостеприимство моего дяди Жозефа в Вормуте), но мой отец в Париже...

Мишель Юрша, с которым я подружилась в Киеве, когда навещала брата, отправился к моему отцу, и вообразите, каково же было моё удивление, когда несколько дней спустя я получила письмо от него! И вот таким образом несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка.

Мишель был очень добрым человеком, очень простым, очень умным, и всегда находил забавное словцо, чтобы посмеяться над трудностями, которых, как вы догадываетесь, мы не сумели избежать. Демобилизовавшись в Галлиполи вместе со своими товарищами из несчастной Белой армии, он получил нансеновский паспорт, который предоставлял русским беженцам, лишённым родины, защиту великих держав. Многие эмигранты просили гражданства в странах, где они нашли убежище; из верности России мой муж не хотел менять гражданства. После очень трудных первых лет — он был даже очень счастлив поработать некоторое время развозчиком выпечки на трёхколесной повозке! — он стал представителем в чайной фирме «Твайнинг», где очень быстро сумел показать себя, он говорил улыбаясь: «Я единственный в Париже целую руки бакалейщицам, и именно поэтому продаю лучше, чем мои коллеги!» Конечно, выпускнику Александровского лицея, а затем дипломатического института Санкт-Петербурга этим, может быть, и не стоило очень гордиться, но какое отныне значение всё это имело для нас? Разве главное было не в том, что мы остались живы?

Мы оба пытались, он — во всяких ассоциациях бывших гвардейских офицеров, я, — оказывая услуги, где только могла, помогать нашему маленькому сообществу эмигрантов в XV округе Парижа, ставшему Санкт-Петербургом в изгнании...

Радости и печали — всё было! — шли чередой. Мой любимый отец работал до самой своей смерти в 92 года; у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР,

который всё же оставался Россией... Мишель умер в Париже в 1958 году и покойся вместе с моим отцом на нашем русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. У него была замужняя сестра в эстонском Ревеле, но у неё не было детей. Что касается его братьев: Константин был посажен в тюрьму большевиками, думаем, что его сын Игорь живёт в Ленинграде; Леонид, гвардейский офицер, умер в этом городе в 1957 году; Александр (старший), морской офицер, был расстрелян в Петрозаводске, где было поместье их родителей; Николай, также морской офицер, умер в Эстонии; Жорж, гвардейский артиллерийский офицер, покончил с собой во время революции...»

Как и в прошлый раз, я жил в крошечной дешёвенькой гостинице под Мон-мартром. Крутая, спиралью лестница на третий этаж, на которой никогда не горит свет, окно в глухую стену. Олигарх Прохоров тут явно не жила. Здесь жила другая Россия. Школьники, приехавшие по какому-то гуманитарному обмену. Тихие скромные женщины, с трудом наэкономившие денег, чтобы посмотреть Париж, или ищущие работу, со смущённым всепрощающим, в том числе господ Прохоровых, взглядом, впрочем, они живут с Прохоровыми и Абрамовичами не только в разных Россиях, но и в разных мирах.

От моей гостиницы до церкви было недалеко, она была, кажется, в четырёх или пяти станциях метро, но я принципиально пошёл пешком, как и вообще решил передвигаться по Парижу только пешком, врачи мне советовали больше ходить, и вот представился случай.

Каждый раз при входе в этот храм меня охватывает особый трепет. Многие и многие тысячи несчастных русских изгнанников искали здесь и всегда ли находили душевный покой. Икона Казанской Божией матери справа на входе, подаренная вдовой легендарного генерала М. Г. Черняева, посланного Иваном Аксаковым возглавить сербскую армию во время русско-турецкой войны, завершившейся освобождением Болгарии и Сербии от многовекового османского ига.

Перед службой в ещё пустом тихом храме я подошёл к церковному служке, продающему свечи. Я познакомился с ним в прошлый раз: Игорь Александрович Марков, сын полковника Белой армии, командира 3-го драгунского полка Александра Михайловича Маркова, в изгнании тоже прошедшего через печальное стояние на турецком полуострове Галлиполи, где многие нашли свой конец.

— С приездом! Я рад вас снова видеть... — к моей радости узнал он меня. — Случаем, не привелось побывать в Новочеркасске? Как там, на Родине? Вроде, что-то стало образовываться... Нет, мне туда уже не собраться, даже в гости, только душу травить. Я перестал даже мечтать об этом. Так легче жить. Да и связи нет никакой с родственниками, если они там остались. Раньше боялись их искать, чтобы не накликают на них беду, а теперь уже поздно. Только разве по линии жены кто остался, они, может быть, менее пострадали...

В голове по-прежнему вертелось: как же так, совершенно точно, что Ирен де Юрша вместе с отцом и мужем похоронена на Сент-Женевьев-де-Буа, племянник так трогательно относился к ней, опубликовал её воспоминания, дал деньги, пусть и небольшие, на восстановление церкви в Шафранове, собирался с оказией прислать ещё... Я спросил Игоря Александровича об Ирен де Юрша.

— Нет, эта фамилия мне неизвестна. Ведь нас было многие и многие тысячи, — как и Татьяна Борисовна вчера, словно извинялся он. — Вы говорите, она упокоилась в 1985-м? В эти годы я ещё не служил в церкви.

Церковь к началу службы постепенно заполнилась, стало негде встать. Странное чувство: словно я был в России. Может быть, эта светло-печальная церковь, построенная и намоленная русскими изгнанниками, и была частью России? И, может быть, даже истинной Россией?

Кто-то, осторожно протискиваясь вперёд, коснулся моего плеча: «Извините!», я невольно повернул голову и, можно было бы сказать «Мир тесен, а Париж — маленькая деревня», если это было бы не в русской церкви, куда каждый

русский, если он считает себя русским, непременно тянется, тем более в Великий пост, — и увидел... Никиту Струве, внука знаменитого Петра Бернгардовича Струве, одного из лидеров партии кадетов в предреволюционной России. Никита Струве, как основатель не менее знаменитого издательства Умка-пресс, издающего высланного и запрещённого Александра Солженицына, числился в Кремле и на Лубянке чуть ли главным антисоветчиком. За любой контакт с ним, тем более за попытку тайно привезти его книги в СССР, можно было заработать срок. К плечу его жалась супруга, дочь знаменитого священника Русского Зарубежья о. Александра Ельчанинова. По рассказу Никиты в его бытность несколько лет назад гостем в Уфе я знал, что любимым её писателем был Сергей Тимофеевич Аксаков. С четой Струве была также вдова Александра Солженицына с одним из сыновей.

По окончании службы, выйдя на улицу, вспомнили Уфу, аксаковское Надеждино, куда мы с ним ездили, шафрановский кумыс, который мы пили по пути туда. Сначала Струве с большим подозрением отнёсся к кумысу и искоса наблюдал, как я с наслаждением пью его, а потом решился и уже в Надеждине у гостеприимного Юрия Александровича Мурмилова основательно приложился к нему.

Русская церковь в Париже на ул. Дарю

— Вот кумыса бы я сейчас выпил, — мечтательно протянул он. — Недавно побывал во Владивостоке, — добавил как похвалился. Долгие десятилетия он был не въездным в СССР и теперь навёрстывал упущенное.

— Давайте я на память сфотографирую вас с супругой, — предложил я.

С паперти вприпрыжку сбежал весёлый человек в церковном облачении:

— Можно меня с ними?

— Протоиерей граф Борис Бобринский, — представил его Струве.

По тому, как он по-молодецки сбежал с паперти, я решил, что он чуть ли не ровесник мне, а позже в гостинице раскрыл альбом «Русская эмиграция» и обнаружил фотографию 1940-го года: «Граф Борис Бобринский в форме гражданской обороны Парижа».

Никита Струве, отозвав меня в сторону, чтобы не слышала вдова А. Солженицына, неожиданно поведал о любопытном факте, много объясняющем в биографии А. Солженицына. Я его не спрашивал, а он неожиданно сказал:

— Вы удивитесь: Солженицын никогда не читал Аксакова. Поразительный факт, но это правда. Я ему даже рекомендовал, а потом спросил, он так и не прочитал.

Это мне многое объяснило в характере Солженицына.

— Я подозреваю, что Аксаков ему был чужд по духу. Он боялся его читать, боялся его влияния. Ему нужно было быть непримиримым. Это своего рода Владимир Ильич Ленин наоборот, — сказал я.

— Может быть, вы правы, — подумав, пожал плечами Струве.

То ли услышав фамилию «Аксаков», то ли увидев меня с Никитой Струве и протоиереем графом Борисом Бобринским, ко мне подошёл небрежно одетый со всклооченными волосами человек:

— Пошли обедать.

— Куда? — не понял я.

— Ко мне домой.

—...

— Я здесь рядом живу,

—...

— Пошли, пошли, там и познакомимся... Дома никого нет, жена в отъезде...

И совершенно незнакомый человек вроде бы ни с того, ни с чего, мне, совершенно незнакомому человеку, уже по дороге стал рассказывать свою жизнь. И уже минут через пятнадцать, пока мы дошли, было ощущение, что мы знакомы с ним очень давно, мало того — давние друзья, которые давно не виделись.

*Никита Струве с супругой
и протоиерей граф Борис Бобринский*

— Ну а почему всё-таки ты подошёл именно ко мне? — спросил я Сергея уже на его кухне, рассматривая альбом с репродукциями его картин.

Он пожал плечами:

— Не знаю... Ну, здешних прихожан я преимущественно знаю. А тут смотрю: усталое русское лицо, явно, не москвич, фланелевая рубашечка. Ну кого в Париже можно встретить во фланелевой рубашке?!

— В гостинице не топят, немного подмёрз.

— Да нет, всё нормально... На меня, наверное, подействовала фамилия Аксаков. Для русского человека это магическая фамилия.

Сергей поразил меня своей, так редкой для нашего времени открытостью. Через час я знал о нём буквально всё, даже то, во что стараются не посвящать не только случайных знакомых. А тут: совершенно незнакомому человеку, с которым познакомился буквально час назад на улице (потом, правда, в гостинице, анализируя, я уточню для себя, что всё-таки не просто на улице, а в Великий пост и около церкви), он рассказал о своих бедах и радостях, в том числе о своей неизбывной трагедии. Я, в свою очередь, к своему удивлению, как на исповеди, по каким-то причинам избегающий церковной исповеди, рассказал ему о своей неизбывной беде и вине.

— Не убивайся! — Сергей положил мне руку на плечо. — Нам с тобой осталось на этой Земле совсем немного, — как-то очень легко и даже радостно сказал он. — Здесь мы временно. Там все встретится. Там мы всё простим друг другу. Только нужно достойно прожить оставшуюся жизнь.

Я сначала даже насторожился, всерьёз ли он всё это? Но он говорил так естественно, с такой уверенностью, без тени печали или даже грусти, даже с какой-то торжественной радостью, что, сначала растерявшись, я, может быть, окончательно поверил в существование того мира, в чём, может, до сих пор сомневался, где мы все непременно встретимся и простим друг друга и, может, нас простят. Он верил в загробный мир так же безоговорочно, как Ирен де Юрша, могилу которой я вдруг почувствовал своим долгом найти и пока не нашёл, а почему-то мне это было очень нужно. Я снова и снова прокручивал в голове несколько строчек из её воспоминаний: «Пасхальной ночью племянник отвозит меня на обедню в Сент-Женевьев-де-Буа, в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идём чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могилах моего отца и мужа. Я говорю им: «Христос воскрес», и мы тоже однажды воскреснем, и мы найдём друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стона, но только поклонение и радость».

Я поверил ему больше, чем многочисленным толкователям Св. Писания, и, может, отравленный атеизмом, даже больше, чем самому Св. Писанию. Он был как бы живым свидетелем того мира. Почему-то я ему безоговорочно верил. Мне стало даже неловко перед ним и перед собой, что я не обладаю такой верой. Я что-то начинаю понимать, самые простые истины, и то, постоянно сомневаясь, только к концу жизни, — кто виноват в этом? сатанинская власть, отторгнувшая моих родителей от Бога? Но он ведь тоже родился при той власти, — а он живёт с этим чувством, с этим знанием, не мучаясь никакими сомне-

ниями, давно, может, с раннего детства. Или он познал это только в результате долгих и мучительных страданий после смерти своих детей, сгоревших ещё в России в пожаре?

Я не решился его об этом спросить.

— Может, останешься хотя бы ещё на неделю? Я устроил бы тебя в православный монастырь, тут недалеко под Парижем, у меня там дом. Хочешь, в монастыре поживёшь, хочешь, у меня, рядом с монастырем. Мой работник, Юра, десантник-афганец, тебя отвезёт. Пожил бы немного, успокоился. Вижу, мечешься. Я тебе дам телефон брата в Москве, он как раз кардиохирург, я его предупрежу, что ты позвонишь, он не только проконсультирует тебя, а сделает всё, что нужно. А болезнь порой Господь посылает, чтобы человек приостановил свой обычный жизненный бег, изменился, покаялся. А насчёт, когда уходить... Господь сам решает, когда кого забрать. Не зря говорят: пути Господи неисповедимы. У Бога свой замысел о человеке: как о человечестве в целом, так и о каждом отдельном человеке. В тебе ещё много от мира сего — резкости, категоричности. Надо прощать людям слабости. И даже зло, ибо Господь не случайно его попускает, может, злом он испытывает нас. И коренных врагов наших Он терпит не зря и, может, специально на нас напустил, может, так нас проверяет... Мы по привычке судим по своим земным меркам обо всём, в том числе и о Его поступках, часто они нам непонятны, порой готовы возмущаться, забываем, что у него свои планы, потому как он строит Царство не земное, а небесное. Помнишь притчу о зёрнах и плевелах?

Я не помнил, но зачем-то соврал, что помню.

— Когда у меня на глазах сгорели дети, мне вдруг было откровение, я вдруг увидел вечность: и рай, и ад. Потому теперь живу как бы наполовину тут, а наполовину там... Надо жить, соизмеряясь с Его заповедями, а когда Он возьмёт и куда, не нам решать...

Мне хотелось спросить, какой он увидел вечность, но не решился, наверное, он имел на это какой-то внутренний запрет. Если мог бы сказать, то сказал бы без просьбы, догадываясь, что я мучаюсь этим вопросом.

Мне хотелось задать ему много вопросов, но я боялся, что они покажутся ему детскими, наивными. Будучи старше его на 15 лет, я чувствовал, что в вопросах истины я перед ним — ребёнок. И самое главное: в отличие от ребёнка, моё, отравленное атеизмом, сердце было закрыто истине, если я сколько-нибудь и воспринимал её, то только рассудком.

Я понял, что встретил Сергея не случайно, как уже знал, что многие встречи в моей жизни, особенно в последнее время, не случайны, или я просто в последнее время стал замечать это, и, может быть, именно для этой встречи меня кто-то толкнул прилететь в Париж. Я ещё раз убедился, что кто-то по жизни ведёт меня. Если не прямо, то косвенно, если не руководит моими поступками, то подсказывает их или устраивает мне нужные встречи, подкладывает нужные книги, или я вроде бы случайно беру в руки в самолёте торчащий впереди меня в кармане кресла журнал и открываю его именно на той странице, где оказывается напечатанной статья с так нужными мне сведениями, о существовании которых я не подозревал. Сергей говорил и не догадывался, что каждая его

фраза была для меня не случайна, и я безоговорочно верил в неё, как, наверное, не верил ни одному священнику, потому как у священников это — профессия. Я боялся, что не запомню всего того, что он говорил, мне хотелось взять ручку и записывать за ним, но это было бы нелепо, и только это меня удерживало. И, как я предполагал, вернувшись в гостиницу и схватившись за карандаш, я уже не смог толком что-то ясно выразить на бумаге, память моя с некоторых пор была словно решето, а может, память, пострадавшая от тяжёлой травмы головы, а потом и от контузии, тут были не причём, может, кто-то специально затуманил сказанное Сергеем, как знание, которое мне рано знать: только смутные отблески его простых и ясных мыслей блуждали в голове, и я бросил карандаш. Но я уже не жалел, что прилетел в Париж...

Сергей познакомил меня с Алексеем Григорьевым, предводителем русских витезей во Франции. Поразительно: с тех самых страшных двадцатых годов прошлого века из поколения в поколение существует во Франции движение православной русской молодёжи, в России оно только робко зарождается. Правда, вздохнул Сергей, в отрыве от России оно постепенно затухает. «Мои дети уж без особого желания едут в летний лагерь витезей. Хочешь не хочешь, они постепенно становятся французами. Это, конечно, грустно, но что поделаешь?.. Но всё равно во французов мы что-то вложили, начиная с дочери великого князя киевского Ярослава Мудрого Анны, которая стала королевой Франции. Может быть, ты прав, утверждая, что, возможно, у России нет собственного исторического предназначения, и потому её время от времени потрясают вселенские катаклизмы, разбрасывающие нас, русских, по всему миру, и никогда не будет Третьего мира. Потому как, может быть, её вселенское предназначение — смягчать нравы других народов, вливаясь в них живительным навозом, ни на что не претендуя, не стремясь стать народом в народе, а претендуя лишь на своё русское кладбище...

Русские судьбы...

— Я по матери из Голицыных, — сказал Сергей, когда я спросил его о корнях. — А жена — из Осоргиных... Рассказать биографию моего тестя до его рождения? — ...

— На вот, почитай. — Сергей раскрыл мне том А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». — Ты, конечно, это читал, но было это для тебя отвлечённым фактом. А я пока позвоню.

«Кроме духовенства никому не разрешалось ходить в монастырскую последнюю церковь — Осоргин, пользуясь тем, что работал в санчасти, тайком пошёл на пасхальную заутреню. С пятнистым тифом отвезённому на Анзер епископу Петру Воронежскому отвёз мантию и Св. Дары. По доносу посажен в карцер и приговорён к расстрелу. И в этот самый день сошла на соловецкую пристань его молодая (и сам моложе сорока) жена! И Осоргин просит тюремщиков: не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться более трёх дней, как только она уедет — пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание, которое за анафемой аристократии забыли мы, скулящие от каждой мелкой беды, каждой мелкой боли: три дня непрерывно с женой — и не дать ей догадаться! Ни в одной фразе не намекнуть! не дать тону упасть! не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и

вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, что муж взялся за голову с мукой. — «Что с тобой?» — «Ничего», — прояснился он тут же. Она могла ещё остаться — он упросил её уехать. Черта времени: убедил её взять тёплые вещи, он в следующую зиму получит в санчасти — ведь это драгоценность была, он отдал их семье... Когда пароход отходил от пристани — Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу...»

— Мой тесть был ребёнком, зачатый во время этого свидания, — пояснил Сергей.

Я долго ничего не мог сказать...

В понедельник, около Grand Opera пристроившись к какой-то российской туристской группе, я поехал в Версаль. В прошлый приезд в Париж, несмотря на безнадёжность своего состояния, я пожалел, что не смог поехать в Версаль, потому что, в отличие от Парижа, он представлялся мне светлым, тёплым архитектурным ансамблем, а на этот раз пожалел, что поехал. До того загадочный и в моём воображении царственно уютный и прекрасный Версаль умер для меня. Я пожалел французских королей, вынужденных жить здесь: ничего более безвкусного, холодного, неуютного, не приспособленного для жизни я не видел.

Вечером позвонила Татьяна Борисовна: могилы Ирен де Юрша в списках кладбища она не нашла. Мало сказать, что я был удручен. Не могла же она быть похоронена на другом кладбище, когда здесь похоронены её отец и муж! Но ведь мы не смогли найти и их могил! Но её племянник в постскриптуме к её воспоминаниям ясно пишет: «Она покойся рядом со своим отцом и мужем на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа».

Неужели могила за отсутствием ухаживающих за ней родственников не сохранилась? Да, горячо любящий её племянник жил далеко от Парижа, но неужели даже время от времени он не навещал её могилы?

— Татьяна Борисовна, я всё-таки считаю, что искать нужно в начале кладбища, прямо перед церковью, где хоронили в конце сороковых, в пятидесятые годы, её отец умер в 1948 году. Это должно быть недалеко от могилы Ивана Алексеевича Бунина.

— Да я этот квадрат, несмотря на свою сломанную ногу, чуть ли не на коленях облазила. Я тоже боюсь, что в эту могилу уже похоронен кто-то другой. Такое уже бывало, и не раз. Как, например, в случае с Андреем Тарковским. А в книгах кладбища неразбериха, может, и не случайная. Завтра я пойду в муниципалитет...

Я невольно вспомнил русское Ольшанское кладбище в Праге, где вокруг великого евразийца П. Н. Савицкого, которого похоронили в окружении таких же русских изгнанников, ныне на могильных плитах уж не православные кресты и не русские фамилии. Всё очень просто: со временем за аренду кладбищенских двух метров больше некому было платить, и русские могилы уничтожили. В одном случае это благодарность Франции за то, что мы спасли её в 1914 и в 1945 годах, в другом — благодарность Чехии, что мы спасли её в 1945-м. Бережливые французы и чехи пожалели клочка земли для отдавших за них жизнь русских. Недавно во Франции вообще был поставлен вопрос о закрытии кладбища Сент-Женевьев-де-Буа. Вряд ли французы закрыли бы его, но решили

Могила Ивана Алексеевича Бунина на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

по-цыгански попробовать пошантажировать Россию — вдруг что перепадёт? Как бы я ни относился к Путину, спасибо ему, что он не стал торговаться с мелочными французами, а молча перечислил от имени правительства, кажется, 800 тысяч евро на счёт муниципалитета г. Сент-Женевьев-де-Буа.

Франция больше не оставляет впечатления не только великой, но даже самостоятельной страны, тем более с нынешним вертлявым президентом, больше похожим на мелкого коммивояжера, выскочившего на большую политическую арену, удачно «замочив» шумной пиар-компанией нашего несчастного олигарха Прохорова. Теперь господин Саркази от имени мирового сообщества учит, как России вести себя на Кавказе. Наши вожди подобострастно его слушают. Во Франции, а может, во всём мире после де Голля не было ни одного великого государственного деятеля... Как у нас после Сталина, как к нему ни относишься, никого не было: одни недоумки, или дешёвые перевёртыши, развалившие страну, или откровенный проходимец, вроде Гришки Отрепьева, именем которого ныне шумно называют чуть ли не главную библиотеку страны, и нынешний наш президент торжественно открывает библиотеку, тем самым демонстрируя, кто у него в святых, после этого мне трудно ему верить. Будь ныне в мире хоть один государственный деятель, равный де Голлю, может, не было и нынешнего системного кризиса, инициированного кучкой международных жуликов. Де Голль в своё время жёстко потребовал от США прекратить спекуляции с дутым американским долларом, остановить станок печатания этих пустых бумажек-фантиков. После смерти де Голля станок заработал снова. После де

Голля Франция всё чаще подобострастно стала оглядываться на США. Доходило до лакейской унизости. Статую Свободы в Париже, в несколько раз уменьшенную копию пресловутой статуи Свободы в Нью-Йорке, навязанную США в качестве подарка, французы поставили лицом к Парижу, но стоило кому-то в Америке выразить по этому поводу неудовольствие, и вместо того, чтобы оскорбиться и спихнуть в Сену этот навязанный подарок, как и пресловутая Эйфелева башня, не вписывающийся в архитектурный ансамбль древнего города, французские власти подобострастно повернули её лицом к Америке, а задницей к Парижу. Как потом оказалось, американцы пошутили, французы сделали вид, что не поняли шутки, и, на всякий случай, не стали поворачивать статую лицом к Парижу.

Что касается Парижа, я уже писал: рано утром в нём — одни негры да арабы, ловишь себя на мысли, не в Африке ли ты? Или не перебрал ли вчера, и у тебя уже галлюцинации. Складывается впечатление, что коренные парижане скоро в нём будут чужими. Как и коренные французы во Франции. По всему, из-за того, что наши лихие младореформаторы уничтожили отечественную систему профтехобразования, и благодаря их «мудрой» миграционной политике скоро и у нас так будет. Кое-чем мы уже и сейчас можем гордиться. Мы уже почти догнали Францию по количеству бомжей, правда, там они называются клошарами и, в отличие от наших, в большинстве своём, весёлые, здороваются с каждым мимо проходящим, потому что там бомжевание часто — образ жизни, а не как у нас — крайняя жизненная безысходность. Французские власти, расписавшись в неспособности решить эту проблему, не стесняются бомжей, не преследуют их, в отличие от нашей двуличной супердемократической, но с совково-комсомольской психологией власти, с помощью милиции пытающейся создать иллюзию всеобщего благополучия и безжалостно загоняющей бомжей на свалки, в канализационные трубы, а то и ещё дальше, откуда возврата нет. Впрочем, я не прав. Великое достижение нынешней российской демократии: бомжи, в отличие от олигархов, у нас социально защищены. Однажды в поликлинике, заполняя анкету, я обнаружил графу, обозначающую социальное положение: бомж. А вот графы «олигарх» там не было, и мне стало искренне жалко наших бедных олигархов, их и так в результате кризиса осталось мало...

Через день мне нужно было улетать. А на душе неладно от того, что я не нашёл могилу Ирен де Юрша, могил её отца и мужа, француза и литовца, принципиально пожелавших быть похороненными на русском кладбище. Почему-то это было для меня чрезвычайно важно, хотя они мне никем не приходились, а я знал, что в Париж, скорее всего, больше никогда не попаду, и буду жить оставшуюся жизнь с чувством невыполненного долга, не знаю, перед кем, прежде всего перед ними, хотя я, вроде бы, перед ними ни в чём не виноват. В оставшееся время я не пошёл ни в Лувр, ни в другие музеи, чем, вернувшись в Россию, многих удивил, хотя туда всё тот же любезнейший Владимир Николаевич устроил мне бесплатный пропуск, позволявший к тому же проходить без очереди. Я бесцельно до изнеможения, несмотря на холодный пронизывающий ветер, бродил по улицам Парижа, а к вечеру снова пошёл в Русскую церковь на рю Дарю, может, Игорю Александровичу Маркову удалось что-нибудь вы-

яснить у прихожан. Увы! Что меня поразило: на службе, кроме священника и Игоря Александровича, никого не было. Всё, как в России...

По дороге в гостиницу решил, что если сегодня Татьяна Борисовна ничего не прояснит, то рано утром поеду в Сент-Женевьев-де-Буа на поезде, чтобы ни от кого не зависеть и, если потребуется, то пробыть на кладбище весь день, до упора, чтобы искать спокойно, не спеша.

Но поздно вечером Татьяна Борисовна обрадовала:

— Я нашла: вторая полоса, 5 ряд, 4-я могила под № 3262.

— Недалеко от могилы Ивана Алексеевича Бунина?

— Да, как вы и предполагали. Уж очень неприметная табличка на французском, касающаяся её отца и мужа. А её — всего лишь временная, когда её похоронили, так и осталась. Она заржавела и совсем почти не читается. А мы ведь прежде всего искали её. И потому всё проходили мимо. И такое впечатление, что на могиле с тех пор, как она умерла, никто не был. Как прибили временную табличку, так и она осталась... И вот что я выяснила в муниципалитете: место на кладбище в день её похорон было оплачено на тридцать лет, срок оплаты истёк, обычно, год-два ещё ждут, а потом, если не объявляются родственники, в любое время в эту могилу могут похоронить другого человека. Потому-то её и нет в списках конторы кладбища, но какое-то время, видимо, они ещё выжидали. Бог вас послал спасти эти могилы, не иначе...

Я позвонил ещё одной обрётённой в Париже знакомой, уроженке Самары, врачу Ольге Назаровой, которая начинала свою карьеру во Франции певицей кабаре. На вечере Ассоциации в поддержку русской культуры во Франции она поразила меня своей песней о Волге, в которой было столько искренней русской боли.

У Ольги завтра был напряжённый день, но она сумела перепланировать его. Я попросил Татьяну Борисовну до нашего приезда заехать в муниципалитет, от моего имени написать заявление, что я — приехавший из России родственник Ирен де Юрша (надеюсь, усопшие, принадлежавшие к знаменитым французским и русским дворянским родам, простят мне, крестьянскому сыну, этот не столь уж большой грех) и что я гарантирую в течение месяца оплатить просроченную оплату могилы, хотя я ещё не представлял, как это сделаю.

С волнением я шёл меж могильных рядов. Оказалось, что я не раз проходил мимо этой могилы, но, во-первых, каждый раз в спешке, а во-вторых, я представлял её более богатой, что ли, меня отвлекали окружающие её богатые и, главное, ухоженные надгробья. А оказалось: простой деревянный крест с жестяной крышечкой, чуть ли не как на наших сельских кладбищах, скромная, а главное — мелким шрифтом, металлическая табличка на французском языке, которую с моим зрением можно прочесть, лишь подойдя вплотную, чему мешали соседние могилы.

Я долго стоял над могилой, словно здесь были похоронены мои родственники. Мне даже было немного неловко за это перед своими родственниками, на могилах которых бываю, увы, не столь часто.

У меня в кармане был плоский флакон с коньяком, на всякий случай, вместо сердечных таблеток, у Ольги в багажнике оказалась варёная курица, и, несмо-

тря на Великий Пост, мы пошли в кладбищенскую сторожку к марроканке Фариде и по-русски помянули усопших. И было легко и светло у меня на душе.

Вечером позвонил Сергей:

— Я договорился с афганцем-десантником Юрой, он заберёт тебя завтра утром хоть на пару дней в монастырь.

— Сережа, оказывается, улетает не в воскресенье, а завтра.

— Жалко!.. Завтра я не смогу тебя проводить. Буду далеко за городом. Прилетай обязательно ещё.

— Ты думаешь так просто: взял — и полетел.

— А я тебе оплачу билет туда и обратно.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Сережа, я как-то не привык жить за чужой счёт. Но если ты серьёзно, можешь оплатить аренду могилы?

Он задумался всего на несколько секунд:

— Да, конечно. Есть кому тут без тебя выписать счёт?

— Есть. Спасибо, Серёжа!

Я улетал из Парижа с лёгким сердцем. Я уже совсем не жалел, что поменял кардиоцентр на Париж, чем бы для меня это ни закончилось. Я знал, что не случайно и не зря в него прилетал. Вроде бы, зачем мне это было надо: отбросив все другие дела, отказавшись от посещения Лувра, других встреч, — почти неделю убить на поиски могил совершенно вроде бы чужих мне людей, к которым я проникся почти родственным чувством. Они на самом деле были мне родственниками. В своё время меня потрясла мистическая любовь этой семьи к России: начиная с отца, представителя древнейшего французского рода, у которого многовековое родовое кладбище, потерявшего в России жену, сына, вернувшегося оттуда униженным и практически нищим, но принципиально пожелавшего лечь в землю на русском кладбище.

Ещё вчера, бродя по Парижу, спросил себя: хочу ли я снова в Париж? И ответил: нет, ну, выпадет случай, как этот, может, и соберусь, хотя жалко потерянного времени, его и так осталось совсем мало.

Под этим православным крестом покоятся беззаветно любившие Россию француз-католик Альберт де Гас, капитан артиллерии Русской армии литовец Мишель Юрша и полурусская-полуфранцузженка Ирен де Юрша, в девичестве Ирина Переяславльцева-де Гас.

Это было вчера, а сегодня так категорично я уже не отвечу. Нет, моё отношение к Парижу и парижанам мало изменилось. Да, конечно, это был совсем другой город, чем в прошлый мой приезд, более светлый, более, может, тёплый. Значит, всё-таки что-то изменилось в моей душе. Но родным он мне всё равно не стал.

Меня по-прежнему тяготили его величественные католические храмы, они не поднимали мою душу, а наоборот придавливали к земле, меня почему-то угнетала их утончённо-прекрасная холодная каменная вязь, они тоже свидетельствовали об ином мире, но он меня пугал жестокостью наказания.. Сколько-нибудь родным Париж для меня делала церковь русских изгнанников на рю Дарю. Родным мне его сделал Сергей, который, теперь я точно знал, неслучайно встретился на моем пути, Родным мне его делало русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, на котором лежали тысячи и тысячи русских несчастных беженцев и их потомков, и потому оно стало частью России. На нём была могила Ивана Алексеевича Бунина. Не знаю, нужно ли его прах возвращать в Россию. Россия от этого не станет духовно богаче и не станет меньше любить его, а Франция, Париж от этого много безвозвратно потеряют. Родными Париж мне делают могилы Ирен де Юрша, её отца и мужа, которых неожиданно для себя я почувствовал родственниками, особенно после того, как оказалось, что кроме меня о них больше никому позаботиться... Я уже говорил, что кладбище Сент-Женевьев-де-Буа не ощущается мной как кладбище. На нём нет ощущения смерти. Оно торжественно и светло. Может быть, потому, что, как написала Ирен де Юрша в своих воспоминаниях: «Скажу, что русская душа легче принимает смирение, чем другие, потому что она очень возвышенная, и наша православная вера беспрестанно напоминает нам эту заповедь: *Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...*»

ГОЛУБЫЕ ВАСИЛЬКИ

В московском издательстве «Голос-Пресс» вышла книга Светланы Шнегас «Судьбина казачья...» (2008 г.).

Мягкая обложка сразу привлекает внимание: на красном фоне — скорбный чёрный силуэт всадника с оружием. Всадник склонил голову, и конь опустил голову.

Книга С. Шнегас началась с желания автора найти во Франции пропавших в гражданскую войну родственников. В результате она написала не только историю семьи, но и «историю несчастной нашей родины».

Двоюродный дед Светланы Шнегас — Сергей Васильевич Рытченков — войсковой старшина Новочеркасского Атаманского военного училища, участник 1 мировой и гражданской войн — эмигрировал с училищем в 1920 году в составе армии Врангеля и оказался на греческом острове Лемнос. Об этом он написал в книге «259 дней Лемносского сидения», опубликованной во Франции в 1933 году.

В 1919 г. Атаманское училище, отступая из Новочеркасска на юг в составе армии Врангеля, принимает участие в боевых действиях в Северной Таврии (Крым) и на Кубани. Особенно оно отличилось в боях под Каховкой.

Сергей Васильевич ведёт рассказ по-мужски скуп, точно фиксируя события и подмечая малейшие детали.

Например, он пишет, как училище покидало Новочеркасск, и как старушки вслед крестили мальчиков-юнкеров. Или о том, как в Севастополе училище грузилось на дредноут «Генерал Алексеев»: «... сильно вооружённый, он был самый слабый из

всех в мире военных судов. У него были испорчены электрические провода, которыми управлялись 30 орудий...

Не было снарядов, не было артиллеристов... Мало было угля, и отсутствовали кочегары. Топилось всего 10 котлов из 20...

Бывшую красоту России, её честь, чистоту, никем не запятнанную, теперь заменяла грязь, пакость, помёт, помои всюду и везде...

С. В. Рытченков вместе с училищем провёл почти год на греческом острове Лемнос, где были размещены казачьи части Русской Армии. Он ежедневно записывал всё, что происходило, в чём он участвовал и чему был свидетелем.

На Лемносе ему исполнилось 37 лет. Для юнкеров он был и любящим отцом, и старшим товарищем, и строгим командиром.

Командование Атаманского училища пыталось сохранить жизни вверенных ему юнкеров — мальчиков в белых рубашках и голубых бескозырках — «голубых васильков».

На острове Лемнос, который С. В. Рытченков назвал «дикий, скалистый, угрюмый», офицеры поддерживали дух будущего воинства Русской Армии. Они верили в возрождение России, не давали угаснуть этой вере в сердцах юнкеров, культивировали понятие воинской чести.

Несмотря на голод, холод, лишения, болезни, в училище продолжались занятия.

Было проведено производство старшего класса в офицеры. Осуществлён новый приём в училище. Учреждены офицерские курсы для поднятия уровня образования. Построена училищная церковь — это была идея Сергея Васильевича. Сам же он вместе с юнкерами эту церковь и строил фактически из ничего:

«Из содранных внутренних перегородок английских палаток «Маркизет», которые были тройной цветной материи — красной, жёлтой и серой — были пошиты церковные завесы на врата, дорожки и т. д. Руками юнкеров был сооружён бетонный пол в церковной палатке, и из досок ящиков из-под консервов был сооружён иконостас по проекту Войскового старшины Короченцева.

...Из брошенных на английском аэродроме старых латунных ламп были сооружены св. чаши. Винные стаканчики, подвешенные на тонкой телефонной проволоке, служили лампадами.

...Церковные колокола заменил буфер от вагонетки, небольшая стальная тавровая рельса и огромный полукруг колеса взорванного турбинного миноносца, части которого валялись на берегу залива».

Проводились парады, устраивались спортивные состязания, концерты, спектакли, танцы. Танцы были на паркете: на каменистый грунт укладывали брезент и натирали его мылом — вот и «паркет».

Вновь создавался музей училища — взамен разграбленного большевиками в 1918 году. Заведующим музеем был назначен С. В. Рытченков.

Издавался журнал «Сын Изгнания» — печатался на пишущей машинке в трёх экземплярах. Вышло шесть номеров.

И до Лемноса у юнкеров была трудная жизнь: приходилось служить, воевать и одновременно с этим учиться. А теперь надо было бороться за жизнь.

Летом, на жуткой жаре, юнкерам разрешалось снять форму — белые рубашки и голубые бескозырки. И отощавшие голодные мальчишки в «английских трусиках» и «пижаме», присланных Красным Крестом, ловили осьминогов, продавали местным жителям и покупали еду.

...Франция не признала генерала Врангеля и его Русскую Армию, лишила казаков и без того скудного пайка. Всем предлагали записываться в Иностранный легион или возвращаться в Советскую Россию. О тех, кто согласился и уехал, с тех пор не было ни слуху, ни духу.

С горечью пишет Сергей Васильевич о *распылении* Русской Армии.

...Началась подготовка к отправке оставшихся казаков в Сербию и Болгарию.

Сначала вывозили полки. Два училища — Атаманское и Кубанское — последними. При отъезде С. В. Рытченков был назначен комендантом парохода.

В приказе по училищу командование обращалось к юнкерам:

«Родина — ваш должник. Тихий Дон — ваш ходатай и заступник».

Записки С. В. Рытченкова заканчиваются прибытием в Болгарию. И образом-видением:

«И падали, как слёзы, яркие звёздочки с высоты небес. А вольный Тихий Дон катил свои серебристые волны и рассказывал, как мучились, страдали казаки на Лемносе».

Светлана Шнегас завершает свою книгу «Судьбина казачья...» скупым рассказом о нелёгкой жизни деда в эмиграции и о найденной во Франции родственнице. Родственница сообщила, что С. В. Рытченков, его жена и сын умерли.

«Поехать туда я не смогла, но сделала вот что: послала тёте Марусе горстку земли и семена донских васильков из Новочеркасска, чтобы она посадила их на могиле.

Но тётя Маруся мне ответила, что на французских кладбищах нельзя сажать живые цветы...

Вот так, чужая земля — она и есть чужая.

...И лежать казакам в чужой земле, и не будут колыхаться над ними родные васильки».

Документальная повесть С. Шнегас и «книга в книге» её деда С. В. Рытченкова читаются как захватывающий исторический роман. Но роман очень горький.

В книге много редких фотографий из личного архива автора. Рисунки сделаны С. Шнегас. Обложка и заставка выполнены художником Андреем Егоровым, внуком автора.

Книгу С. Шнегас «Судьбина казачья...» можно приобрести в Москве в Казачьей книжной лавке в Текстильщиках и в книжном магазине фонда «Русское зарубежье» на Таганке.

В выходных данных указан тираж — 1000 экземпляров. На самом деле их всего 300. А жаль.

...На лемноских концертах мальчишки-юнкера в белых рубашках и голубых бескозырках пели песни А. Вертинского.

Возможно, этой песни они не знали:

*«И никто не додумался просто встать на колени
И сказать этим мальчишкам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне».*

ИМЯ В ПОЭЗИИ

НАТАЛЬЯ ПЕРОВА

АПРЕЛЬСКИЙ ВЕТЕР

Улетают

Просто грусти у них немерено
Перед тем, как лететь в Сомали...
На болоте танцуют северном
Наши русские журавли.

В зыбком воздухе клики таяли.
То присядет, а то в подскок
Сам вожак — собирает стаю ли,
Или то — прощальный вальсок.

На сто вёрст только зверь да птица,
Да задумчивых елей ряд.
Наша стая сюда гнездиться
Прилетает сто лет подряд.

Встрепенутся ёлки застывшие,
Где угас уже огнецвет,
Покачают лапами пышными
Журавлиному клину вслед...

Журавлиная эта угодина —
Край болота с речкой лесной.
Ты дождись нас, милая родина!
Мы вернёмся к тебе весной...

Из детства. Ночь

Полосатая ткань — тик...
И соломой набит матрас.
И железная койка впритык —
Со стеною словно срослась.

Без одеяла из ваты — никак:
Холодна стена, как ледник.
Налетел Мороз, что варяг,
И снаружи к стене преник.

В по́дпол Рыжика бросил отец —
Ничего, мол, шуба тепла:
Разленился совсем, подлец,
Позабыл про свои дела.

Намедни проскочила мышь
У сусека с морковью в углу.
Он же усом не дёрнул, вишь,
А грызун испортил свеклу...

Захрапел отец на печи:
Вмиг усталого смял Морфей.
Пол холодный ожёг в ночи...
Выходи давай, Котофей!

Да в охапку его к себе
Под одеяло ватное греть.
Замурлыкал... Теперь в судьбе
Всё на месте. И впору петь.

За стеной шебуршит снег.
Вьюга голос подаст свой,
Словно стонет там человек
Или то в углу домовой?

...Снится степь — вся маковый цвет.
А над нею-то солнца сколь!
Рву большущий себе букет,
В алом море плыву — Ассоль...

Поутру за стеной — тишь.
За окном — бахрома берёз.
Заскребётся в подполемышь,
Где-то дремлет дедок Мороз.

Снег раскидывать мне чуть свет,
А потом уж — за хлеб и соль.
Позабуду про маков цвет,
Позабуду, что я — Ассоль.

Капусту рубим

Почти страда, как сев иль жатва...
Капуста ж — на зиму харчи!
Рубить её готовясь завтра,
Отец две сечки наточил.

Вилки пузатые, как хрюшки,
Полкухни — целая гора!
Рядном накрытые кадушки
Запарены ещё вчера.

В них можжевеловые ветки
Залиты были кипятком:
По опыту народной сметки
Духмяны боровым парком.

Готовы бабьей мы бригадой,
И вот он — самый жданный звук:
По всему дому канонадой
Из кухни сечек перестук.

И пусть нам солнышка не густо,
Коль ноябрю светиться лень,
Сегодня рубим мы капусту –
Какой же, право, славный день!

Дрова

Дух лесной — опилок блажь
Нам с отцом понравится.
Придержу сосновый кряж –
Вдруг на ногу свалится.

День припрёт дровами к козлам.
Ой, пила двуручная!
Ты когда устанешь ползать?
Нас с отцом замучила.

Дров навалено немало –
Целая трёхтонка!
Солнце, вон, уже устало
От горячей гонки.

Бабы встретили коров,
Все дела закончили.
Распилить машину дров
Нам успеть бы до ночи.

Солнце спит, присев едва.
Завтра пусть не ленится,
Коль отцу колоть дрова,
Мне — вершить поленницу.

Апрельский ветер

То ли это ветер весенний,
То ли парень бузит лихой
Из соседней с нами деревни,
Где просёлок уже сухой.

Озорной какой и весёлый,
Да тальяночку на плечо!
В кураже по столицам и сёлам
Всё апрельскому нипочём.

Ах как спляшет! Рубаха розова,
Высекают глаза искру.
Девок стайкой роща берёзова
Подбоченится на юру.

Да как выдаст с дробью частушки!
Солнце спрыгнет с еловых лап
И разбрызгает конопушки
По щекам ребятни и баб.

Хлебопашец, став ликом светел,
Отопрёт с семенами ларь.
...По России апрельский ветер
Разгоняет остатнюю хмарь.

Трубка

Скрип да скрип уключина моей старой лодочки.
Ладил её дедушка, умерший давно.
А река по-прежнему баржами навьючена,
Да ключи холодные устилают дно.

Дед любил без памяти нашу реку вольную.
Шкиперил до старости в штили и в грозу.
Трубку вересковую, кожанку нагольную
Внучке на приданое, всё шутил, сvezу.

Да зачем приданое, если память полнится
Летней ночи шорохом над речной волной?
И гармошка ливенка – дедова угодница
Плачет ли, смеётся ли девкой озорной.

Небо по-над баржею звёзды поразвесило
Низко да доверчиво: хоть рукою тронь!
Под щекою чувствовать, засыпая, весело
Жёсткую и добрую дедову ладонь.

...Трубка вересковая дедова точения
У сына в столешнице. Малость пожурю...
Плыть поможет, ежели супротив течения:
Мне к ладони трубочка, хоть и не курю.

Скрип да скрип уключина моей старой лодочки.
Ладил её дедушка. Я плыву к родне.
У воды мы выросли, все мы дедом учены,
И с рекою связаны как ключи на дне...

Внучка

У Семёныча родилась внучка.
На хвосте сорока принесла:
Он давным-давно живёт в отлучке
От родного с вербами села.

А в селе оставил он зазнобу.
Говорили, дочку родила...
Но потом услышал про хворобу,
Что младенца часом унесла.

У него семья давно другая.
Есть работа. Дом совсем не плох.
И жену Семёныч не ругает,
Каждому такую дай-то Бог!

Но вот внушка... Вдруг захолонуло
Там, где сердце билось как часы.
Накатилось еле слышным гулом
Это утро в капельках росы.

Это утро для двоих счастливых...
Позабить старался... И забыл.
Но вот внушка... Тихий шёпот ивы,
Шелест взмаха чьих-то синих крыл...

Оказалось, что молва не быстра:
Внучке-то уже шестой годок!
Прозвучало эхом, словно выстрел,
Отчего Семёныч занемог.

Видишь как! Про дочку-то соврали!
Вот и внушка... Ты не обижай –
В гости привезу из дальней дали.
И жена вздохнула: поезжай...

За окном тайга, поля и реки –
Поезд едет через всю страну.
У Семёныча влажнеют веки,
Пропустив слезинку не одну.

Посреди пути незримым монстром
Сердце словно бы клинок пронзил.
В поезде нашлись врачи и сёстры,
Помогали, сколько было сил.

Понимали, что уйдёт, бесспорно...
Он сказать пытался, да не мог,
Что вот внушка... зёрнышко от корня...
От него, Семёныча, росток...

А в деревне бёлгородской дальней
Девочка играла у крыльца.
И над ней, как над исповедальней,
Мотылёк кружился без конца.

Словно оторваться был не в силах
И тянулся к огоньку, к свече...
Вот коснулся крылышком стропила
И растаял в солнечном луче.

Может быть, понятнее не стала,
Но, законы физики круша,
Каясь и страдая, улетала
Грешная Семёныча душа...

Старая мельница

Сто лет назад здесь мельница стояла.
Река её крутила колесо,
И пыль мучная белым одеялом
Заваливала полотно весов.

Здесь было всё: и мельник, и русалки,
Что, в глубине запруды притаясь,
Под рыжею луной играли в салки
И хороводов выплетали вязь.

Светился плеч их белопенный мрамор,
Их резкий смех звучал тогда всю ночь.
И некому сказать им было «амор»,
И зазывали мельникову дочь.

Да только молодого берендея
Ждала она из дальней стороны.
Он перед нею трепетал, немея,
Девичьи взбудораживая сны.

Он рожь молоть бывал тут осенью.
Всевидящие синие глаза
Такою тайной девку осеняли,
Что падала, крестясь, под образа.

Да вот не умолила Господь-Бога...
К запруде кинулась в морoke забытья:
Теперь лишь к вам лежит моя дорога,
Подругой вам, русалки, стану я...

Всё в зарослях ольхи и краснотала.
Останки старой мельницы едва

Заметны. С мельником что стало?
О том молчит народная молва...

Общупав гриб, мол, годен ли, не годен,
Их наглядевшись разноцветных лбов,
У старой мельницы я августовским полднем
Сию одну с корзинкою грибов.

Я слышу лес, пришёптыванье сосен,
И взбулькиванье вод у бочага;
Визгливой сойки слышу крик, несносен,
И гул Земли, качающей стога.

Смочу в реке уставшие ладони,
Смывая запах рыжиковых трасс,
Увижу промельк где-то из придонья
Волос зелёных и зелёных глаз...

Снегопад

Ты опять нарядил меня, как молодуху:
Шапка — белый песок, на плечах — палантин...
Снегопад, снегопад, ждёшь метель-завируху,
Что спешит с необъятных степных десятин?

Чтоб смахнула с меня твой наряд неоплатный,
Пошутили и хватит: всему свой черёд.
Нам с тобой, снегопад, не вернуться обратно,
Всё, что было — мы знаем, — водой утечёт.

Мы с тобой станцевали наше зимнее танго
В белых ритмах твоих опьяняющих нот.
Сожалею, но нынче мне ближе по рангу
Успокоенных хлопьев твоих хоровод.

Хочешь, чтобы от них сновагнулась ограда?
Чтоб пурга завивала их плотным вилком,
И под утро застряла б в кустах палисада,
Словно белая птица под чёрным силком...

Поздний ужин

Мы с тобой, Макарея, угостившись шампанским,
Бутербродами с красной и чёрной икрой,
Из гостей возвратившись, совсем по-крестьянски
Деревенской картошки вечерней порой

В казаночке отварим. С грибком да с капустой...
Поздний ужин затеем, хоть врачи не велят.
А чего нам считаться с молвою стоустой?
Нам бы — что по душе да привычно на взгляд.

Ты заветные строчки из поэта Рубцова
Прочитаешь с грустинкой в который уж раз.
Мол, они про тебя до последнего слова,
Про избу над оврагом — про нас...

Ночь висит за окном на берёзовых ветках.
Тишина-то какая... Откуда взялась?
Помолчим в унисон. Только реденько-редко
Колыхнётся в душе с кем-то вещая связь...

Думы Ивановы

День убив по казённым офисам,
Злой идёт, что собака раздражена:
«За справочкой какой-то бросовой...
Атамана на вас нет... Стеньки Разина».

Встал завод, мол, причин немерено,
Кризис, мол, живём на дотации...
Двор мести напросился временно
Токарь-ас высшей квалификации.

Иностранный недуг вáлит мóрово.
Намекает на мзду врач Заварзина.
Где живот болит — лечат голову...
«Атамана на вас нет... Стеньки Разина».

Дочь к жигану ушла — самоходочка:
В шоколаде жизнью соблазнена.
Горе-стыд залить — водка-водочка...
«Атамана на вас нет... Стеньки Разина».

Припозднится хмельной да безденежный –
Бандюганы отпнут: несуразина!
Так милиция приѣѣт этак вежливо...
«Атамана на вас нет... Стеньки Разина».

Дыба

Средь памятников, стел и монументов,
Оград, венков, портретов и цветов
Живых, бумажных с траурною лентой
И отцветающих сиреневых кустов

Тот холмик скромн, незаметен даже,
Но чисто прибран. Деревянный крест
Стоит на нём. Он в белый цвет покрашен,
Приемлемый для этих бранных мест.

Со снимка смотрит мальчик ясноглазый
Лет двадцати, быть может, с небольшим.
И не любивший, может быть, ни разу...
Но вот удел: земли — до трёх аршин.

Его убила... передозировка.
Исчадь века, бесовщины, зла
Опутывает юношество ловко:
Беда уж скольких на погост свезла!

Он умирал мучительно и громко...
Была же дыба раньше на Руси!
Вот так же вздыбила мальчишку ломка,
И боль терзала — Господи, спаси!

Когда же уставала палачиха,
Он приходил в себя и в свете дня
Всё повторял отрывисто и тихо:
Скажите маме — пусть... простит... меня.

По воскресеньям, чуть пораньше вставши,
Букет цветов она ему несѣт.
Седая вся. С лицом таким уставшим!
По паспорту ей сорок третий год...

Но не помыслит женщина об этом
И не услышит через горький всхлип,

Как проплывает глянцевоe лето
Под парусом цветущих жёлтых лип...

Бабоньки

Бабоньки мои вы, бабоньки,
По российской земле идущие,
Аннушки, Шурёны да Клавоньки,
Времена-то вас не расплющили.

Как в те страшные девяностые...
Мужики убивались. А эти-то!
На гробы последние простыни.
Разрезали в жалостном трепете.

Челноками мотались в Турцию.
А тюков неподъёмных — гóрами.
Золотишка б себе хоть унцию –
Так хотелось! Ну всеми порами...

Но нельзя себе ни крупиночки,
И ни бусинки, и ни брошечки,
Потому что детям — ботиночки,
Потому что детям — картошечки.

Вон, торговками, слышь, обруганы.
Так назвали бабонек снобы-то.
Знать ли сытым, какими потугами
Или кровью рублишки добыты.

Что порой не хватает моченьки,
Знает то «бычок» недосмоленный
Да подушка, мокрая с ноченьки,
Образок, прабабкой намоленный.

Вы уж как-то держитесь, бабоньки –
Целостна судьба али с трещиной –
Аннушки, Шурёны да Клавоньки,
Оставаясь каждая — Женщиной!

Русь

Ты со мной поделишься болью,
Безответная тихая Русь?
Я горбушку посыплю солью
И с поклоном с тобой поделюсь.

Пред тобой на колени встану
Под берёзой, у белой коры.
И объята ветвями, кану
В свет полдневной твоей поры.

В нём я, как в материнской утробе,
Где надёжно укрыта, легка.
Проплыву от скита в чащобе
До районного городка.

Над зелёным кружевом ёлок,
Над полями ржи золотой.
Бела-озера синий осколок
Вслед плеснёт волною крутой.

У церквушки деревни Спасовки
За оградою приземлюсь
И на крест некрашеной маковки
За тебя я, Русь, помолюсь.

Чёрный день от меня ты застишь,
Хоть стоять тебе нелегко.
Я умру в свой черёд, мне бы знать лишь:
Твой черёд — он ещё далеко.

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ

* * *

Целую морду лошадиную
В седой пушок поверх губы.
Соединяю воединою
Две наших тягловых судьбы.

Фотограф прыткий с фотокамерой
Запечатляет редкий миг,
Чтоб поцелуй наш твердокаменный
На фотографии возник.

Потом редактор недоверчивый
Пошутит (чёрт его дери!):
— Где лошадь тут? А где тут Семичев?
Поди, попробуй, разбери!

И на журнальную страницу –
Туда, где должен быть портрет –
Прилепят голую девицу...
Не вышел рылом, мол, поэт!

А я по привокзальной площади
Пойду, потерянный, домой –
С печальным взором доброй лошади,
Не вытянувшей образ мой.

* * *

В саду зацветает шиповник.
На ветке поёт соловей –
Отчаянный юный любовник
Восторженной песни своей.

Шипы ему петь не мешают.
Они бережат его кровь.
А раны — они украшают,
Они возвышают любовь.

О, розовый пламень востока,
Цветущий на ветке зари,
Твой свет, как шиповник, жестоко
Сжигает меня изнутри.

Тебе я, читатель, открою
Заветную тайну свою:
И сам я бываю порою
Подобен тому соловью.

Восторженный музы любовник,
Поклонник и рыцарь её...
А этот цветущий шиповник –
Разбитое сердце моё.

* * *

Озверев от житейской порнухи,
Накатив дармовое винцо,
Ресторанные мрачные шлюхи
Мне посуду швыряют в лицо.

На лету дорогие тарелки
Кулаком окровавленным бью...
Мне не выжить в такой перестрелке.
Я погибну в неравном бою.

И меня в этом бешеном гаме,
В этом пьяном разгульном бреду
Сутенёры затопчут ногами,
Если раненый я упаду.

Значит, надо стоять и сражаться
До последнего вздоха в груди.
И за стенку спиною держаться –
Эх, родимая, не подведи!

Весь израненный, как победитель,
Я иду сквозь рыдающий вой...
Принимай мужика, вытрезвитель!
Не робей, милицейский конвой!

* * *

Душа, тебя отбелят в морге
И в вольный выпустят полёт.
Но даже едкий запах хлорки
Мой русский дух не отобьёт.

Архангел громогласно ахнет,
Твердь сотрясая кулаком.
Опять в раю небесном пахнет
Паскудным русским кабаком.

Но встрепенётся рать святая
Во имя Господа Отца,
Не новобранца обретая,
А смерть выдавшего бойца.

Такой сгодится в рукопашной.
Его учуешь за версту.
Пусть знают все, как пахнут наши –
Аж всем чертям невмоготу!

* * *

У Серёги классная машина.
У Серёги красное крыльцо.
У меня ветвистые морщины,
Словно сбруя, через всё лицо.

Надо мной смеются даже птицы.
А ему вздыхает ветер вслед.
У меня худые половицы.
У Серёги — ласковый паркет.

У Серёги морда, как открытка,
Золотых зубов не перечить.
У меня скрипучая улыбка,
Что смурней, чем кровельная жесь.

Мы с Серёгой давние соседи.
Мы с Серёгой дружим с детских лет.
У него в чулане много снеди.
У меня в кармане пистолет.

Я похож на мрачного убийцу.
Но Серёгу я не застрелю
Пистолет убрав под половицу,
На неё ногою наступлю.

Ничего Серёге не скажу я.
Не спугну весёлый птичий гам.
Повезло проклятому буржую –
У него порядочный друган!

* * *

Василий Семёнов сражаться устал
За счастье людей неустанно.
Василий Семёнов бутылку достал
И водку разлил в два стакана.

Он первый стакан пододвинул ко мне,
Как самому лучшему другу.
И я оценил эту гадость вполне
И рад за такую услугу.

В квадрате окна небосвод голубой
О стёкла прозрачные бьётся...
Последний смертельный решительный бой
Сегодня без нас обойдётся.

Когда благодатный зелёный огонь
В душевную вылился песню,
Василий Семёнов пошёл за другой
Бутылкой с горючею смесью.

Наверно, от веку положено так
Хорошим и искренним людям.

...И если придётся, мы ляжем под танк,
Но жить на земле этой будем!

* * *

Заневестились вешние вишни.
И сказал мне румяный блондин:
«Если бросишь писать свои вирши,
Тут же премию сразу дадим!»

И хоть он и не первый писатель,
Но в поместной колоде он — туз,
Потому что как наш председатель
Возглавляет поместный союз.

И уж тут ничего не напишешь —
Он над нами стоит во главе.
Есть, конечно, начальники выше,
Но они обитают в Москве.

А в столице другие расклады.
С номинантами там перегруз.
И помочь бы провинции рады,
Да кивают на местный союз.

Говорят: «Вы там сами с усами —
И бюро, и литфонд, и печать...
И к тому ж ежегодно мы сами
Едем премии к вам получать!..»

И хоть я не последний писатель,
А довольно известный в стране,
Только что-то особых симпатий
Не питает начальство ко мне.

Хорошо тебе, вешняя вишня,
Безоглядно ронять белый цвет.
У тебя председатель — всевышний.
И других председателей нет.

* * *

Поговори со мной, ворона,
Про светлый день, про отчий край.
Тебя, племянницу Харона,
Архангелы не пустят в рай.

Всю жизнь объедками питаться,
Не нанося другим вреда,
И над рекой времён болтаться –
Туда-сюда, туда-сюда.

Кому-то с неба — Божья манна
И соловьиный райский сад...
А нам, скрежещающим гортанно,
Дороженька прямая — в ад.

И хоть характером не робки.
Не застим мы судьбы ничьей...
Авось сгодимся для растопки
Вселенских пламенных печей.

Покуда райские ворота
От нас скрывает злая тьма,
Поговори со мной, ворона!
Не обижай меня, кума!

* * *

Чем так встревожены птицы?
Ясно любому ежу –
Это я в красной рубахе
Тихо на небе лежу.

Облако белое справа.
Млечная вечность оплечь...
Кто умалит моё право
Скромно на небе прилечь?

Облако синее слева
В россыпи звёздных огней...
Вы как хотите, а с неба
Родину нашу видней.

Нету закона такого,
Чтобы любить запрещал...
И ничего вам другого
В жизни я не обещал!

СКАЗ

Вот и ковёр-самолёт,
И сапоги-сорокоходы.
Только душа не поёт.
Видно, ей мало свободы.

Пенная брага — рекой,
Мёда хмельного колода.
А на душе — непокой...
А на хрена ей свобода?

Вот тебе меч-кладенец,
Вот тебе небо в алмазах...
Экий ты ухарь-купец!
Вот навязался, зараза!

Вот тебе лыко в строку
И самобранка-скатёрка,
А сверх того, дураку,
На опохмелку пятёрка.

Что же ты мух ловишь ртом?
Что же ты медлишь с ответом?
Али во сне золотом
Слёзно не грезил об этом?

Глянул дурак в пустоту
И рубанул средь пирушки:
— За вековую мечту
Ты мне сжёшь побрякушки!

Экий ты ухарь-купец!
Не продаётся такое...

...Вроде и сказу конец,
А на душе нет покоя!

* * *

С детских лет неокрепший мой разум
Будоражил персидский восток,
Где в цветущей долине Шираза
Бьёт поэзии чистый исток.

Там склонились великие тени –
Рудаки, Фирдоуси, Балхи...
По-рязански, по-русски Есенин
О любви им читает стихи.

И внимают поэты поэту –
Гургани, Ибн Сина, Аттар...
И небесных светил минареты
В их сердцах возжигают пожар.

Саади от волнения замер.
И уверовал мудрый Аллах,
Что в далёкой славянской Рязани
Небеса в облаках, как в чалмах.

Соловьи распевают рулады,
И тюльпаны дрожат на ветру...
Ничего мне для счастья не надо.
Я за песни Шираза умру!

В понедельник, во вторник иль среду
(Дайте только мне время и срок!)
Я в долину Шираза уеду
На цветущий персидский восток.

Разменяю рубли на динары
И куплю у чайханщика с рук
Для своей ненаглядной Гульнары
Шитый златом кафтан-архалук.

Кротких глаз потаённая нежность
Обжигает сильнее огня.
Если глотки неверным там режут –
Пусть в Ширазе зарежут меня.

Мне известна такая расправа
Среди смуты российской и тьмы

Разгулялась разбойная слава –
Резать глотки умеем и мы.

Разлилось по Руси половодье.
Разошлось, как круги по воде
Воровское блатное отродье...
Разве Родину бросишь в беде?

В понедельник, во вторник иль в среду...
Для себя уяснил я одно:
Ни в какой я Шираз не уеду.
Вышла замуж Гюльнара давно.

А ещё мне известно заранее:
В дни народных смятений и бед
Ни в Ширазе, ни даже в Рязани
Никому ты не нужен, поэт!

Разметалось кромешное эхо.
И Шираз ослепительный мой
Не дождался меня, сам приехал
И на рынке торгует хурмой.

* * *

О, эта русская рулетка –
Хмельная дикая тоска,
Когда стрелять не надо метко,
Поскольку дуло — у виска.

Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне.
А муза мечется по кругу,
Как мотогонщик по стене.

Есть в мире праведные вещи,
Когда свободный русский стих
По рожам без стеснения хлещет
Хмельных создателей своих.

Бледнеют дружеские лица.
Гордыня плещет через край...
Поэты, как самоубийцы,
Не попадут по смерти в рай.

Их круг сжимается всё уже...
Но будут и в посмертной мгле
Саморасстрелянные души
Смущать живущих на земле.

* * *

Те, кого я на небе оставил,
Не забыли ещё обо мне...
Надо мной перелётная стая
Проплывает в закатном огне.

И кричу я встревоженным птицам:
«От меня передайте привет
Тем, чьи добрые кроткие лица
На меня проливают свой свет...».

Этим светом я жизнь свою полню,
К этим лицам всем сердцем стремлюсь,
Потому что люблю их и помню
И однажды навек к ним вернусь.

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ

ЗВЁЗДНАЯ СОЛЬ

ПОТОМ — НЕ НАДО...

Луна. Сирени куст. Прохлада.
И чей-то шёпот, слившись с полумглой, —
«Люби меня сейчас, потом — не надо...»
Плывёт, плывёт над замершей землёй.

Растаяла в душе моей досада,
На месте грусти расцвели цветы.
«Люби меня сейчас, потом — не надо...»
Пока совсем не сожжены мосты.

Пока вдали ни рая и ни ада,
Есть я и ты и жизни чистый лист.
«Люби меня сейчас, потом — не надо...» —
Прошу тебя, откликнись, обернись!

Ещё не время яблок, листопада,
Мой путь к тебе не лёгок и не прост.
«Люби меня сейчас, потом — не надо...»
Свистит в кустах сирени синий дрозд.

ВРЕМЯ ЗВЕЗДОПАДА

Август.
Время звездопада.
Яблок падающих стук.
Чу, летит звезда над садом:
«Загадай желание, друг!»

Загадал я... Но из сада
Кто-то на ухо опять:
— Осень бродит за оградой,
Время рифмы собирать!

На минуту тихо стало,
И откуда-то с высот
Слово спелое упало
На тетрадку, словно плод.

ПЕРО

Памяти Виктора Бокова

Старомодное перо...
А как пишет молодо!
Что ни слово — серебро,
Что ни слово — золото.

По брусчатке мостовой
Катится браслетом.
То — частушкой озорной,
То — литым сонетом.

Никакой его песок
Замести не смеет.
Сам компьютерный божок
Перед ним немеет.

ПЕЩЕРНОЕ

Обычный житель каменного леса,
Я поутру из дома выхожу.
Рекламы завывают, словно бесы,
И между этих бесов я кружу.

Пивные, фито-бары, рестораны –
Они в Москве занозами сидят,
А на Тверской несчастные путаны,
Как памятники похоти, стоят.

Ломбард. Обмен валюты. Дискотека...
Жаль, не ношу фонарь, как древний грек.
Спросили бы:
— Что ищешь?
— Че-ло-ве-ка!!!
Авось бы отозвался человек...

БЫЛЬ

Не в ступе с куцею метлой
(Не в сказках пребываем ведь мы!),
А в мерседесах по прямой
Летят, летят сегодня ведьмы.

У этой — фирма, а у той –
Ключи от бара-ресторана.
И женихам дают отбой,
Попробуй подступись — охрана!

И, отодвинув миску щей,
Не терпящим смиренья жестом,
Глядит с презреньем вслед Кощей
Преуспевающим невестам.

БЕН ЛАДЕН

Где же ты, таинственный Бен Ладен?
Сбилась с ног разведка разных стран.
То ли дышишь ты уже на ладан,
То ли куришь сладостный кальян...

Где-нибудь в пещере Гиндукуша,
Или в эмиратах среди жён.
Нет, никто покой твой не нарушит –
Ни шпион, ни чёрный скорпион.

Спутники, исполосовав широты,
Местопребыванья не найдут.

Не достанут бомбой самолёты
Твой последний каменный редут.

И тогда возникнет, не иначе,
Мучавший вопрос уже не раз –
Ну а был ли, в самом деле, «мальчик»,
Тот, что всю Америку потряс?..

В ГОРАХ

С. Н. Маркову

Я пил высокогорный мёд,
Петлял под облаками.
Бил птицу царственную влёт,
Спал в юртах с чабанами.

Напоминал мне крик орлов
Забывший голос предков.
В обвалах яростных снегов
Я погибал нередко.

Мне одолеть пришлось семь рек,
Тонул, но не сдавался.
И потому душой навек
Я молодым остался.

А то, что волосы слегка
Без времени седали,
В том виноваты лишь снега,
Тянь-Шаньские метели.

ГАРМОНИСТ

Хромку — дедову гармошку
Так парнишка раздувал,
Словно из золы картошку
На ладонях он катал.

Месяц нежился в затоне,
Облака бодать устав.
И летели в поле кони
По зелёным гривам трав.

Птичьи трели умолкали,
Откатившись в дальний лес.
И влюблённые шептали:
— Во, даёт! Ну чистый бес!

Ах, какую высекала
Хромка дедовскую боль!
Так что крупно выступала
На высоких звёздах соль...

ПРО КАРАСЯ

И перловкою, и пшеном,
И душистою манною кашницей
Угощал. Но ни утром, ни днём
Не клевал он. Наевый, кажется...

В тину спрятался под кустом,
Пузырьки вокруг себя рассыпая.
«Дай опарыша, да с чесночком», –
Словно молвил, наглец, зевая.

Эх, забыл взять с собой как назло
И опарыша, и чесночка я!
И вернулся грустным в село,
Нет, не рыбу — себя ругая...

Зорька ранняя, серебрясь,
Над лиманом дальним покажется...
Всё равно привереда-карась
На кукане моём окажется!

ОСЕННЕЕ

Элову арфу кукушки
Уже не услышишь в лесу.
Я грусть свою мимо опушки
В подраненном сердце несусь.

Роняет на тропку калина
Морозцем прихваченный лист.
Разбойничьим кажется, длинным,
Над просекой сумрачный свист.

Что ж, надо домой торопиться,
Картошку в подвал убирать.
И печку топить... И учиться
Прощенья просить и прощать.

«СВЕЧЕЧКА»¹

Мы забываем силу слова,
Язык любви не сберегли:
Увы, на смену Казакову
Сорокин с Приговым пришли!

Но в тишине промёрзших комнат,
Пока ещё не рассвело,
Душа, не отступая, помнит
Заветной «Свечечки» тепло.

НАВОЛОКИ́

Опять туманы даль заволокли,
Но бакен нас ведёт сквозь непогоду.
И справа городок Наволоки
Мигает огоньками теплоходу.

Там домик есть на берегу крутом,
Заросший буйно по весне сиренью.
С геранью на окне, с резным крыльцом,
Напоминавшем мне стихотворенье.

В нём девушка красивая одна
Смеяться так разительно умела,
Как только в мире лишь могла она,
И всё вокруг неё, казалось, пело.

Какие там я ей шептал слова,
Не в силах скрыть-унять сердцебиенья!
Об этом знают в парке дерева,
Да, может быть, скамейка под сиренью.

Скрывает огоньки седой туман,
И нет конца осеннему ненастью.
Гудни разок, товарищ капитан,
Там, за бортом, оставшемуся счастьем.

¹ Рассказ Юрия Казакова

* * *

Вопросы извечные, братцы:
«Что делать?» и «Кто виноват?»
Россия в себе разобраться
Не может столетья подряд.

Век новый из старого века
Стартует на «сверхзвуковой».
Но снова «фонарь и аптека»,
Как встарь, как в глуши вековой.

И снова со старых погостов
Доносят ветра, как набат,
Два горьких российских вопроса:
«Что делать?» и «Кто виноват?»

ЖЕРЕБЁНОК

Пожелтела на солнце стерня,
Воздух чист и прозрачен, как щёлок.
И насмешливо ржёт жеребёнок:
— И-го-го!.. Догоните меня!..

Жеребёнок, которого нет,
Он из давней страны Зазеркалья,
Что осталась за дальнею далью,
За дремучей чащобою лет.

Не догнать. Только память хранит
То далёкое гулкое детство,
Что живёт до сих пор возле сердца
Свистом ветра и стуком копыт.

ПОДКОВА

Памяти Рустема Кутуя

Висит подкова в бане на стене,
Зачем она, заржавленная, мне?

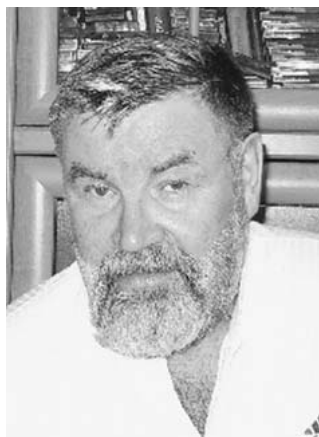
Чему случиться суждено, сбылось.
Теперь я вижу жизнь свою насквозь.

Паденья, взлёты, радости, грехи,
А также... Да мои ли то стихи?

Который год, при солнце и луне
Подкова та глаза мозолит мне.

Всё ждёт, всё шепчет: «Не бросай меня,
Ещё я пригожусь на склоне дня!»

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

РОМАНС ДЛЯ МУЖСКОГО ГОЛОСА

ЗАПОЗДАЛАЯ ОСЕНЬ

Пускай говорят, но какое мне дело,
Не слышу унылые эти слова.
Когда у неё восхитительно тело,
К чему мне седая моя голова.

Конечно, колдунья. Конечно, не фея.
И взгляда, конечно, не сыщешь темней.
А ноги покорно плетутся за нею,
И руки безумные тянутся к ней.

Конечно, обманет. Конечно же, бросит,
Ещё надсмеётся в конце надо мной.
Что стоит моя запоздалая осень
В сравнение с её бесконечной весной.

К чему разговоры. Я сдался на милость.
Всё принял и знаю про всё без прикрас.
Молю об одном, чтобы это продлилось
Хотя бы на день или даже на час.

* * *

Бабье лето и мужскую осень
Уравняет общая зима.
Непонятный возраст 48.
Главное не выжить из ума,
В панику не впасть и постараться
Раньше срока яблонь не трясти,
Не спеша с делами разобраться
И в душе порядок навести.
Может ли помочь всесильный допинг
Жалости к себе — сиди, мычи:
Что там не доел и что не допил,
Недобрал и недополучил?..
Случай и Удача. Их Сиятельств
Невозможно смертному понять.
И на злые силы обстоятельств,
В общем-то, бессмысленно пенять.
Будь доволен, если с ними ссора
Не дошла до тюрем и резни.

И нелишне вспомнить про танцора –
Что ему мешало...
Извини.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Село, церквушка-голубятня,
Полнеба галочьего грая,
И босоногие ребята
В войну на кладбище играют.

Один, чтобы никто не видел –
Скорей всего, герой разведки –
Припал к железной пирамиде
И смотрит, где качнутся ветки.

Другой, в пилотке утонувший
И с деревянным автоматом,
Попёр в атаку,
Режет уши
Слепой пальбой и взрослым матом.

Но снайпер, прячась за ракитой,
Перехитрит напор и силу:
Ба-бах...
И падает убитый
На чью-то старую могилу.

ОЗЕРО СЮТТУ-БУЛАК

Заметное издалека
Оно так долго приближалось...
И запалённого глотка
Была неудержима жадность.

В тяжёлой каменной ладони
С зелёным чаем пиала –
Испил и вроде не бездомен.
Спасибочки, Сютту-Булак!

Надеюсь, дальше хватит сил,
Теперь я долго не забуду,
Что напоил и не спросил:
Зачем припёрся и откуда.

* * *

И в дружбе, и в недружбе
Угрём, а не углом –
Удачливый на службе,
Желанный за столом.
И до того умело,
Изящно и легко
Прикидывался смелым
Красивым мужиком.
И сам, наверно, верил,
Пока везло в пути,
Что может в клетку к зверю,
Коль надобно, войти.
Когда чему кончаться,
Не нам предполагать.
И мелкое начальство
Умеет напугать...
Не то чтобы за дело,
И взяли-то слегка.

Но разом облетело
Геройство с мужика.
Разнылся и полезло
Из всех щелей дерьмо.
И стало бесполезно
Заглядывать в трюмо.
Что делать?
А могло бы —
Как прежде смел и чист —
Вслепую взятой пробы
Случайно не случись.

* * *

О том, что он всегда не прав
И жизнь свою закончит скоро,
Предупреждал его «Минздрав»
С помятых пачек «Беломора».

И приставучий, как репей,
В чины пробившись из рабочих,
Профорг советовал: «Не пей,
Иначе очень плохо кончишь».

Как надо жить, им лучше знать.
Он брал «пузырь» с достатков скромных,
Потом досталось постоять
В их коридорах и приёмных.

И водка — яд, и жизнь — не мёд...
Он слушал их, впадая в бледность.
И до сих пор покорно ждёт
Надбавки за такую вредность.

* * *

*...Я узнал из вчерашних газет,
Что меня в человечестве нет.*

Юрий Кузнецов

Вчерашние газеты промолчали,
В сегодняшних — иные соловьи.
Ушёл поэт. Унёс свои печали.
Надолго ли?
И только ли свои?

Да и унёс ли — ноша непростая.
Печали изобилие на Руси.
И копится она, и прорастает —
Попробуй-ка, такое унеси.

Сдаётся, что и в завтрашних газетах,
Другие люди будут дорожать.
Россия забывает про поэтов,
Привычно продолжая их рожать.

* * *

Не село, но еще далеко не столица.
Здесь хронический смог и бронхит, и гастрит.
На прудах, где за городом рыба таится
Стеклопластик бамбук поредевший теснит.

Он надежно упруг. Водостойкие лаки
Не облезут, наверно, с него никогда.
Но в пруду водяные защитные знаки
Не заметны — а с виду вода, как вода.

И на ощупь мокра, и прозрачная даже,
Бросишь камень и счет потеряешь кругам.
Заменяя дизайном остатки пейзажа,
Стеклопластик щетинится по берегам.

Ни сучка, ни задоринки. Тонкая леска
Чуть видна, но крепка. И как будто в укор,
На фальшивом пруду ни единого всплеска,
Не считая того, что бросали прикорм.

Не клюёт. Но само ожидание клёва
Затянуло и всё не отпустит никак.
И тоскует, от чувства ненужности квёлый,
На японском крючке наш российский червяк.

* * *

Снова увидели вовсе не то, что искали.
Зыбкую сказку смела своенравная быль.
Тихое время ломалось большими кусками,
Быстрое время дробится на крошку и пыль.

Не получается плавного переключения,
Рваною скоростью время безжалостно рвёт.
Рваное время: пустоты, провалы, смещения...
И за глухим поворотом таится слепой поворот.

Тесно на трассе, обочины уже и уже.
Грязный бульдозер старательно чистит кювет.
Всё, что негибко, медлительно и неуклюже
Обречено.
И укрыться возможности нет.

ПОЛУФИНАЛ

Бои до белого накала
Железом насыщали кровь.
Случалось пропускать нокаут.
Бывало, рассекали бровь, —
До слёз обидно, ты не рухнул,
Сосредоточен, полон сил,
А рефери чужую руку
Над жёстким рингом возносил.
Фортуна — трудно спорить с нею,
Да и гневить её грешно.
Но всех обидней, всех больнее,
Когда до боя решено,
Кто победит, кто проиграет
(Но вслух никто не говорит).
И пусть исправно собирает
Твои удары фаворит,
А сам, как баба, машет часто
Ручонками (на свой позор)
Всё по плечам, да по перчаткам,
Лишь имитирует напор.
Не бьёт, а густо гонит пену,
Но зритель (тоже не простой),
Он знает истинную цену
Его активности пустой,
Его киношных апперкотов.
Но кончен бой. Притих народ,
И ты, нормально отработав,
Перчаткой утираешь пот,
Унять стараясь дрожь коленей.
Быть может, и не лучший бой,

И всё же — никаких сомнений —
Победа будет за тобой.
А судьи что-то там итожат:
То ищут блох, то давят вшей.
И вдруг —
Да быть того не может!
Кому? Кого? С каких шишей?
За что? Куда они смотрели?
Или ослепли невзначай?
А может быть, и в самом деле
Им дали кое-что «на чай»?
Благами, блатом или налом.
Да, что-то нашептали им!
И походя чужим финалом
Распорядились, как своим.
Безжалостно (на то и судьи)
Договорились меж собой.

Да что ж вы делаете, суки!
Нельзя же так с чужой судьбой.

ЗИМНЯЯ ТАНЦПЛОЩАДКА

Сквозь тишину в минус сто децибел,
Кажется, слышится марш похоронный,
Снег на площадке болезненно бел,
И на перилах четыре вороны
Молча чернеют погоде не в масть.
Каждая, как отключённый динамик.
Нежно поземка танцует, кружась,
Манит шалава, потом «продинамит».

Здесь познакомился, втрескался здесь,
Не обращая вниманья на слухи.
Била фонтаном гремучая смесь
Юности, музыки и бормотухи.
Драться пришлось, а соперник жесток,
Сразу же складень достал из кармана.
Первая женщина, первый восторг,
Первой измены коварная рана
Думал, смертельная, но заросло,
Может, уже на четвёртые сутки.

Кстати, у входа, красotka с веслом
Долго стояла и плоские шутки
Наши терпела. Упорно ждала.
Снег на площадке слежался и слипся.
Юность ушла и следы замела.
Где ты, красotka из хрупкого гипса?

Что-то вороны притихли? Мороз.
Крутит позЁмка подобие вальса.
Холодно. Выпить бы. Да не принес.
Не догадался.

ЛОХ

Говорили: поспело,
И не где-то, а близко
Очень верное дело
И почти что без риска.

И дорога знакома,
И заказчик приятен,
И по части закона
Никаких тёмных пятен.

Есть козырная фишка.
Остальное — детали,
Ты не мешкай, парнишка,
Чтобы не обскакали

И не заняли нишу.
Обещали защиту –
Не бейсбольную биту,
А серьёзную крышу.

Жали радостно руку
И шампанское пили.
Обещали раскрутку –
Вышло, что окрутили.

Полагал, что при деле,
Но очнулся — при дуле.
Для начала обули,
А потом уж раздели.

ПОЧЕМУ-ТО

С большим удовольствием
В юности книгу прочёл,
Но время прошло,
Захотелось вернуться туда, где красиво.
Читаю, дивлюсь –
Почему-то все бабочки там превратились в пчёл,
Где цвели колокольчики –
Колосится крапива.

Примитивные, в общем-то,
Символы бабочки и пчелы,
И хромает сравнение
Крапивы и колокольчика,
Но ещё раз вернуться туда,
Где краски наивно светлы,
Даже мне
Почему-то хочется.

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВ

Забывтый край — Родина...

Рассказ

Михаилу Еськову

— Налево! — крикнул полковник Данилов, старческим фальцетом перекрывая лязг «Беларуся» с прицепом и указывая путь рукой. Повинуясь команде человека с седыми воинственными усами, трактор рыкнул, громыхнул суставами и свернул с трассы в дикое поле.

На указателе с названием селения торчал притянутый болтом к трубе обрывок жести с непотребным словом «...евка». А дальше — ни дороги, ни пути, одно лишь направление по вздыбленному морю разнотравья.

«Беларусь» замер, источая зыбкий зной, пропитанный соляжкой. Из кабины выпрыгнул резвый, как чертёнок, перепачканный мазутом паренёк. Он подбежал к Данилову, стоявшему возле выдавших виды «Жигулей».

— Куда везти? — спросил тракторист, вытирая пот из-под цыганских кудрей какой-то ветошью. Полковник

не спешил с ответом. Он цепко всматривался в парня, будто отправлял его в разведку. Подумав, что дед глуховат, парень крикнул:

— Ну и где ваша Фандеевка? Куда везти каменюгу?

И кивнул на застывший в прицепе громадный кварцит-монолит.

Старик усмехнулся морщинкой у рта.

— Не служил, — сказал он. — Обратиться не можешь.

— А как? — не смутившись, спросил паренёк. — Отец? Или папаша? А может, товарищ полковник?

— Для отца я тебе староват. Папашу ищи на кичмане. Полковник — для армии. Так что — Василий Васильич.

— Ага, — кивнул парень. — А я — Димон.

— Французик? Ален, что ли, Делон? — хмыкнул старик.

— Да ну! Я русский. Димка, можно — Митька...

— Тогда и представляйся по-русски — Димитрий. А то навывдумали кличек, как у кобелей: Тарзан, Жасмин, Билан... Димон!

— Билан — фамилия, — поправил паренек, но полковник не дал ему противоречить, приказал:

— Взьберись на камень и увидишь путь — там след остался.

Парень прыгнул через борт прицепа и, цепляясь за уступчики, влез на глыбу. С её высоты поле казалось безбрежным, и что-то тревожное нахлынуло в сердце Димки: вдруг заедешь в такие края, откуда возврата не жди. Поле пело: жужжанием пчёл, гуденьем шмелей, ворчаньем оводов, цокотом кузнечиков, трелями жаворонков. Парнишка увидел себя парящим над этим нетронутым миром, и его руки раскинулись в стороны, чтобы объять простор.

— Видишь, в двух километрах берёзовый гай? И левее — взгорок с садами? — как наводчик, подсказывал снизу полковник. — Там должен быть путь.

И Димка различил контур старой дороги: трава там росла чуть пониже, чем всюду.

— Я не смогу ехать первым: «Жигуль» не «Урал», — сказал ветеран.

— Доедем, отец, не волнуйся! — воскликнул парнишка.

Подминая под себя цветы и травы, «Беларусь» нащупал колею и двинулся уверенно, солидно, будто потащил посеребрённые от пахоты плуги. Полковничьи «Жигули» пробирались за ним по траве, задранные от оводов и мух.

* * *

Пять лет назад Данилов прибыл в родной край из заграницы — из Киева. Тогда с ним была «любезнейшая Анна Николаевна», как он величал жену в письмах. День стоял сентябрьский, солнце соперничало с моросящим дождём. Ехать по грунту сквозь заросли было опасно, и полковнику пришлось оставить «Жигули» возле трассы. Кусок жести с обрывком «...евка» очень расстроил старика: и это всё, что осталось от его Фандеевки?! Он хотел монтировкой сбить жестянку, но Анна Николаевна не дала.

— Ты же, Вася, не погромщик, — урезонила она. — Приедем в Дмитровец, зайдем в администрацию, расскажешь всё — и «... евку» уберут.

— Не уберут, а сделают новый указатель. Я добьюсь! — сказал полковник, словно отрубил.

Оставив жену в машине, он взял из багажника плащ-палатку, надел её и пошагал сквозь высокие травы к садам на пологом взгорке. В последний приезд Данилова, накануне развала страны Советов, там пестрели лоскутами на пышной зелени три домика Поповки, а ещё раньше, до хрущевских гонений на церковь, высился храм Рождества Пресвятой Богородицы. Сейчас ни стен, ни крыш не было видно. С Поповкинского взгорка село виделось полностью. Оно возлежало по обе стороны ручья Фандея: полсотни домиков, сарайчиков в раскряях огородов и садов... И сейчас, всходя на самый верх, старик подумал: вдруг то, что ему написали о смерти села, не совсем правда, и ещё есть дворы, и в них кто-то живёт. Ему вспомнилось отрадное чувство, возникавшее лютой зимой, когда он приближался по замете к родному селу и из-за вьюги не видел домов, и вдруг лицо ласкала тёплая волна с запахами дымка, навоза и ещё чего-то, чего нельзя высказать — родиной пахло.

От Поповки остались только яблони. Их сучья высохали, шелушились и мертвенно торчали из листвы, как мощи. И всё же кое-где светились спелые плоды. Добраться до них было трудно: словно мстя людям за предательство, деревья окружили себя редутом из сухого бурьяна, будылистой крапивы и ядовитого борщевика.

Одно из яблок было восхитительным: жёлто-красное, налитое, оно едва держалось на тонкой плодоножке, оттягивая старую, почти безлистую ветвь — так позднее дитя, готовое покинуть материнский кров, и жаждет, и боится этого. Полковник Данилов залюбовался им и пожалел, что при малейшем ветерке яблоко сорвётся в омут трав и, разбившись, будет гнить там, никого не одарив шипучим соком. Он кинул взгляд на кое-где уцелевшие столбики изгороди, надеясь, что хозяйева перед отъездом воткнули в них или ненужный старый серп, или хотя бы ржавую скобу. Уж он бы смог тогда пробраться сквозь редут, как проходил, бывало, джунгли во Вьетнаме, орудуя солдатским тесаком. Но только гвозди, ржавые и чёрные, как черви, прилипли к покосившимся столбам.

С тяжёлым чувством Василий Васильевич покинул одичавший сад. Он вышел к месту, где стояла церковь. От фундамента остался каменистый круг. Полковник вошёл в него, и ему представились дороги, ведущие к храму. Он вспомнил, как ходил сюда с бабушкой в праздники, как они кланялись серым камням, под которыми покоились священники и «построивший сей храм усопший...»

«Как его звали? — подумал старик. — Забыл, ох, забыл...» Он пробрался по сухому бурьяну к храмовому погосту, где в беспорядке лежали каменные надгробия, и отыскал серую песчаниковую плиту с забитыми землёй и мхом строками. Обломал сухой бурьян и, расчистив буквы, прочёл: «Матвей Ивановъ сынъ Булавинцевъ». Да как же он сразу не вспомнил! Даниловы, Булавинцевы, Соловьёвы, Давыдовы и ещё пять-шесть фамилий — вот и вся фандеевская ипостась.

Камень на могиле зодчего одним краем врос в землю, другим приподнялся над ней, и в этом месте обнажилась чёрная нора. Василий Васильевич с детским

любопытством вглядывался в неё, испытывая соблазн засунуть туда руку и в то же время опасаясь: а вдруг какая-то неведомая сила потянет его под камень. «Эх, ты, вояка, — усмехнулся он про себя. — Кому ты теперь нужен, старый котелок?» Рука прошла в нору по локоть и воткнулась в песчаное дно. Пальцы нащупали тонкий холодный предмет. «Так вот где таилась погибель моя», — вспомнил старик вещь-го Олега и, схватив находку, быстро выдернул руку. Это был старинный кованый гвоздь-брусовик на триста. Полковник рассмотрел его со всех сторон, представил, как ковал металл кузнец, как остриё вонзалось в древесину. А может быть, и не вонзалось, а положили брусовик под камень зодчему Матвею, чтобы покойный на том свете строил храмы... Подумав так, он возвратил гвоздь в яму.

Перед тем, как сойти к погосту, Василий Васильевич долго вглядывался в растительную пучину, поглотившую дворы вместе с домами, сараями и погребками. Его надежды увидеть хотя бы одну крышу или стену растворились в беспроглядной зелени с осенними мазками желтизны. И лишь на месте колхозного табора торчала из травы бурая вымя вейки.

Старик попытался вспомнить расположение дворов, и вдруг село представилось ему воскресшим. И даже люди ожили: хромым Бузняком в будёновке чинил хомут, усевшись на завалинке, его жена Марфуша гнала к ручью гусей, а дети все, от мала до велика, запускали над ложком за огородами склеенного из газет воздушного змея... И слух полковника наполнился мычанием коров, идущих в стаде на луга. Он вспомнил пастухов Гришаню и Карлуху в вылинявших от пота рубашках навывпуск, в верёвочных чунях, с длинными кнутами в руках. Представил стойло с водопоем, куда ребёнком шёл с матерью и другими женщинами доить коров, и пахнущие молоком бурёнки, галки, милки, дотоль лежавшие недвижно, словно валуны, вставали не спеша, чтобы подставить щедрые соски к рукам хозяек. И он, Василька Данилёнок, сломленным у берегов Фандея прутиком ракиты отгонял от коровы злых оводов и кусачих мух.

А в бабье лето, в Аспожинки, когда по жнивкам ночами скользило лезвие заморозков, а днём дрожала «богородицкая пряжа» паутинок, по шляху приходили к богомолью на престольный праздник крестьяне из соседних Бреховки и Быковки. После молитв и тропарей, пропетых ликующим священником и хрипловатыми счастливыми старушками, прихожане с кипарисовым распятием, с хоругвями и иконой Божьей Матери сходили вниз, к ручью Фандею, к питающим его ключам, бурлящим, словно кровь земли. Священник окроплял освящённой водой людей, и каждый припадал губами к роднику, как будто к темени младенца. А после служб и омовений бреховцы и быковцы гостили у фандеевцев. И три дня с дымным запахом сожжённой на овощниках ботвы сливались ароматы браги, хлеба, жареных гусей.

В престольные дни село принимало всех. Даже безногих Афоню и Клима привозили сюда на телеге из Быковки, вносили в крайнюю хату, усаживали на деревянных подставках в святой угол, и хозяева, попотчевав их всем, чего те желали, передавали убогих соседям — не принять несчастных было срамом.

Так, вспоминая о сокровенном, Василий Васильевич провёл в круге храма неизвестно сколько времени. Вдруг небесные хляби разверзлись, и в расщелину на небе проглянул солнечный луч. Он скользнул по заглохшему селу, по дикому

полю, и полковнику вдруг представилось, что через мгновение в небе явится всадник на белом коне, взмахнёт блистающим копьём, и всё вокруг изменится: желто-зелёная накипь сойдёт, и вновь появятся дворы, огороды, люди... Но луч погас, и небо безнадёжно сдвинулось.

Старик не пошёл в село — боялся не выйти оттуда. От церковного круга он спустился к кладбищу. Ни ворот, ни ограды. Кресты покосились, обелиски заржавели, надписи на них осыпались и выпцвели. Но могилы родителей полковника Данилова были ухожены. «Молодец, Варя, заботится», — подумал Василий Васильевич о племяннице, живущей в Дмитровце. Постоял, поведал матери с отцом о своей жизни, собрал с надгробий в плащ-палатку мокрую траву и высыпал в канаву на краю погоста. Когда уходил, вдруг что-то остановило его, как будто ознобом тронуло спину. Он оглянулся. Ясным, как истина, взором на него смотрел с фотографии учитель Пётр Тимофеевич. Памятник из мраморной крошки облупился, имени и фамилии не разобрать, но лицо на фото было, как живое. «Лет через двадцать всё зарастёт, — подумал Василий Васильевич. — Как будто и не было здесь ничего, никого... Вот, Пётр Тимофеевич, воевал ты героически, пришёл домой израненным, учил детей любить родину. А что теперь с нашей родиной?..»

И так обидно стало полковнику Данилову — до жгучих слёз.

— Нет, не должна Фандеевка забыться, — произнёс он. — Я не допущу, заставлю помнить. И не доверю никому: другой на полдороге бросит, не осилит...

Он решил с сегодняшнего дня разыскивать Даниловых, Булавинцевых, Давыдовых и их отпрысков. Найдёт, напишет книгу о Фандеевке и её жителях. Тогда всё село вместе с ним и его семьёй останутся в истории, как утонувший Китеж-град.

Так он думал, шагая к трассе, и воображение вело его всё дальше, глубже, словно в юности, когда жизнь видится бескрайней.

— И памятник поставлю! — присягал полковник. — Чтоб земляки приехали к нему и поклонились.

Уставшая ждать мужа Анна Николаевна удивилась его радостному возбуждению.

— Ты, Вася, с кем-то встретился? — спросила она. — Там кто-нибудь остался?

— Нет, Аня, нет. Но встреча будет! Дай только, Боже, мне здоровья и терпения.

Разворачивая «Жигули», полковник обещал заржавленной жестянке на столбе:

— Мы с тобой ещё свидимся, «...евка»!

* * *

— Не могу — пить хочу, а вода в «полторашке» нагрелась, — просипел Димка. Минуту назад его трактор резко газанул, распугав куропадок, и остановился, горячо дыша. Прицеп с кварцитной глыбой инородно выглядел здесь, в диком поле, среди колокольчиков, кипрея и ромашек.

— У советского офицера всё есть, Димитрий, — сказал Василий Васильевич и достал с заднего сиденья «Жигулей» двухлитровый термос. — Чай холодный, сладкий, с душицей. Его надо пить мелкими глотками, тогда взбодрит.

Раскалившемуся в тракторной кабине пареньку было всё равно, с душицей чай, с чабрецом или с мятой. Он схватил термос, выдернул тугую пробку и стал жадно глотать пахучую жидкость. Напившись, крикнул, словно от вина.

— Зачем вам камень, Василий Васильич?

— Это памятник, — ответил полковник. — Камень — символ вечности.

— Зачем такой большой? На братскую могилу?

— Можно сказать и так... — произнёс ветеран. — Ладно, на месте увидишь, вон там...

Он кивнул в сторону взгорка, и Димка, не узрев там ничего, кроме деревьев, усмехнулся над странностью полковника.

— Мне какая разница, — сказал он, направляясь к «Беларусю». — Дали наряд отвезти — хоть куда отвезу, лишь бы в табель вписали.

И «Беларусь» продолжил тянуть свою лямку по старому руслу дороги, и поле пело ему свою печальную песню, роняя под колеса тихие цветы.

Полковник Давыдов тащился за прицепом в «Жигулях» и сожалел о том, что люди не знают значения вечности. Он давно понял, что второй жизни ни ему, ни кому-то другому Господь не даст. И пусть учёные добьются, чтобы человек жил лет до ста двадцати, пусть заменят все важнейшие узлы его тела пластмассой и кордом, всё равно — конец придёт. Старик припомнил вычитанную где-то фразу: «Ты говоришь, что время идёт... Глупец, это ты проходишь». Все страсти и страстишки, гордыня и тщеславие людей настолько нелепы, глупы перед вечностью, что задумаешься: чем же человек важнее муравья? И, поразмыслив, ответишь: ничем. И если есть в нём что-то большее, чем у других земных существ, так это память. Не примитивная, погрязшая в инстинктах и рефлексках, а посланная свыше: о родине, о тех, в ком были, есть и будут твои корни — о святом. Вот он, старик, ступающий одной ногой в могилу, изведал бои и походы, создал достойную семью и мог бы доживать спокойно свои годы. Но как же может он смириться, если память о его Фандеевке, родных, знакомых, близких и далёких, вдруг стала исчезать из лона вечности? Ещё немного — и как будто ничего и не было. Таких «фандеевок» в России тысячи, их только рядом с Дмитриевцем десяток: Камсуля, Колпино, Толчёное, Лужки... Конечно, он не сможет все их воскресить или хотя бы написать о них: на кладбище жить — всех не оплачешь. Но если бы люди из вымерших селений захотели сохранить о них вечную память, насколько богаче, светлее была бы Россия.

«Ладно, таким, как Димка, пацанам, пока что родина там, где им хорошо, — думал полковник, плывя в машине по цветам и травам. — Но сколько есть взрослых людей, по виду важных, а тронешь — звенят, как пустые бутылки, только что с разными этикетками».

Василий Васильевич вспомнил свои хождения с протянутой рукой по кабинетам. Вряд ли кто другой стерпел за эти годы столько унижений. Хорошо, что не доверил никому. Когда они пять лет назад приехали с женой из «...евки» в Дмитриевец к племяннице, когда полковник заявил, что начинает делать книгу о Фандеевке и что поставит памятник селу, Варвара, её муж и дочь переглянулись, подумав о крепчающем маразме старика. Но вскоре сами воспылали: расселись за столом и до полуночи писали обращение к землякам, просили их откликнуться. Наутро Данилов отнёс воззвание в местную газету, встретился с

директором районного музея. И будущая книга об истории Фандеевки раскрылась для воспоминаний, старых фотографий и архивных выписок.

Теперь, через пять лет, она была почти написана, и деньги на её издание фандеевцы собрали миром — рубль к рублю, прислали даже доллары из стран, куда их занесла судьба. Музейщики нашли в архивах часть Писцовой книги с указанием села, и оказалось, что Фандеевка жила ещё при Годунове, что деревянный храм срубили при Петре Великом, и он не раз горел от молний, перестраивался, потом уже «Матвей Ивановъ сынъ Булавинцевъ» возвёл его из камня.

А с памятником вышло туго. Сам городишко Дмитровец был нищ, район в развалинах. Его глава, высокий, статный молодец с президиумной внешностью и мягким баритоном, смущённо отводил глаза от пристального взгляда и воинственных усов полковника.

— Вы понимаете, Василь Васильевич, у нас сегодня ничего не строится, поэтому для памятника вашего я не смогу достать ни камня, ни бетона, — сказал он грустно, разводя руками. «Какой ты бедный, голова, — подумал Данилов, назвав его про себя по-украински. — Кабинет сияет панелями, двери двойные, морёного дерева... Вокруг Дмитровца дворцы растут, как на Крещатике, а три куба бетона не достанешь... Врёшь, не хочешь!»

— Я предлагаю вам съездить в Железograd, — сказал глава. — От нас каких-то тридцать километров, зато это промышленный центр, там много строят, есть карьеры. Найдут для монумента и бетон, и камень. В Железграде есть и архитекторы, и скульпторы. А я, если хотите, джип вам выделю на пару часиков.

— Спасибо за подсказку и за джип, но я машиной обеспечен, — сказал полковник, усмехнувшись. — Да только памятник не для меня — для всех. Значит, ничем мне не поможете?

Глава только пожал плечами.

— Ну, ладно, — твёрдо произнес старик. — Добуду я бетон и камень. Хоть самосвал дадите, чтобы довезти? И ещё. Там, где будет памятник, надо спланировать площадь. Поможете с трактором? Или просить губернатора?

По его настойчивому тону глава понял, что ветеран просто так не отстанет.

— Поищем, — кивнул он и криво улыбнулся на прощанье.

Данилов зачастил в Железograd. Седые скульпторы несли ему проекты памятников с ангелами и крестами, но дорожные, как на Новодевичьем в Москве.

Начальники строительных компаний не отказывали, но просили ждать, «покуда кончится проклятый кризис». И лишь один нашёлся, совестливый, щедрый, помог ему цементом и песком.

Бывалые геологи спускались с Даниловым в карьер, чтоб отыскать кварцитовый монолит. Пересмотрели сотни глыб, и выбрали одну, похожую на парус вечности.

И дмитровецкий «голова» нашёл-таки бульдозер. Но больше всех полковник благодарен был жене — любезной Анне Николаевне, которая не то что не ворчала на его затраты времени и денег, а даже упрекала в миг уныния: «Ну что ты, Вася, загрустил, что голову повесил? Иди, проси и требуй, и надоедай. Ты ж офицер!». И он стремился к своей цели, как к Победе.

* * *

Миновав поповкинские сады, Димка увидел на расчищенной ровной площадке пятерых мужиков — они стояли у серого сооружения, похожего на тумбу. «Это, наверно, подставка под каменюгу», — подумал парнишка. Придерживая трактор, словно норовистую лошадь, он потихоньку съехал к постаменту. Мужики, не обратив особого внимания на тракториста, воззрились на прицеп с камнем. На их лицах ни смущения, ни удивления. Стало быть, крестьяне не такое ещё видывали. Даже если бы сюда заехал танк, они бы посмотрели на него внимательно, с прищуром и, покумекав минут пять, решили б, что с ним делать.

Полковник подошёл к мужикам с объятьями, словно к родным. Они и были близкими, крестьяне из доживающих век Быковки и Бреховки, потомки прихожан, гостивших на Аспожинки в Фандеевке.

— Спасибо, земляки, что пришли. Ну что, будем робить? — спросил полковник.

— Ух ты, сразу «робить»! Совсем хохлом стал, Васильич, — усмехнулся самый пожилой из мужиков, может быть, даже постарше Данилова, такой же седовласый, но значительно шире в плечах. Видно, в молодые годы он был богатырём.

— Есть ещё порох в пороховницах, Лукьяныч? — спросил его полковник. — Помнишь, ты на спор мельничный жернов поднимал? Нынче повторишь?

— Да как сказать, — почесал подбородок старик. — Один не осилю, а кагалом справлюсь.

— Мне бы для крепости рук что-то дать, — подмигнул полковнику тщедушный мужичонка с морщинистым, как будто выжатым, лицом.

— Рычаг какой-либо? — спросил Данилов. — Есть ломы...

— Какой рычаг! Ерохе похмелка нужна, а то руки трясутся, — сказал Лукьяныч. — Вчера у соседки жуков на картохе травил, и сам траванулся.

— И какой с тебя работник после выпивки? — спросил Данилов у мужичонки. — Да ещё под таким жарким солнцем! Разомлеешь, завалишься тут, на погосте. Хорошо, нести никуда не надо.

Ероха ему — свой вопрос:

— А тебе, полковник, ни разу, что ль, сто грамм не перепало перед атакой?

— Было, было, — засмеялся ветеран, шутливо похлопав его по хлипкому плечу.

— У меня вся сила в жилах, — сказал Ероха. — А они, как канат: чем сырей, тем прочней. Так что наливай, Васильич.

— Ну что, тогда всем? — спросил Данилов у главы сельсовета Никитина, когда-то колхозного бригадира, бычья шея которого никогда не знала галстука. Все его называли по-старому — Пред. Он был немолод, носил крупный живот, но каждое его движение напоминало о крепкой физической силе. По тому, как Пред смог одним жестом остановить болтовню Ерохи и двух других мужиков — братьев Губиных, по-уличному Умников, по два года отсидевших в каждом классе, — видно было, что Никитина здесь чтили как вожака.

— Починай, — сказал сельский глава. — Немножко, для страсти. Умникам вовсе по капле — быстро тупеют от водки, хватаются за грудки.

— «А два братана Губины утюжат Прова дюжего», — вспомнил Василий Васильевич Некрасовский стих.

— Какого Прова? — переглянулись мужики. — У нас отродясь таких не было.

Полковник не стал объяснять. Жестом пригласив земляков к «Жигулям», он открыл багажник и стал вытаскивать из пакетов закуску и выпивку.

— Импортная, — уважительно сказал один из братьев Губиных, увидев i с точкой.

— Хохляцкая, — поправил Никитин. — Так, по одной стопке налей всем, Васильич, — и к делу. А что твой хлопчик закрутил?

Пред кивнул в сторону присевшего на одном из надгробных камней тракториста.

— Димитрий, иди-ка сюда, перекуси, — подозвал полковник. И парень, будто только этого и ждал, поспешил в компанию. Зная, что ему не предложат выпить, он вонзил крепкие зубы в куриную булдыжку и, в один миг расправившись с ней, взялся за другую.

— Молодец, — засмеялся полковник. — Люблю тех, кто ест хорошо.

После небольшой трапезы мужики вновь подошли к прицепу с камнем и, будто врачи на консилиуме, стали вполголоса обсуждать, что делать дальше.

Только тут до Димки дошло, что здесь нет ни подъёмного крана, ни какой-либо лебедки.

— Василь Васильич, а как вы его установите? — спросил он полковника.

Тот, хитро прищурившись, подёргал седыми усами и серьёзно сказал.

— Да просто: подыдем все вместе — и на пьедестал.

— Ага, пьедестал, — обрадовался найденному слову тракторист. — А знаете, сколько весит эта каменюга? Не меньше пяти тонн. Я её еле допёр, вы же слышали, как стонал прицеп. Нет, без крана не обойтись.

— Эх, молодёжь, молодёжь, — вздохнул полковник. — Я же, парень, специально заказал твой трактор с прицепом, тут всё рассчитано, как при строительстве пирамид.

Вынув из кармана матерчатый «метр», старик измерил им высоту постамента, затем то же самое сделал с прицепом.

— Ну вот, уклон как раз подходит, — сказал он довольно. — А теперь, Димитрий, открой борт и подъезжай к пьедесталу впритык. Накренишь его так, чтобы камень было легче стащить. Потом отцепишь трактор, обмотаем кварцитину тросом и стянем — с дизельной, нашей и Божьей помощью, — объяснил полковник. — Просто, как божий день.

— Без крана не получится, — продолжал сомневаться парень.

— Бесплатно его не дали, денег моих больше нет — и точка, — резко сказал полковник. — А теперь представь, что ты на войне и тебе дана боевая задача — поставить камень на пьедестал во что бы то ни стало. А на него водрузить знамя Победы — и тогда все страдания русских людей закончатся.

— Ясно, — сказал азартно Димка, встряхнув цыганской шевелюрой. — Даже интересно.

Он открыл железный борт, и камень предстал во всей своей кварцитной мощи. Это была глыба, в основании плоская, кверху суженная парусом. Её тело, насыщенное рудными зёрнами, отсвечивало синевой, блистало холодными искрами кварца. Вырванная взрывом из чрева земли, глыба покинула пласты магнитной аномалии, сбивающие с курса караваны птиц. Исполинской силы рудная жила, замешанная космическим миксером в межзвёздных тиглях, миллиарды лет покоилась в недрах, скупно выдавая на поверхность железо. Но люди добрались и до глубинных залежей, до печени Земли, чтобы поднять железистые камни к травам и цветам.

— Солидный камешек, увесистый, — сказал Лукьяныч. — Наверно, тяжелее жернова.

— Из него, кажись, кто-то глядит, — произнёс ошалело Ероха, шевельнув худосочным плечом.

— Ага, твоя подруга смотрит — белая горячка, — усмехнулся Никитин. — Хорош глазеть. Работа у нас нынче важная, точная. Не дай бог уроним — тогда не поднять.

Димка заволновался, улыбка сошла с его губ. Аккуратно, по дециметрам, он протаскивал прицеп к постаменту, так что мужики одобрительно крикнули, а полковник сказал: «Ювелир!». Но самое трудное и опасное было впереди. Ещё раз вымерив метром монолит, Василий Васильевич сказал:

— Нам бы его только наподдать и плотно выставить. Пусть тыльный край будет нависать сантиметров на двадцать — не страшно. Зато впереди на пьедестале можно будет положить цветы. Согласны?

Мужики кивнули головами. Не от июльского зноя и не от водки выступил пот на их лицах.

— Подставка не развалится? — засомневался Димка.

— За пьедестал не беспокойся: в прошлом году поставили, не поплывёт. Раствор крепчайший и щебёнка мелкой фракции, одна в одну — я лично отбирал, — успокоил Пред.

— А мы замес наводили, — вспомнили Губины. — Три рейса делали на Гнедке, даже телегу наращивали: сначала песок везли с цементом, потом щебень, а в третий раз — корыто и опалубку.

— Хорошо, на Покров было дело, в заморозки, а то бы лошадь не осилила, — сказал полковник. — Гляди, на бетоне нет ни трещинки, прочный — аж синий.

— Тогда держите крепче, — приказал тракторист. — Буду кренить прицеп.

Медленно, со скрежетом и скрипом, стальной кузов стал под углом наклоняться к постаменту. Вот уже тридцать градусов прошёл, вот тридцать пять — но монолит не шелохнулся.

— Стой! — заорал полковник Димке. — Не дай бог перевернётся. Теперь сами. Отцепляй трактор, ставь его строго перед постаментом, обматывая тросом и будешь тянуть. А мы направим куда надо.

— А у тебя ещё направляется куда надо, полковник? — усмехнулся Ероха, и мужики рассмеялись.

— Бывает, даже попадает в цель, — ответил серьёзно Данилов, чем ещё больше развеселил земляков.

Эта шутка немного сняла напряжение. Наступил самый важный и трудный момент: «Беларусь» потянул камень тросом, накинутым снизу петлей. Стально-серая громадина, схваченная удавкой, сначала не поддавалась, и казалось, что натянутый струной трос вот-вот и лопнет, рванёт со свистом, хлестнёт со страшной силой по сторонам. И вдруг камень пошевелился, как будто очнувшись ото сна, стал медленно сползать по наклонному борту. Он словно раздумывал, стоит ли уступать этим мужикам, которых мог всех сразу раздавить железной мощью. Но, видно, силикатная его душа почувствовала что-то такое, что её сроднило с человеческими душами. Когда кварцит готов был упереться в пьедестал, тут мужики взялись за дело. По команде полковника: «И раз, и два!» Никитин с Лукьянычем и братья Губины с двух боковин просунули под камень ломы, повисли на них, старясь приподнять край камня хоть на сантиметр. Но тщетно — монолит не шелохнулся. Они бились с непосильным весом несколько минут. От волнения и натуги мужики покраснелись, их руки измазались кварцитной пылью, и казалось, будто камень и люди одной породы, слились воедино.

Наконец команды полковника возымели действие. Когда ломы и трос, повинаясь охрипшему фальцету Данилова, сработали синхронно, в такт, когда над постаментом и под краем монолита на мгновение появился промежуток, Ероха ловко, в один миг просунул в проём каток — стальную болванку размером в пушечный снаряд «сорокапятки».

— Зарядил! — заорал он в азарте, и его жилистые руки всплеснули воздух. — Пли!

Мужики по команде Данилова вновь схватились за ломы и вместе с рывком «Беларуся» изо всех сил нажали на них. А Ероха сунул в зев меж камнем и бетоном ещё один «снаряд».

— Давай, дубинушка, сама пойдёт! — то ли кричал, то ли пел он, подпрыгивая от азарта. Скрежеща по литым каткам, направляемый ломami и трактором

камень надвинулся на пьедестал, как и спланировал полковник: чтоб впереди осталось место для цветов.

Какое-то время мужикам и Димке пришлось попотеть ещё, чтобы выдернуть болванки из-под монолита: слава Богу, силы остались, ломы не согнулись, и трос не порвался.

Когда крестьяне, взмокшие, уставшие, уселись на бугорке, чтобы выпить по чарке за доброе дело, это у них получилось не сразу: руки дрожали от напряжения. Один лишь Ероха, подносчик снарядов, схватил свой стакан. Но пить без команды не стал: что он — хуже других?

— Василь Васильевич, а зачем тебе памятник? — спросил один из братьев Губиных.

— Я говорил лет пять назад районному главе: он нужен не мне, а всем нам, — произнес полковник. — Здесь же, братцы, целое село было... Село! Понимаете? Фан-де-ев-ка! Три века мужики пахали землю. А сколько людей нашего погибло за Россию! Их кто-то должен помнить?

— Давай помянем земляков, — сказал Ероха.

— Согласен, — кивнул полковник. — Пусть земля будет пухом усопшей Фандеевке.

И крестьяне торжественно, усмирив дрожь в натруженных пальцах, выпили за помин.

— А по всем сторонам постамента, — продолжил Данилов, — прикрепим мраморные доски. На них золотыми буквами будут написаны фамилии тех, кто здесь жил, кто погиб на войне.

— Где ты денег возьмёшь на золотые буквы, полковник? — спросил, усмехнувшись, Пред. — В нашем сельсовете мыши от голода дохнут. А богачи не дают — у них кризис. Не в деньгах, а в совести.

— Мир не без русских людей, — сказал Василий Васильевич. — Вот вы сошлись и помогли. И другие найдутся...

Его перебил Димка восклицанием:

— А наша каменюга прижилась!

Заметив справляющих тризну людей, на памятник слетела невесть откуда взявшаяся стайка воробьёв, расселась на вершине кварцитного паруса, расшумелась, предчувствуя пиршество.

Крестьяне собрали хлебные крошки, рассыпали угощение по краю постамента. Птицы набросились на хлеб, зачирикали благодарно.

— Это, братцы, души умерших фандеевцев слетелись домой, — сказал серьёзно старый богатырь Лукьяныч.

И ему перечить не стали.

Далеко от войны

Отрывок из документальной повести

Война вообще тяжёлое жизненное испытание, даже для самой дальней от фронта небольшой деревеньки. Зимой эта тяжесть усиливается. Она начинает ощущаться буквально физически. Более, как я понимаю теперь, потому, что зима, буквально загоняет всех в дома, ограничивает в деятельности. А здесь ещё радио постоянно бубнит фронтовые сводки и кто-то из взрослых усиливает громкость, и все цепенеют: «Наши войска в результате кровопролитных боёв, сдали города... потеряли убитыми...»

Вот и в наших Камуслах война «открыла» свой счёт убитым. Похоронки идут одна за другой. Повестки всё реже — все молодые и здоровые уже на фронте или в трудармии. Стали возвращаться «недобитые». Так с горечью и матерками именовали себя изувеченные в боях. Однажды я столкнулся на улице с Вафой Янеевым, которого летом всей деревней провожали на фронт. Тогда Вафа — молодой, здоровый парень лет двадцати, не более, смеясь, подкидывал

меня под самое небо и кричал: «Держись, Халил, ты теперь за всех мужиков в деревне остаёшься. Но это не надолго. Вот побьём фашистов, и мы с тобой ещё ого-го какой колхоз здесь отгрохаем!»

Теперь вчерашний brave солдат стоял у растворенных ворот родительского дома, тяжело опираясь на костыли. Серая шинель была небрежно накинута на плечи. Он был без шапки и нервно курил. Вафа не взглянул на меня, когда я робко с ним поздоровался, лишь зло с придыханием всё повторял: «Падлы, фрицы! Падлы, падлы!!!»

Мусульмане испокон века народ непьющий. Коран запрещает им пить водку. И обычаи берегут от «зелёного змия». Но война всё смешала, всё исковеркала. У войны свои законы, кровавые и беспощадные, от которых обычаи отступают, а человек может превратиться в кровавое месиво, в труп, в калек. Где найти спасение солдату Янееву, другим инвалидам войны? Вот и тянется рука к бутылке.

Я всегда и сейчас осуждаю пьющих. Но осознаю — в те военные годы, наверное, водка не давала сойти с ума изуверенным на поле боя. Ну а потом уж лечила, выводила на правильный путь раненых и контуженных сама жизнь. Не все становились и ровно шли по этому пути. Многие спотыкались, в отчаянии падали на обочину. Но это другой разговор. Мой же рассказ сейчас конкретно о Вафе Бикметовиче Янееве.

В тот год совсем плохо стал себя чувствовать наш старый председатель колхоза Маннаш абый. Он отчаянно пытался вести дела, держать колхоз в передовиках. Но много ли мог малограмотный, не опытный в суровое время войны человек? Вот и надорвался морально и физически. Всё чаще стал жаловаться на боли в животе, порой и в бричку уже не мог сам взобраться. И когда вернулся с фронта Вафа Янеев, старый председатель буквально в ноги ему упал:

— Выручай, бери колхоз в своё управление!

— Да какой из меня председатель? Видишь, костыли из рук не выпускаю.

— Нога не голова, — парировал Маннаш абый. — Ты молодой, толковый. Вот что главное. Мужик, опять же. Ну не бабу же мне безграмотную в председатели ставить. А в делах и хлопотах и нога твоя быстрее заживёт.

Приехавший в Кумуслы уполномоченный райкома партии поддержал старого председателя.

— Давай, Вафа Бикметович!.. Как вчерашний фронтовик, ты понимаешь ситуацию. А ситуация в колхозе вашем трудная. Зима лютует, и не скоро ей конец, а скот кормить уже нечем — зерно, сено, что заготовили самоотверженно ваши колхозники, действующей армии были отданы. А как же иначе? Война!

Он, старый пропагандист и агитатор, долго ещё говорил. А закончил просто, по-военному.

— Считаю, приказ ты от партии получил — с утра принимай колхоз. А заявление в партию пиши сейчас. Я его в райком и отвезу. Тебя, героя войны, уверен, и без испытательного стажа в партию примут.

Так в один день Вафа Бикметович Янеев стал председателем колхоза. И собрание колхозников не собирали. Да никто из кумуслинцев против бы и не выступил. Все с радостью приняли эту новость. А наутро следующего дня к дому Вафы Бикметовича конюх уже подогнал самого лучшего жеребца, почему-то

забракованного военкомом для службы в армии, но носившего гордую кличку РККА. Жеребец был запряжён в кошёвку, в которой уже лежал «дежурный» колхозный тулуп.

Вафа Бикметович лишь на минуту заглянул в контору. Сунул в карман колхозную печать. Бросил моей матери на ходу (она заменяла тогда счетовода, которого забрали на фронт):

— Ну, ты, Махтума, лучше меня в бумагах разбираешься. Я тебе доверяю. А о колхозных делах я и так осведомлён. Наши дела как сажа бела. Веди учёт убыткам. А я поеду кланчить корма для коров. Обещал же райкомовский уполномоченный помочь...

В тот же день, по рекомендации райкома, наш новоиспечённый председатель поехал в один из совхозов соседнего Колосовского района. Совет райкомовского работника был во всех отношениях мудрым: лучше взять «излишки» силоса или той же соломы не в своём районе, а в соседнем, чей совхоз от Кумулов на расстоянии чуть более десяти километров. А главное, директорствовал в совхозе участник Гражданской войны, инвалид, как и Вафа Янеев, по ранению. Наверняка, решили в райкоме, два фронтовика найдут общий язык, договорятся. И расчёт оказался верным.

Нетрудно представить и сегодня ту встречу инвалида Великой Отечественной и героя Гражданской войны. Встретились два фронтовика. Конечно, прежде «сто грамм наркомовских», потом «за тех, кто на фронте», а как не выпить «за новоиспечённого председателя»... Долгим было застолье. Но не пропит был ум, не забыты дела. А дела есть дела, даже и за бутылкой водки коммерческий принцип один — «дружба дружбой, а табачок врозь». Старый вояка недаром много лет и успешно руководил совхозом. Он выгоду свою всегда видел, а если таковой не было, то и разговор обрывал. Вот и на этот раз открыто спросил:

— А что ты, Вафа Бикметович можешь мне предложить? Не за красивые же глаза я тебе отпущу силос и солому.

Несведущ был в коммерческих делах Вафа Бикметович. Лишь руками развёл. Тогда сам же директор совхоза и предложил вариант обмена:

— Видел я в твоей деревне остов порушенной мечети. Муллу вашего давно расстреляли, вера в аллаха и бога запрещена. А сруб у мечети ещё крепкий. Вот и махнём мы с тобой тот сруб на корма. Тебе-то сейчас не до строительства — стадо до первой травы не загубить бы. Я сам и транспорт организую.

С позиций сегодняшнего дня обмен тот был сущим обманом нищего человека — не стоят двадцать саней перемёрзшего силоса здания мечети. Но шла война. Только что назначенному председателем колхоза Янееву было не до строительства. А за падёж скота его могли по законам военного времени судить. Так что видел он эту сделку очень даже выгодной для себя. Тем более, что директор совхоза, узнав, что в Кумуслах корма на ферме выдаются «на глазок», выделил ещё и товарные весы, своим же транспортом привёз на кумуслинскую ферму силос.

Вафа Бикметович Янеев был верен своим Кумуслам до конца жизни. Мы с ним нередко встречались многие годы. И у меня о нём сохранились самые добрые чувства. С уважением и признательностью вспоминают о нём и все его земляки. Он был

очень порядочным, добрым человеком. Да, поначалу ему очень не хватало знаний и опыта в председательских делах. Но он был справедлив к людям и они ему платили тем же. В самый трудный год его заставили стать председателем колхоза. Он это принял как приказ. И исполнил приказ как солдат. Вот на таких держалась и выжила деревня в военные годы. Когда началось укрупнение колхозов (в пятидесятые годы), он не ждал и не просил повышения. До выхода на пенсию честно трудился бригадиром дойного гурта.

История со старой мечетью в моей детской памяти сохранилась в таком продолжении. В тот же день, как мужики из соседнего совхоза привезли и разгрузили на нашей ферме силос, они дружно взялись за топоры и ломы и к вечеру раскатали мечеть по брёвнышку, которые тут же (боясь, что кумуслинцы растащат за ночь их по дворам на дрова) погрузили на свои подводы. Зимний день короток. И уже в сумерках потянулся обоз с прокалёнными ветрами и солнцем брёвнами сруба в сторону Колосовского района.

Бабушка, экономя керосин, никогда не торопилась зажигать лампу — окна нашей комнаты выходили на запад, и пока тлел на небе последний всполох заката, они ловили остатки солнечного света. В этот вечер закат был угрожающе багровым. И окна, как угли догорающего костра, света не давали, но сами пунцово алели. В этот час и потянулся мимо нашего дома длинный обоз с бревенчатыми остатками мечети. Мне было скучно в сумеречном одиночестве. И, заметив длинный обоз, вскрикнул, играя в корабельного «вперёдсмотрящего»:

— Мечеть повезли!

Медленно и тяжело поднялась, как сползла, со своей старой кровати наша бабушка, хватаясь за стулья, стол, неровным шагом приблизилась к окну, ухватилась за подоконник и почти ткнулась лицом в стекло. Она была бледна и очень взволнована. Губы бессвязно и немо что-то шептали. Но вот стали слышны отдельные слова. Это были проклятия: «Безбожники!.. Аллах покарает вас!.. Будьте вы прокляты».

Мы с сестрёнкой испуганно подскочили к ней.

— Что с тобой, бабушка?

Она слепо прижала мою голову к своему животу, так, что стало больно ушам. Потом подхватила меня — откуда и силы у такой старой взялись, — и я плюхнулся коленями на подоконник.

— Смотри, Халил! Смотри и запомни! Безбожники вновь пришли на нашу землю...

Тыча пальцем в стекло, а второй сдавливая мою голову так, что я буквально влип носом в раму окна, свистяще выговаривала мне в самое ухо бабушка.

— Великий это грех — мечеть ломать. Аллах покарает безбожников! Бойся их...

Потом, уже несколько успокоившись, она достала свой коврик, расстелила его возле изголовья своей кровати, сняла с ног калоши, в которых ходила и дома, и на улице, опустилась на колени и шёпотом продолжала какой-то свой монолог. Бабушка у нас была суеверна, аллаха чтит и, как требовал от верующих Коран, молилась в строго определённые часы. Но такое с ней случилось впервые на моей

памяти. И то была не молитва. При молитве бабушка принимала покорный вид и произносила слова с тихим распевом, при этом держала ладони перед глазами, изредка касаясь ими щёк. Теперь ладони её с растопыренными пальцами были обращены в сторону пылающего заката, словно она усиленно отталкивала некоего злого человека, глаза распахнуты и голос далеко не смиренный — злой. Позднее я узнал, что это, действительно была не молитва. То было «Дога мазлюм» — самое страшное у мусульман проклятие врагам.

Мы с сестрёнкой затаённо притихли...

Мама, как всегда, задерживалась на работе. Ужинать мы сели без неё. И когда я уже допивал свою кружку молока, не знаю, почему, но вдруг заявил почти с вызовом:

— А мой старший друг Хабир говорит, что никакого аллаха нет. Он пионер, и клятву давал...

Я не успел договорить, как получил подзатыльник. Да что такое сегодня с бабушкой, она вообще-то никогда и пальцем нас с сестрёнкой не трогала, а сегодня, поистине, как с цепи сорвалась.

— Не смей такое говорить! — прикрикнула бабушка на меня. — Нет бога, кроме Аллаха! Только благодаря Аллаху, мы — мусульмане, выжили и живём на родной земле. Многие безбожники пытались сбить нас с истинного пути. Но были и у нас защитники... И они ещё придут, и восславят имя Аллаха.

И она вновь зашептала молитву, часто поминая неведомого мне Алима. Я не решился более вступать ни со своим мнением, ни со своими вопросами. Но на следующий день не вытерпел, спросил:

— Бабушка, а кто такой Алим? Ты вчера много раз называла это имя в своей молитве. Кто он?

— Алим Шихов — великий человек в нашем роду. И для всех сибирских татар он воистину святой, — произнесла бабушка, не удивившись моему вопросу, словно она продолжала вчерашнюю свою молитву, но уже спокойно перенося её в детское моё сознание. — Садись-ка поближе и слушай. Тебе это нужно знать. Алим Шихов — наш родственник. Жил он давно, очень давно.

И бабушка стала рассказывать:

— Великая наша вера — ислам — основа, стержень духовной жизни. Его учение изложено в священной книге мусульман — Коране. У нас один бог — Аллах, творец небес и земли, по воле которого совершаются все события в мире, складываются судьбы людей. Кто-то называет нас, татар, жестокими и беспощадными варварами. Только, сам подумай, ислам ли в том виноват? Ислам — это покорность. Варвары же — те дурные люди, что идут против нашей веры, против самого Аллаха. Варвары те, кто в тридцать седьмом году расстрелял нашего муллу, кто порушил нашу мечеть. Это злые люди. Запомни навсегда это, Халил!

Бабушка замолчала. Я долго не мог нарушить её молчание, хотя её слова лишь распалили мой интерес. Никто и никогда прежде мне так серьёзно не говорил о неведомом мне Аллахе. Имя это я слышал часто, но чтобы этот Аллах сотворил мир, чтобы он правил судьбами людей?.. Да нет... Я сам слышал по радио: «Под руководством великого Сталина наш народ разгромит любого агрессора!..» Я даже песню наизусть знал и громко пел её с друзьями возле

мельницы: «... борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт...». И портрет Сталина в конторе у матери висит. И в школе такой же. А портрет Аллаха я ни разу нигде не видел.

Но что-то сдерживало меня сейчас спросить об этом бабушку. И я молчал, прижавшись к её тёплому боку. А она, чуть сильнее обняв меня, сама тихо продолжала:

— *Давным-давно, задолго до прихода русского войска в нашу Сибирь, возникло наше село — Яланкуль. Его возвели те, кто хотел жить вольно на своей земле и подчиняться только воле Аллаха. Но так, наверное, не бывает. Много на земле иноверцев, ещё больше корысти в людях. Извечно не прекращаются войны. Не счесть их было и в приишимском нашем краю. Мы, покорные воле Аллаха, пережили немало притеснений. А с Ермаком — русским атаманом, пришла на нашу землю другая власть и другая вера. Войско Ермака дальней стороной наше село обошло — оно водой по Тоболу и Иртышу на своих огромных обласах двигалось. А иноверцы не миновали и нас.*

— А кто такие иноверцы? — недоумённо перебиваю я бабушкин рассказ.

— Называют они себя христианами. Молятся не как мы, а тремя перстами правой руки пред нарисованными иконами. И главный у них бог не Аллах, как у нас — мусульман, а некий Христос. И верят они в его сошествие на землю для того, чтобы судить живых и мёртвых, даровать вечное блаженство праведникам, а грешников обречь на адские мучения. И это справедливо...

Бабушка вновь смолкает. Поджимает нижнюю губу, недоумённо хмыкает. Я нетерпеливо дёргаю её за рукав.

— Да вот здесь я никак не пойму и сама. Наш Аллах тому же нас учит, его воля к тому же устремлена, он защищает праведных, карает нечистивых. Почему же люди с запада возомнили, что их бог истинный, а наш нет? Почему и зачем русские цари, захватив наши земли, решили уничтожить и нашу веру? Они стали жечь и ломать наши мечети, и самое страшное — они стали считать мусульман людьми дурного сорта и насильно крестить татар. Наши старики помнят и передают из поколения в поколение, как из самой Москвы от русской царицы Анны Иоанновны пришёл особый указ о насильственном крещении инородцев и начались насильственные переселения мусульман. Митрополит тобольский Антоний лично руководил выдворением из Тобольска юртовских татар и бухарцев. Татары отчаянно противились крещению. Ислам оставался основой их духовной жизни. И даже те из них, кто подвергся насильственному крещению, продолжали тайно исполнять мусульманские нормы и обряды. Насильственное крещение татар вызвало отчаянное сопротивление сибирских татар. И тогда вызвался Алим Шихов защитить нашу веру. Давно это было, но осталось в памяти народной и в нашем роду. По преданию, он вручил императрице Елизавете Петровне письменную жалобу на митрополита, подвергавшему татар насильственному крещению. И царица была вынуждена признать ислам, а митрополит Тобольский был наказан. С той поры было дозволение татарам, проживающим деревнями, строить мечети, содержать духовных лиц обществом прихода. Но вот пришли новые варвары, ещё более страшные и кровожадные. Они не признают ни Аллаха, ни бога. Крушат и мечети, и церкви.

— Но Аллах всё видит. И воздаст всем грешникам по заслугам. Он покарает нечистивых... — тихо завершила бабушка свой рассказ.

Меня воспитывала советская школа, где главенствовал атеизм. Это сейчас я осознаю, сколь велика была сила религии для моих предков, как спланивала их общая вера, какую огромную роль в жизни села играла мечеть и служитель её — мулла. Сегодня я — бывший пионер и комсомолец, и сам нередко переступаю порог мечети. Молиться по-настоящему ещё не научился. Но, преклоняя колени, острее осознаю уже, как говорится, задним числом, какую боль и отчаяние пережили мои земляки, моя бабушка, когда на их глазах арестовывали восьмидесятилетнего муллу, рушили мечеть. Только сегодня приходит осознание этого великого греха власти перед народом. Тогда же не мог я этого осознавать. Но спасибо памяти. Она сохранила рассказ старого девяностолетнего кумуслинца Акбара о том, как строилась кумуслинская мечеть. И я испытываю некое облегчение, словно грех с души снимаю, от того, что могу внести и свою посильную лепту в сегодняшний процесс возрождения веры. И точно уж знаю — встанет на моей родине новая мечеть, но должны мы вспомнить и ту — первую, что создавалась всем миром.

— Я тогда совсем молодой был, — вспоминал зимой 1942 года девяностолетний Акбар. — Но событие врезалось мне в память, как большой праздник. Задолго до самого строительства всем миром собирали деньги на мечеть. А потом из самых работающих и сильных мужиков из трёх деревень сформировалась артель, которой было поручено заготовить лес для сруба. Взяли в эту артель и меня — честь по тем временам и событию велика была. Поехали мы в далёкое село Усть-Юрт Седельниковского края. Рубили лиственницы высокие, ровные, как свечи. Голову закинешь — вершины не видать. Повалишь такого великана — дух захватывает от мощи его удара о землю. В Усть-Юрте испокон веков жили плотницких дел мастера, с ними и сговорился наш бригадир на изготовление сруба. А мы, торопясь по начавшей уже таять зимней дороге, тот сруб, оконные и дверные блоки, плахи для пола и потолка на лошадях своих санным путем и вывезли. Всё лето той же артелью собирали нашу мечеть. Помню, каждое утро на работу как на праздник шел. Ещё бы! Все село приходило смотреть, как росла наша мечеть. Под таким доглядом плохо работать никак не получается. И встала наша красавица, вознеслась своим шпилем в ясное небо, как журавль, над селом поплыла. Осенью большой был праздник — открытие мечети. С того дня словно заново я родился — счастливый и гордый ходил по селу. Как же, это я мечеть строил!

А потом случилось страшное. Погиб мой лучший друг Зиннур. Был он ненамного старше меня. Но смыслён и мастеровит — в отца своего, как говорили о нём в деревне. Отец же Зиннура, уходя на фронт, оставил сыну помимо навыков, которым обучил, и кое-какой инструмент. В том нехитром наборе рубанков, стамесок, ножовок, оказался и паяльник — небольшой железный набалдашник домиком на длинной ручке. Инструмент хоть и нехитрый, но в годы войны оказался очень нужным — старые самовары, кастрюли у хозяек начали худиться. И Зиннур оказался первым мастером не только в родной деревне, но и в округе. В дни, свободные от школьных занятий, он укладывал на саночки набор своих

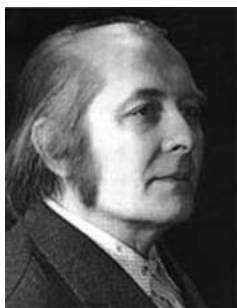
инструментов, и прежде паяльник с баночкой канифоли, олова, и отправлялся в ближнее Сафоново, а то и в Белозерово за 15 километров. И вот в один из январских морозных вечеров возвращался Зиннур из этого самого Белозерова. Он хорошо заработал на этот раз — на санках лежали полмешка картошки, крупа и даже ржаная мука. Путь был далёкий, и чтобы быстрее добраться до дома, решил Зиннур пойти напрямую через озеро. Санки тонули в глубоком снегу, Зиннур выбился из сил, вспотел. Но вот уже и берег, круто спускающийся к озеру. За озером видны огоньки родной деревни. Ещё немного, и он дома. Вот только чуть отдохнёт. Присел Зиннур на мешок мёрзлой картошки... Так его и обнаружили утром.

— За что?.. — захлебывался я слезами. — И где был твой Аллах? — кричал бабушке в лицо. — Ведь ты говорила, что он всё видит, а детские молитвы слышит в первую очередь. За что он так жестоко покарал моего друга?..

Молчала бабушка. Молчала деревня за заледенелым окном...

Литературная запись Владимира ЧЕШЕГорова

ПУТЬ ЕГО БЫЛ СВЕТЕЛ

Арво Метс родился в 1937 году в Таллине. Но вся его творческая жизнь прошла в России. Мать родом из Таллина, лютеранка, отец — из пригорода Пярну, православный; к моменту рождения сына, несмотря на свой молодой возраст, он уже волостной староста. Арво крещён в православие.

Русского языка в семье никто не знал. Арво самостоятельно изучил русский язык. В юности получал премии по шахматной композиции, посылая свои задачи в газеты на русском языке.

Поступил в библиотечный институт в Ленинграде, который окончил с отличием.

После института Арво работал библиографом в библиотеках Пярну, Тарту и в Комсомольске-на-Амуре. Первые стихи Арво писал на эстонском и на русском, впоследствии только на русском.

В 1965 году поступает в Москве в Литературный институт им. Горького. Сергей Наровчатов в тот год набирал себе семинар талантливых поэтов (Арво Метс, Юрий Кузнецов и др.). И хотя Арво писал верлибры, что тогда не поощрялось, он был принят в институт, который тоже окончил с отличием.

Знания и любовь к русской литературе оценил профессор Литинститута М. П. Ерёмин. На экзамене он не только поставил отлично, но встал и поклонился Арво.

После института — аспирантура, написана диссертация. Три главы: «Свободный стих как поэтическая система», «Свободный стих в русской и эстонской поэзии», «Эстонский свободный стих в переводах на русский язык».

Однако диссертацию защищать не стал, отказался от переделок. По одной главе написана статья (Арво Метс «О свободном стихе», «Писатель и жизнь», изд. Московского университета, 1978 г.). Параллельно шла работа над переводами с эстонского.

После института Сергей Наровчатов, главный редактор журнала «Новый мир», пригласил Арво на работу в журнал. Арво стал редактором публицистического отдела. Первой работой его как редактора была статья Домбровского о Пушкине. Впоследствии Арво перешёл в поэтический отдел. В общей сложности Арво проработал в «Новом мире» 16 лет (с 1975 по 1991 год).

Мы с Арво познакомились в студии «Музыка», которую вёл Виталий Белецкий. Студия была интересна тем, что в 1965 году это первая попытка проводить нестандартные музыкальные концерты. Союз различных искусств: поэзия, живопись, музыка. Друзья по студии случайно дали мне почитать стихи поэта из Эстонии, который пишет на русском языке, учится на первом курсе Литинститута. Стихи меня так поразили, что все они были переписаны в тетрадь. Познакомились мы в 1965 году, поженились в 1971. Путь был короткий (стихи поразили сразу) и длинный — два раза расставались, но судьба вела нас друг к другу. Случайно в огромной Москве оба раза встретились. Последний раз — чтобы не расставаться. На двадцать шесть лет...

Одно из первых стихотворений, которое я прочла, так до сих пор и не опубликованное (не решался его напечатать все эти годы), это «Троица» Рублёва.

*Беспричинная нежность
разлита в фигурах,
которую часто
в себе узнаю.*

*Вы, ангелы, тоже
наверное, поэты?
И вам кроме музыки
ничего не нужно?*

Стихотворение покорило. Я в то время ездила по разным городам, чтобы увидеть замечательные рублёвские фрески — Звенигород, Владимир. И вот стихотворение, в котором нежность, мягкая линия овала его праведников во Владимире и «Троицы» ожили и стали синеглазым поэтом, который поступил на первый курс Литературного института и вот, живой ходит во плоти по Москве. А пишу я это уже сейчас, когда вся наша жизнь вместе, позади. Она вся в стихах, хотя стихи не о том,... но и о том тоже...

В 1970 году в Таллине выходит книга стихов «Осенние прогулки», небольшая, изящно оформленная.

Сергей Наровчатов пишет в предисловии:

«О чём же сами стихи? О солнце, о девушках. О вёснах и осенях, о счастье и печали — обо всём, что сыздавна составляло предмет поэзии. Но все стихи проникнуты такой человечностью и добротой, такой верой в лучшее, что они передают свой нравственный заряд читателю и сообщают ему эти хорошие чувства. Точность

языка, свежесть образов и лаконизм мыслиеизъявления отличают поэзию А. Метса. А это действительно поэзия. «Больше всего люблю тебя босую...»

Книга была встречена доброжелательно. Особенно порадовало письмо Арсения Тарковского в ответ на посланную книгу.

В 1972 году дискуссия в «Вопросах литературы», которую организывает и открывает Арво Метс: «От чего не свободен свободный стих». Среди участников: Сергей Наровчатов, Владимир Бурич, Расул Рза, Ояр Вацietис, Борис Слуцкий, Арсений Тарковский, Вячеслав Куприянов, Давид Самойлов.

В 1973 году родился сын Антон. Арво очень хотел сына. Младший, Константин, родился в 77-м году.

В 1973 году выходит вторая книга в Москве «Исчезаю в весне». В том же году Арво принимают в Союз писателей. Успешные выступления в Доме литераторов. Собственные стихи, переводы.

Переводы были в большой степени продолжением его творчества. Все стихи переводил не по заказу, а только те, что перекликались с его творчеством или интересовали по мысли. Работал над ними бережно, кропотливо. Пытается напечатать их в Эстонии. Переводы попадают к некоей г-же В. Рубер (переводчице прозы!), которая выискивает все несовпадения с подстрочником и пишет убийственную рецензию...

Некоторые переводы вошли в его книгу «Таллинские камни», но лишь небольшая часть. К своим стихам всегда относился чрезвычайно строго и вообще считал: «В рукопись не нужно включать абсолютно все лучшие стихи. Рукопись будет хорошей тогда, когда возникает напряжение между стихами вошедшими и невошедшими. Если же стараться включить всё мало-мальски приличное, то это приводит к затуханию поля. Для достижения единства некоторые противоречащие стихи приходится безжалостно отсекают. В стихах главное — это внутренний мир, который стоит за стихами». Записала со слов Арво, в статьях он об этом не упоминал.

Помогало то, что Арво не замыкался только на своих стихах. Не говорю даже о его страсти собирать библиотеку. Я имею в виду его работу с молодыми поэтами. Его дар составления сборников. От «Нового мира» поездка на КамАЗ. Творческое литобъединение «Орфей». Несколько дней работы, прочитаны кипы стихов. Сначала подборка в «Новом мире», затем сборник поэтов «Лебеди над Челнами» (год издания 1981). Трое ребят — Николай Алешков, Инна Лимонова, Евгений Кувайцев — поступают в Литинститут, ещё один талантливый поэт из Татарии, не имеющий даже семилетнего школьного образования, пишет верлибры и рассказы. Арво помогает ему, чем может. Печатает стихи в подборке «Нового мира» и в сборнике, временно устраивает его в Москве (мы только что получили квартиру от Союза писателей, которая тогда пустовала). Снабжает его книгами, литературное образование Руслан Галимов в большой степени получает в нашей квартире. Его стихи Арво рекомендует в «Антологию русского верлибра».

Большую работу ведёт Арво в организованной им студии «На Таганке». С 1984 по 1989 год в студии проводились вечера поэзии. Выступали и именитые поэты, но в основном молодёжь. Объединённые подборки стихов появляются в печати.

В эти годы Арво написал статью о поэте Николае Тряпкине. Ездил к нему, слушал песни в его собственном исполнении (он пел свои стихи). К сожалению, эта статья так и не увидела свет.

Из присланных в «Новый мир» стихов Евгения Понтюхова (живёт в Орловской области) составил несколько подборок, передал их в «Дружбу народов», «Орион», в «Антологию русского верлибра», где они были напечатаны. (Книга Понтюхова с предисловием Арво Метса вышла в 2003 году.)

Одна из существенных работ его — это составление сборника стихов поэта Владимира Боброва. Из каких-то от руки написанных клочков, просто вороха разного формата листочков, перепечатывая, выстраивая, собрал рукопись. Написал предисловие — издали книгу — «Спасибо, жизнь», родился поэт, при жизни не напечатавший ни одного стихотворения, стихи в основном военных лет, но не только. После смерти кое-что было опубликовано в альманахе. Поэт интересный, со своим взглядом и на войну, и на послевоенное время.

Работая в «Новом мире», Арво отбирал из почты журнала стихи заинтересовавших его авторов. Его заботами 33 поэта попали в «Антологию русского верлибра».

Его внимательность и доброта распространялись не только на людей, но и на всё живое, и надо сказать, животные отвечали Арво взаимностью.

*На пустыре
то и дело
возникают отрешённые фигуры
гуляющих с собаками.
Спасибо вам, псы,
выволакивающие
нас из суеты».*

Он обладал способностью сострадать. Тема безденежного человека занимала его в разные годы. Безденежье, как нечто неестественное, жёсткое. «Все видят, у безденежного человека голубые глаза — это не помогает». Поэт как бы взывает к людям: «Посмотрите, перед вами живой человек. Это такое чудо. Он может погибнуть без денег...» Сам он взял за правило — когда получал какой-нибудь гонорар, обязательно делился с неимущими.

Последние десять лет Арво были очень сложными. Совпало всё, изменение обстановки в стране, болезнь матери. Отделение Эстонии, смерть матери, «а могила за крепким замком границы».

И всё-таки держались с Божьей помощью. Главное, мы были вместе. Дети нас поддерживали и морально, и подрабатывали грузчиками в булочной, учась в институте. Не потеряли способность радоваться жизни и отмечать праздники. Путешествовали на велосипедах и, что особенно радовало, ездили на месяц или два в «Мещерскую сторону», в Рязанскую область, село Былино, где забывали о печалях, поражаясь красоте близкого неба, — «какие крупные здесь звёзды, и какие они живые...», берёзовой рощи, золотых полей с синими васильками, замечательной речушки с обрывистыми берегами и омутами. Рыбная ловля, белые грибы, запах сена и по соседству, в четырёх километрах по чудесной дороге через поле и рощи, наши милые друзья, которые и помогли нам выбраться в эти края.

Любила и поддерживала нас, пока была жива, моя бабушка Зоя (урождённая Филатова, племянница Н. Ф. Филатова — профессора Московского университета, одного из основоположников педиатрии в России), которая воспитывала меня до пяти лет. Бабушка знала чуть ли не всего Пушкина наизусть. Это о ней в стихотворении «Две старушки»: «Весела, легка, как солнечный лучик».

В последние годы Арво был занят «Антологией русской поэзии» за 50 лет XX столетия с 41 по 91 годы «Неугасимый свет». Проводил много времени в библиотеках, выписывал стихи, дома перепечатывал, опять в библиотеках проверял. Много было накоплено в течение всей поэтической жизни.

Неоценимую помощь в подборе материала оказывал его друг студенческой поры Владимир Смирнов, ныне профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века в Литературном институте. Позже зарубежная русская поэзия появилась на прилавках, а тогда приходилось собирать стихи по крупицам. Собраны две толстые папки стихов (ещё столько же отсеянных в процессе работы). Камертоном к антологии, думаю, служит стихотворение «Мужество» Ахматовой, которая открывает антологию. (Книга ждёт издателя.).

Всё же в то время у Арво выходит три книги стихов: одна в 1989 году «Таллинские камни», включающая в себя и переводы. Наиболее полная — в 1992 году — «Годовые кольца» и небольшая книжечка в 1997 г., включающая в себя непосредственно раздел «В осенних лесах», по которому названа книга, отражающий последний период творчества.

В 1989 году на I Международном фестивале верлибра он получил Первую премию. В дальнейшем участвовал в фестивалях в качестве члена жюри. В 1996 году стал лауреатом Лесковской премии.

Большую радость принесло творческое общение с поэтами и исполнителями песен Александром Васиным, Валентином Белецким и ребятами из поэтической студии Центра Авторского Творчества. Арво познакомился с ними в день 50-летия Победы. В этой студии в последний год жизни Арво прошёл его юбилей.

Стихи Арво переводились на многие языки мира. Ф. Романов в книге «Март» пишет: «Кто-то уже прочёл эти ставшие для нас откровением строки на испанском, немецком, польском, украинском, грузинском, литовском, даже на сербо-хорватском и хинди... На мой взгляд, поэзия Метса уникальна. Его верлибры продолжают самые сокровенные традиции русской лирики...»

Несколько слов о стихах Арво. Творчество Арво, думаю, можно условно разделить на пять периодов. Первый период — метафоричность, живописность. Христианское, может быть, ещё неосознанное мироощущение. Святые отцы учат, что тот, с кем Бог, всегда радостен.

*«Исчезаю в весне,
в толпе,
в лужах,
в синеве.
И не ищите.
Мне так хорошо...»*

Поэт хорошо себя чувствует в этом мире. Мир и поэт одно целое. Всё взаимосвязано, и связи не порваны. Радость бытия. «Ливень солнца...».

Второй период городской (условно):

*«Здесь поют городские соловьи –
визжат пронзительно тормоза...»*

*«Личность мгновенна
на улицах города
подобно вспышке магния.»*

— «Вечный двигатель...» В стихотворении необычный ракурс, сквозь лёгкую иронию взгляд проникает во времена.

Второму периоду присущи сомнения, дисгармония («визжат пронзительно тормоза»):

*«Как я чувствую естественность...
И как я далёк от неё...
Десятки связей порвались
между взглядом и словом,
словом и делом,
желанием и исполнением».*

Но приходит и избавление от холодов, от дисгармонии. «Вот уже кончается мой ледниковый период...», «В июльских травах...».

Во время работы в публицистическом отделе поэзия Арво Метса временно замолкает. Вероятно, это несовместимые сферы деятельности. После ухода из публицистики обрёл свой поэтический дар только через пару лет. И вдохновила его русская природа. Поездка на лето с детьми в Рязанскую область, село Былино.

*«Какие крупные здесь звёзды.
И какие они живые...»,
«Та берёзовая роща
спасала меня своим светом...».*

Муза вернулась к поэту. Но приходят трудные времена.

Третий период совпал с перестройкой. Потеря работы, распад Советского Союза. «Эстония моя маленькая...». Стихотворение написано в предчувствии разрыва. Распад Союза писателей. Разделение людей по разным признакам — по национальности, по политическим взглядам и пр. Все враждуют со всеми. «Где вы, мои безмятежные годы?..» — восклицает поэт с горечью. Появляется целый цикл стихов. Стилистика стихов этого периода совершенно не похожа на поэзию предыдущих периодов:

*«Толпой,
с перекошенными лицами,
работая локтями,
ринулись все
приобщиться
к злобе дня.*

*Как каторжник
к тачке
мы цепью прикованы
к злобе времени».*

Четвёртый период непосредственно примыкает к предыдущему. Поэт делает окончательный выбор. Он с теми, кого в то время модно было презирать. Обездоленные люди для него не парии. «В переходе...». В каком-то смысле идёт внутренний спор с теми, кто потребительно относится к русской культуре, кто не проникается её духом православной культуры, для кого Россия — «эта страна». Для кого «слово» ничего не значит.

«В начале было Слово...». Христианское мироощущение в юности и сознательный приход Арво к Евангелию в зрелые годы. «Потому, что Евангелие убеждает в том, что круговорот насилия порочен, и его нужно пытаться преодолевать добром», — говорит Арво в те годы корреспонденту газеты.

Крещение ли в православном храме, которое вело всю жизнь Арво к его судьбе, природная ли тяга к добру — «молитвенное служение поэзии», но «судьба русского поэта настигла внезапно, вдруг», — пишет рецензент книги «Годовые кольца» Сергей Федякин в статье «Нищ и светел». Приходят «прозрения по-русски».

*«Рублёвская синь
просвет в тёмных тучах...»*

Последний пятый период. Работа над «Антологией русской поэзии второй половины XX века». «Неугасимый свет»... Слух утончается.

*«В осенних лесах
душа
так тиха.*

*И слышит
свой голос,
заглушённый веком».*

Глаза видят невидимое. Молитва за Россию, за людей, за близких. Преображение мира. «Золотые купола...» Душа светла. Трепетное отношение ко всему живому. Мир опять целостен. Жизнь — это Божий дар.

*Благодарю Тебя,
Боже,
за ещё один день.*

*За этот сад,
весь залитый солнцем.*

Есть темы, которые проходят через всё творчество Арво. В стихах много раздумий об ушедших поколениях, о цели жизни — «Трудиться...». Смысл жизни, что остаётся от человека, когда он уходит. Зачем он приходил? «Мы уезжаем, а в саду так же таинственно продолжают наливаться яблоки». «Цель жизни в жизни? Или кто-то собирает золотые зёрна?».

*Копать землю,
устав,
поднять голову
и замереть
перед красотой
золотой берёзы –
в этом, вероятно, и есть
предназначение человека.*

И одно из незавершённых:

*Незадолго до кончины
отец,
превозмогая боль,
тщательно расставил
дрова в сарае
...Последнее,
что он успел сделать
для гармонии мира.*

Создание гармонии на земле всеми доступными способами?
Живописность поэзии Арво. Буйство красок. Музыка.

*Перебираю своё богатство –
капельки росы,
играющие всеми красками радуги.*

*...А где-то внутри
по тихим углам –
кристаллы музыки.*

Именно в русской музыке возникло направление «интонации» (Даргомыжский, Мусоргский). Интонационный свободный стих, думаю, для русского уха тоже не чужероден. Об интонации в свободном стихе Арво говорил ещё в 1972 году на дискуссии в «Вопросах литературы»...

«Отталкиваясь от литературной условности, свободный стих находит новые средства выразительности в обнажённой правде, в истинности и подлинной поэтичности содержания, в свободной, естественной, ничем не скованной человеческой интонации».

Особенное место в его творчестве занимает любовь. Отношение к девушке. Любовная лирика, любовь не только к женщине, любовь к ребёнку, к людям, окружающим поэта, к природе.

Тонкое отношение к девушке, можно сказать, трепетное. Восхищение таким созданием, как девушка. Целомудренное отношение к девушке. «Девушки гораздо тоньше поэтов...». Все эти девушки в стихах радуют, трогают.

*Вечерами девушки
шли на танцплощадку,
перепрыгивая через канавы,*

*туфельки бережно неся
в ладонях,
словно капельки счастья.*

«Сентиментальность в его стихах почти всегда сопровождается иронией. Но не злой, а мягкой, чуть грустной... Пример тому — отличная миниатюра «Молодые девушки», — пишет Сергей Наровчатов в предисловии к первой книге.

Арво тонкий поэт-лирик. Иногда о любви не сказано ни одного слова.

*Нет огня.
Ты спишь.
Или не спишь...
Утром следов не найдёшь.
Остались под снегом.*

Мы понимаем — стихотворение о любимой. Одно из лучших стихотворений «Больше всего люблю тебя босую...» отмечал Сергей Наровчатов как истинную поэзию.

*Золотое облачко
поплыло
мимо окна.
Засветлели
все стены комнаты.*

*На крылечке —
жёнушка моя.*

*Умею ли я
ценить
каждый миг
счастья
быть с тобой
и с детишками»*

Жена, дети, пелёнки. Редко кто из поэтов находит в этом вдохновение. Но поэт философски осмысливает мир.

*Вешая пелёнки
на балконе
вдруг останавливаешься,
ошеломлённый мирозданием.
У кончиков пальцев
мерцает звезда.*

И опять вольная или невольная тайная цитата. Звезда приводит к младенцу.

*В голубой коляске
лежит он
с соской.
В тихих глазах
отражаются небо
и птицы,
плывущие высоко.
Наклонившись,
я вдруг увидел
самого себя –
в стареньком пальто.*

Это удивительно, но стихотворение написано до рождения наших детей. Прозрение в будущее?..

Вообще, синь, цвет неба притягивал его.

*Синий и белый февраль...
Я не знаю сам,
почему иду к берёзе
и смотрю вверх,
в небо.
Стою и стою...*

Когда Арво болел, он всегда смотрел на небо, просил не загораживать небо. Помню, как прилетел белый голубь и несколько дней кружил перед окном, помню грустные глаза больного Арво, следящего за полётом голубя, освещённого солнцем. Летал, пока Арво не выздоровел. Наверное, это было чудо!

Совершенно особенное отношение поэта к Андрею Рублёву. Стихотворение «Троица» Рублёва, о котором говорила в начале заметок, написано до 1965 года. Через пару лет после 1000-летия крещения на Руси появляется тема Рублёва как надежда.

*Рублёвская синь
просвет
в тёмных тучах*

*Ру... си
свет
Уу*

*Душа
вновь узрит
лазурность
и необъятность
небосвода
Руси*

*у
у
усть
сь
с
Руси*

В этом стихотворении ярко проявляется звучание слов. Ру-у-сь синь. Почти в каждой строке слышится отзвук слова **Русь**. Рублёвская синь — **Руси**. Само слово «синь» звучит как высокий звенящий звук «дзинь», уходящий в небо. Летящая пауза, глубина синевы, лазурности и постепенное понижение голоса на весь возможный диапазон к долговому низкому звуку «у-у-у». «Необъятность небосвода ощущается зримо. Вот оно гудение колоколов, наполняющее небосвод, идущее ввысь.

В XIX веке Достоевский, пытаясь примирить два враждующих лагеря (моралистов и эстетов: для одних Некрасов не поэт, для других — Фет не поэт) в своих статьях объединял эти направления «художественностью».

Действительно, без художественности пользы не может быть (так утверждал Достоевский), но художественность во вред всё же бывает. Арво Метс уточняет: главное — «Высота нравственного идеала». В поэзии и Фета, и Некрасова присутствует эта высота идеала. Противоречия нет.

«В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого всё здание будет построено на песке. Но выражается оно не в виде моральных сентенций или призывов, а через высоту нравственного идеала».

Как-то Арво сказал, что искусство призвано напоминать нам о Боге. Это и та отзывчивость на всемирную литературу, о которой говорил Достоевский. Русский человек всегда чувствует правду и стремится к полноте истины. И произведения других народов, в которых присутствует Бог, начинает считать как бы своими родными. Роман «Дон Кихот», который автор задумывал как сатиру на рыцарство, героем своим Дон Кихотом ожил и повёл автора к «Божией правде». «Ржавая кольчуга Дон Кихота...»

Свободный стих несёт в себе два начала — поэтическое видение мира и философское осмысление его. В своих лучших стихах Арво Метсу удаётся достичь единства этих двух начал. «Молодые девушки», «В старом деревянном доме...», «Вешая пелёнки...», «Таинственный неба чертёж...», многие его молитвенные стихи, стихи о назначении человека, о смысле жизни. Блок не случайно в одном из своих философских стихотворений «Когда вы стоите на моём пути...» о двойственной роли поэта, о жизни, прибегает именно к форме свободного стиха. Арво разбирает это стихотворение в своей статье «Размышляя о верлибре».

В статье «Символы красоты у русских писателей» Иннокентий Анненский рассматривает взаимодействие с красотой Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого. Если посмотреть отношение Арво к красоте, то Арво с красотой в ладу. Она не давит на него, не пугает, не завораживает. Он не считает её «вызовом», не видит в ней «греха», не считает своей «добычей». Он любит красоту. Даже размышления о красоте не разрушают красоту. «Хочу смыть твою красоту... Когда появляешься — ты прекрасна».

Может быть, ответ в том, что красоту Арво видит в гармонии мира. Красота, не приносящая радость душе, отталкивает. (Из неизданных):

*Ноги –
одно загляденье,
а внутри
сердца,
железные
и глухие.*

Статья Арво Метса о двух верлибрах Блока, написанных в один день, проливает свет на его собственное отношение к красоте. Сложные взаимоотношения Александра Блока с Н. Волоховой. Блок развенчивает в конце концов этот так его мучивший образ. Арво видит одну из причин развенчания в несовпадении внутреннего мира Блока с героиней многих его произведений, отсутствие духовной связи, которая была у Паоло и Франчески («Она пришла с мороза...»). Он приходит к такому выводу через другое стихотворение «Они читают стихи...»:

*Но для меня неразделимы
С тобою — ночь и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм весёлых огоньки.*

«Здесь мы находим ещё одно (первое доказательство Арво делает из разбора стихотворения «Она пришла с мороза...») неоспоримое доказательство того, что для поэта превыше всего были **единство, неразрывность мира. Гармония любви и поэзии, жизни и культуры**». Всё это очень важно для самого Арво.

При этом он считал, что отношение к самой культуре должно быть нравственным. В этом он в корне расходился с теми поэтами, писателями, которые относились к русской культуре потребительски. Он вёл внутренний спор с теми, кто использовал русскую культуру, не проникаясь ею, и при этом не любили ни страну, ни людей. Я не знаю, кого конкретно имел в виду Арво в стихотворении «Глядя на поздние обезьяньи выверты именитых поэтов...», но тяжело было видеть отступничество от русской литературы, культуры многих писателей, поэтов всегда именовавших себя «русскими писателями», тяжело было читать их высказывания о людях, погибших в 93-м году.

Тяжело видеть в рекламе стареющую поэтессу (всё это не вязалось со стихами, с «образом лирической героини» её стихов — ну ладно бы, от нищеты...).

Сам Арво стал русским поэтом внезапно, вдруг «судьба настигла его», когда все вокруг отреклись от этого высокого «звания».

*Я и сам не знаю,
как меня
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта.*

*...Со всеми
вытекающими последствиями».*

Хочу остановиться на отношении Арво к А. С. Пушкину. Он неизменно брал с собой на лето том поздних стихов Пушкина. Письма Пушкина перечитывал неоднократно. Думаю, что восприятие Пушкина у Арво было сродни блоковскому «Наша память хранит с малолетства весёлое имя Пушкин... лёгкое имя Пушкин, несмотря на то, что роль поэта не лёгкая и не весёлая, она трагическая».

*Пушкин –
это когда
после долгих странствий
возвратился домой.*

*Пушкин –
это когда
дышится легко.*

Стихи о Пушкине. Всего их набралось, прямо обращённых к Пушкину, пять, а сколько связано косвенно с судьбой поэта. Возникла подборка, двадцать восемь стихотворений «Судьба русского поэта». Собрала её в 1998 году я, когда думала о судьбе Арво.

Хорошо известны слова Пушкина:

*Тьмы низких истин мне дороже
нас возвышающий обман...*

но редко вспоминают строки, которые идут за этими. Именно их дважды отчеркнул Арво в томе Пушкина.

*Оставь герою сердце... что же
он будет без него? Тиран...*

Сердце, сердечность поэзии Арво. «И чувства добрые я лирой пробуждал» для Арво не были пустым звуком.

Неизданные стихи — это отдельная глава жизни Арво. Трагическое в его поэзии, преодоление дисгармонии. Праведные труды. Естественный аскетизм. И в ранних стихах.

*Куда я вас приглашу?
В келью мою...*

«Нам ли слава нужна...». Аскетизм в поэзии, аскетизм в жизни — «А много ли человеку нужно?..», аскетизм в слововыражении — способность с помощью нескольких слов, несущих в себе концентрированную энергию, донести до читателя чувство, мысль, а то и целый мир поэта. Думаю, в данном случае уместно будет привести слова Гоголя — они как нельзя лучше определяют поэзию Арво Метса: «... всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё».

Путь его был светел. Стремление к духовной чистоте. Стихотворение «В старом деревянном доме» начал писать в молодости, действительно в деревянном доме, окончательный вариант пришёл через многие годы в Москве: «... хочу получить грамм чистого будущего».

Очищение мира через преображение, с Божьей помощью. «Золотые купола...», «Очиститься бы...».

Очистить стекло, промыть. «Свежее незамутнённое видение мира...». Вернуться к сути, увидеть смысл явления. Увидеть, осознать, претворить в слова. Постигать истину. Серафим Саровский говорил, что цель молитв не сама молитва, а стяжание Святого духа. Причём, он считал, что и мирской человек может в этом преуспеть. Большая репродукция «Троицы» Рублёва всегда висела в комнате Арво. Эта одухотворённость, теплота, лиризм присущи поэзии Арво Метса, лучшим его стихам.

Счастливый смех ребёнка колокольчиком отзывается в душе, когда читаешь:

*В июльских травах
еле мелькают
наши головы.*

*И звонко хохочет
мой малыш.*

Рождается молитва за Россию.

*Пречистая
Божья Мать,
излей Твой
небесный елей
на гнойные раны
России!*

Арво всегда держал себя очень строго. Был немногословен. Из заоблачных высот сам себя опускал на землю. Не разрешал забывать о самом главном. «После поэтов, не любящих простоты, я хочу — к её истокам».

Арво не убивал своей поэзией аромат цветка. Он продлевал его...

*Кто-то спасёт наше лицо,
соберёт соль слёз,
золотую пыль улыбок...*

*А цветы
нужно нести домой
в своей душе.*

Неуловимость момента прекрасного, трепетность жизни. Его душа вмещает богатый мир, который мы слышим, видим, чувствуем в его стихах. И это главное.

Наталья МЕТС

ИЗ КНИГИ «В ОСЕННИХ ЛЕСАХ»

* * *

Тихо стрекочут часы.
Мы вдвоём.
Я
и твои огромные глаза.

Мы встали в длинную очередь
за счастьем.

* * *

По улице идёт женщина –
круглая,
прозрачная,
как антоновка.
Она несёт в себе человека.
Счастливы женщины,
носящие в себе будущее!

* * *

Тихо уснули сопки.
Росинки отражают
звёздный свет.
Тёмные листья
начинают песню ночи.
Пахнут
будущие грибы.

* * *

Безденежный человек
ходит по городу.
Туманные звёзды
дрожат на морозе.

Безденежный человек –
безрукий человек,
безногий человек,
безглазый человек.

В городе зажигаются огни,
и все видят –
у безденежного человека
голубые глаза.

Это не помогает.

* * *

Девушки ткут голосами
звонкую пряжу.
Песня замирает,
если чьи-то шаги
приближаются к двери.
Девушки поют,
заманивают к себе.

* * *

После поэтов,
не любящих простоты,
я хочу — к её истокам.
Хочу домой,
где отец-садовник
и собирает книги.
Мать моя всё полнеет
и задыхается –
будто несёт на себе
меня, мою поэзию,
запутанную жизнь и поиски.

* * *

Весь день
я искал одиночества,
чтобы слушать тебя.

Ты гудишь во мне,
как орган
в высокой церкви.

* * *

В огромном городе
столько красивых девушек...
Любуюсь ими без усталости.
Иногда улыбаются мне.
И я вполне счастлив.
И только к вечеру замечаю,
что остался один.

ТАЛЛИНСКИЕ КАМНИ

*Безымянным строителям
церкви Олевисте*

Когда здесь ходят,
эти камни
гулко молчат.
Мечты и стоны людей
замурованы в них.
Эти камни –
кляп во рту
у веков.
Но руки свободны.
И человек творил.
Мечты и силы
собраны в фокус,

чтобы уйти
из плена вещей.
Острые шпили
подымались к небу,
предчувствуя смутно
стройность ракет.
Но горячего не было.
И под сводами
прозвучал хорал.
Это люди,
честно перешедшие
в камень,
потому что так
приказала эпоха.
Их не видно.
Но они есть.

* * *

Исчезаю в весне,
в толпе,
в лужах,
в синеве.
И не ищите.
Мне так хорошо...

ТВОИ ВОЛОСЫ

Когда распускаешь волосы,
вдруг исчезаешь за ними
и ускользаешь куда-то,
куда мужчине нет доступа.
Там ты, наверно, и заклинаешь,
чтобы мне было хорошо.

* * *

Незримый,
разъярённый зверь
рычит в темноте
ночных аэродромов.

Это время
требует властно
нашей плоти,
крови и нервов.

* * *

Вешая пелёнки
на балконе,
вдруг останавливаешься,
ошеломлённый мирозданием.

У кончиков пальцев
мерцает звезда.

* * *

Маленькое пёрышко
спускается с неба.
А птицы не видно.

* * *

Даже и мне
было немного не по себе,
когда двое с ружьями
и с собакой
начали медленно приближаться.

Но каково
диким уткам?

* * *

Род
за родом
цветёт,
быстро бросает семя
и уходит.

Цель жизни –
в жизни?
Или кто-то собирает
золотые зёрна?

* * *

Маленький клён
я освободил
из-под упавшего дерева.

В знак благодарности он,
выпрямившись,
укрыл меня
от посторонних взглядов.

* * *

Мою седину
уже не разглядишь
среди цветущих вишен.

* * *

Лето
обрушивает на нас
водопады
живительного
зелёного света.
Лечит раны
огромными,
как блюдца,
листьями подорожника.

* * *

Как много людей,
в которых умерла
душа...
И они превращаются
в роботов.

Их выдаёт серый,
металлический блеск
в глазах.

* * *

Девушки,
с виду
неприступные крепости.

Не всякий ведает,
сколько смятения
за высокими стенами.

* * *

Из моего тощего кошелька
силой сверхмощного насоса
вытягиваются последние гроши
в чью-то
гигантскую мошну.

* * *

Нам ли слава нужна?
Мне б только
настольную лампу.
И умную книгу
далёкого века.
Буду тянуть её,
как вино.
Ну и, конечно, ты.
Без тебя всё рушится.

* * *

Хотите,
я уведу
ваших невест,
прочитав им
стихи?

Я уведу их
только в мечту.
А спать они будут
с вами.

* * *

Мама учила меня,
когда я был маленьким:
после купания
сперва надевай тёплую майку
и потом трусы,
тогда не простудишься.

Мама уже в земле,
а продолжает заботиться
обо мне.

* * *

Лилипуты
так опутали Гулливера,
что при малейшей попытке
освободиться
верёвки ещё туже
врезались в тело.

...Это я думал,
читая письма
Пушкина.

* * *

И. Б.

Эти стихи
написаны гипсовой маской
(или голым черепом),
которой всё равно
в какой точке глобуса
обитать,
презирая
живых.

* * *

Пречистая
Божья Матерь,
излей Твой
небесный елей
на гнойные раны
России!

* * *

Благодарю Тебя,
Боже,
за ещё один день.

За этот сад,
весь залитый солнцем.

У ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЫ

От редакции: Наш уважаемый автор, критик, публицист и литературовед Пётр Иванович Ткаченко завершил очень важную и серьёзную работу, касающуюся не только внутренней жизни Русской Православной Церкви и сложной истории её взаимоотношений с государством, но и того, что происходит с нашим обществом сегодня — действительно ли оно возрождается духовно и нравственно вместе с возрождением храмов. «Аргатак» публикует сегодня с незначительными сокращениями только первую часть большой и полемической статьи. Наверное эта публикация вызовет дискуссию, разнополярные мнения, в чём не сомневается и сам автор. Вот что он говорит по этому поводу:

«Я надеюсь на то, что читатели правильно поймут меня и не расценят мои посильные и трудные размышления у церковной ограды как упреки Русской Православной Церкви и, тем более, как критику её. Ни в коем разе. Во-первых, противников у нашей Церкви и без того хватает. Во-вторых, действуют они иначе, как еретики: внешне ведут себя благопристойно, но ненавидят Христа и Русскую Православную Церковь тайно. Я, православный, крещённый во младенчестве, пытаюсь защитить свою Церковь, в равной мере стремясь и к послушанию, и к истине. Ведь если послушание становится выше истины — это верный признак какого-то неблагополучия. Бог на Руси всегда был в правде — сказано и подтверждено временем задолго до нас...»

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.
А. С. Пушкин, «Борис Годунов»*

1

Приближалось тысячелетие крещения Руси – событие огромной значимости и важности в истории и судьбе русского народа. Как теперь припоминается, нельзя было сказать, что к нему не готовились или оно как-то замалчивалось. Но воспринималось оно в общественном сознании не в том значении, какое имело в действительности. И это было вполне понятно. Как могли люди осознать в полной мере весь смысл и значение этого события после стольких десятилетий господства материализма и атеизма на официальном, государственном уровне, подавления исконной веры народа заморской идеологической схоластикой, которую и философией-то нельзя назвать в полном смысле этого слова...

Может быть, в своём истинном значении это событие не было тогда воспринято и потому, что уже подспудно и незримо в стране назревали большие перемены. Готовилась новая, очередная смута в России, закончившаяся потом «демократической» революцией. Как и всегда, как и во все времена, значительной частью людей воспринимаемая не как бедствие, а как избавление от чего-то, что якобы мешало им жить. Такова уж психологическая особенность всех этих больших перемен. С запоздалым, разумеется, раскаиванием, когда ничего поправить уже невозможно.

Кто полагает, что смуты в России случаются по некоей предопределённости и неизбежности, что они свойственны народу нашему по определению, по самой его, как теперь говорят, ментальности, — пусть пребывает в этом своём убеждении. Но нам, ставшим свидетелями очередной смуты в России, выдаваемой, разумеется, за «перестройку» и нескончаемые «реформы», видевшим то, как и почему она делается, сомневаться в том, что в значительной мере она была рукотворной и преднамеренной, не приходится.

Начинались всяческие «возрождения», которые в действительности обернулись новым нравственным и культурным падением личности и общества, деградацией государственной и хозяйственной жизни страны. Но тогда это было очевидно далеко не многим...

Идея возведения храма на Борисовских прудах в ознаменование тысячелетия крещения Руси возникла ещё в июне 1988 года, но реальное воплощение получила лишь в 2001 году, когда было принято постановление мэрии и проект строительства благословлен тогдашним Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Но ранее, ещё задолго до начала строительства этого юбилейного храма, я как-то решил пройти от своего приходского храма Святой Живоначалной Троицы в Борисове — небольшой церквушки на берегу Борисовских прудов, тогда восстанавливаемой, через Каширское шоссе в Царицыно. Там-то, бли-

же к Царицынским прудам, я и увидел закладной камень, надпись на котором говорила о том, что здесь будет возведён храм в честь тысячелетия крещения Руси, чему не мог не порадоваться.

Прошло время. И с некоторым удивлением я узнал, что строительство храма в честь тысячелетия крещения Руси будет производиться не на том месте, где был установлен закладной камень. А у Борисовских прудов. У самого Каширского шоссе, у моста через Борисовские пруды в направлении микрорайона Сабурово, в непосредственной близости от многоэтажных жилых домов. На месте предстоящего строительства храма был установлен деревянный крест.

Конечно, озадачивало то, что храм начинали возводить не на первоначально предполагаемом месте. Но чтобы разобраться, в чём тут было дело, и прийти к какому-то выводу, надо было иметь факты. Я же знать их не мог. Значит, перешли там, в верхах, — подумалось тогда. Хотя для такой перемены вроде бы и не было причин. Словом, тогда мне осталась неведомой та сила, которая почему-то переместила строительство храма с одного места на другое.

Сооружение храма производила Балтийская строительная кампания (БСК). Аббревиатура кампании запечатлена, надо полагать, на века, на мосту через овраг, ведущему от храма к Каширскому шоссе. Хотя мне трудно представить, о чём может поведать эта аббревиатура человеку лет эдак через сто... Много ли аббревиатур мы помним сегодня, коими была пересыпана речь, скажем, в двадцатые годы миновавшего века...

Строительство велось довольно быстро, как говорится, в ударные сроки.

Однако возведение храма на новом месте началось со скандалов — протестов людей против этого строительства. Ведь не надо было быть ни архитектором, ни градостроителем, чтобы заметить то, сколь неподходящим было это новое место для столь знаменательного, а стало быть, и величественного храма. Небольшой взгорок почти на самом спуске к Борисовским прудам. Место, окаймлённое глубокими оврагами в непосредственной близости от предполагаемой стройки. У самого Каширского шоссе, день и ночь гудящего потоком машин. В недопустимой близости от многоэтажных жилых домов. Ведь это место когда-то, ещё до Бориса Годунова, так и называлось — Овражки.

Протесты людей, к сожалению, дошли до кощунства. Кто-то повалил крест, установленный на месте будущего храма. В любом случае это было уже запредельным. Как писали тогда газеты, «многочисленными акциями протеста откликнулись жители муниципального района «Орехово-Борисово Северное» Южного административного округа Москвы на известие о принятом 13 февраля правительством Москвы решении построить на берегу Борисовских прудов храм во имя Живоначальной Троицы... Жители микрорайона организовали ряд стихийных акций протеста против этих планов столичных властей, во время одной из которых, 27 февраля, ими был спилен деревянный крест на месте строительства храма. Участники акции забросали камнями и мусором строительную площадку... 7 марта Союз православных граждан (СПГ) призвал москвичей восстановить поруганные святыни, установить дежурство, чтобы не допустить новых кощунств, добиться, чтобы строительство храмового комплекса в Орехово-Борисове было осуществлено в срок (то есть к апрелю

2002 г.) Однако СПГ до сих пор не смог организовать ни одной массовой акции «православных граждан», и теперь восстановление креста будет произведено за счёт БСК». (НГ — религия, 14.03.2001).

Истинно православных в защиту строительства храма на этом месте тогда почему-то не нашлось. Теперь же, когда прошло время, думается и о том, что, может быть, эти протесты людей против строительства храма на этом месте были вызваны не только житейскими неудобствами, не только тем, что стройка подступала к самым окнам многоэтажного жилого дома, и уж тем более не соображениями атеистическими, но и теми причинами, которые они угадывали интуитивно, не умея их выразить, и которые открываются мне столь запоздало...

Но на этом злоключения вокруг строительства нового храма не закончились. Уже почти возведённый храм накануне Троицы вдруг загорелся. Загорелся рано утром — о чём рассказывают очевидцы. И я не склонен в этом несчастии выискивать какую-то криминальную причину. Во всяком случае видеть в нём происки неких атеистов, для которых дороже день Первого мая и которые знать не знают, на какой день приходится праздник Святой Троицы, нет оснований.

А потому в этой трагедии более всего и поражало то, что храм во имя Живоначальной Троицы сгорел именно накануне Троицы... Согласимся с тем, что в таком совпадении маловероятно, чтобы причиной пожара стали атеистические настроения людей. Может быть, здесь вмешались некие высшие, нашим бедным разумом не постижимые силы... Кстати сказать, храм этот горел дважды.

Что-то здесь было неладно. Ну, в самом деле, задумано такое благое и грандиозное дело, как сооружение храма в честь тысячелетия крещения Руси. И вместо, если не всеобщего ликования, то понимания, вдруг — происходят протесты... Проще всего было бы объяснить это непросвещённостью и отсталостью людей, народа, как у нас обыкновенно и уже издавна делается. Но это само по себе несправедливо и лукаво. Хорошо ведь известно — кто со своей «высоты» опускается к народу, тот неизбежно проваливается...

И потом, поражают причины, по которым народ обвиняется в «непросвещённости». То он «консервативен» и «непрогрессивен» из-за своей глубокой веры, то — из-за своего безверия, после того как веру в нём выколачивали в поколениях...

Что же за борения, что за брань тут происходила? Брань духовная неотвратимо и незримо совершается в душе человеческой, в его сознании, в его помыслах, то есть в его внутреннем мире. Но мы поступили бы опрометчиво, если бы игнорировали её внешние проявления.

Здесь незримо сошлись, в чём я потом убедился, может быть, самые главные духовные и мыслительные пути нашего бытия. И не только нашего трудного прошлого, но и современности. Причём, постичь их можно было только во временном развитии, держа в сознании весь наш трудный народный и государственный путь, а не только его отдельные этапы. Тут был бесполезен навык историка, старательно коллекционирующего факты. Может быть, это и было возможно только через те «долгие думы», которые остаются во времени неизменными и о которых писал А. С. Пушкин: «Учусь удерживать внимание долгих

дум...». Собственно, это и есть мои посильные «долгие думы» у церковной ограды, от которых никуда не деться, никак не увернуться, если, конечно, мы хотим видеть Россию великой, не растерзанной мировой «цивилизацией»...

Когда же храм Живоначальной Троицы у Борисовских прудов в честь тысячелетия крещения Руси, имеющий статус патриаршего подворья, был воздвигнут, меня озадачило то обстоятельство, что он был явно — в византийском стиле. Почему это озадачивало, об этом — ниже. Другое же обстоятельство меня просто поразило. Не могло не поразить своей предельной определённой. В архитектуре храма были допущены такие отступления, которые нельзя было считать случайными. Слишком уж они были очевидны и значимы. В это не хотелось верить, но и не задаться вопросом о том, почему сделано так, а не иначе, было невозможно. Отступления же эти сводятся к тому, что двуглавые орлы под куполом храма, направленные во все четыре стороны света, представляющие собой Российские гербы, были лишены символов государственной власти — *скипетра и державы*... И — хищно растопыренными когтями направлены на прихожан... Собственно, это было не архитектурное отступление, а геральдическое нарушение, которое, конечно же, не могло быть случайным, не могло быть недосмотром или попустительством.

Храм Живоначальной Троицы в Орехово-Борисове

Я надеюсь на то, что читатели правильно поймут меня и не расценят мои посильные и трудные размышления у церковной ограды как упреки Русской Православной Церкви и, тем более, как критику её. Ни в коем разе. Во-первых, противников у нашей Церкви и без того хватает. Во-вторых, действуют они иначе, как еретики: внешне ведут себя благопристойно, но ненавидят Христа и Русскую Православную Церковь, тайно. Я, православный, крещённый во мла-

денчестве, пытаюсь защитить свою Церковь, в равной мере стремясь и к послушанию, и к истине. Ведь если послушание становится выше истины — это верный признак какого-то неблагополучия. Бог на Руси всегда был в правде — сказано и подтверждено временем задолго до нас...

Я понимаю всю невыгодность и даже уязвимость при этом своего положения. В то время, когда говорится столько правильных и, во многих мере, справедливых слов о возрождении Русской Православной Церкви, о возвращении народа к своей исконной вере, без чего благонамеренное житие просто невозможно, я ставлю перед собой и перед читателями эти трудные вопросы.

Но, как уже совершенно очевидно, все виды «возрождения» в России в «реформаторские», точнее, в революционные «демократические», годы закончились своей противоположностью. И тут я прихожу в некоторое смущение: а как в действительности происходит возвращение людей к своей исконной вере? Но даже не этот вопрос сам по себе смущает. Слава Богу, что храмы по всей России восстанавливаются, что люди, вроде бы, возвращаются в них. Но когда я наблюдаю некий восторг, что ли, в связи с тем, что открытые гонения на нашу Церковь наконец-то прекратились и началось духовное возрождение, я не могу не соотнести это с бедственным положением народа — демографической катастрофой, о чём говорят честные учёные, устойчивым вымиранием народа, его нищетой, духовной растерянностью, по сути, отлучением его от традиционной народной культуры и великой русской литературы, как формы народного самосознания. Сосуществовать столь противоположные оценки состояния общества и народа не могут. Иначе у нас получается духовное возрождение само по себе, а действительное состояние народа — само по себе, к нему отношения вроде бы и не имеющие.

Кроме того, прямые гонения на церковь закончились ведь давно, ещё в «застойные» годы, а вовсе не в «демократические» революционные времена. Да и подавление народной веры может быть не только в виде открытых гонений и прямых запретов, но может иметь и иные, более изощрённые формы.

В наше время, по всей видимости, начались уже другие процессы, о которых можно сказать стихами замечательного поэта Сергея Хохлова:

*Какая страшная эпоха!
Хоть вой, а нету ничего...
Спасибо, нам вернули Бога
Ниспровергатели Его.*

В конце концов, я пришёл к выводу, что по логике совершённых геральдических нарушений этот храм должны были возвести именно в Южном округе Москвы, именно в Орехово-Борисове. Ведь, казалось бы, он мог быть построен и в другом районе столицы... Нет, не мог. Логика геральдических нарушений подсказывает, что храм должен быть связан с именем Бориса Годунова, в результате деятельности которого пресеклась царская династия, произошла гибель царского Дома и началась смута... Так что храм этот всем своим обликом отражает не столько тысячелетие русской святости, сколько крушение

великокняжеской, царской династии и государственности... Разве результаты «царствования» Бориса Годунова не отражены, не запечатлены в архитектуре храма, точнее, в его указанных геральдических отступлениях?.. Такое совпадение смыслов — итогов «царствования» Бориса Годунова и, скажем так, — архитектурных «особенностей» храма является неоспоримым свидетельством их символической связи.

Видимо, кому-то понадобилось связать место строительства храма, символизирующего тысячелетие православия в России, с именем Бориса Годунова, сохранившемся в топонимике: названии прудов — Борисовские и района — Орехово-Борисово, — для того, чтобы провести и утвердить в нынешнем общественном сознании всё ту же «долгую думу» — совершить наглядно-показательное и даже демонстративное, на виду у всех православных, лишение России символов государственной власти. И тем самым недвусмысленно сказать гражданам о том, какие идеи сегодня в ходу, преобладают и господствуют в обществе. Вероятность простого совпадения здесь ничтожна...

В таком случае храм этот посвящён смуте и падению русской государственности или же всё-таки тысячелетию русской святости? Как теперь не задаться этим вопросом...

Предвижу даже иронию: неужто вы полагаете, что некто всё это просчитывает и умышленно устраивает? А, может быть, ещё скажете, что это просчитывается в каких-то заморских высокооплачиваемых центрах по политическому заказу? Зная трагическую историю миновавшего революционного двадцатого века, нельзя исключать и этого. Так что ирония тут неуместна.

О, как о многом может нам рассказать топонимика — названия тех или иных мест, каким-то, кажется, чудом сохраняющиеся в веках. Дробится камень, тлеет пергамент, горят рукописи, и только мерцает, светится из глубины веков слово даже тогда, когда, кажется, никаких надежд ни на что уже не остаётся...

Всегда удивлялся этому странному названию микрорайона у Борисовских прудов — Сабурово. Что-то таинственное, татарское тут тайлось. Но оказывается, что оно связано с водворением рода Годуновых на Руси.

Выдающийся великий князь Иван III Васильевич, которого нам послало само Провидение, который, как пишет историк, «не измерял веком своим века России, смотрел далее гроба и хотел жить в величии», создавший державу и процарствовавший сорок три года и семь месяцев, «Герой не только Российской, но и Всемирной истории», предвидя свою скорую кончину в возрасте чуть более шестидесяти шести лет, предпринял срочные меры для сохранения дела своей жизни. Надо было женить сына, наследника Василия. Искать заморских невест уже не было времени. Выбор молодого князя пал на Соломонию, дочь довольно незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, выходца из Золотой Орды. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин делает сноску, свидетельствующую о том, что водворение рода Сабуровых на Руси было связано и с появлением и возвеличиванием Годуновых: «6838 (1330 г.) приде из Орды Князь Чет, а по крещении Захария, а у Захарии сын Александр, а у Александра сын Дмитрий Зерно, а Дмитриевы дети Иван да Константин

Шея, да Дмитрий, а у Ивана Димитриевича Зернова дети Фёдор Сабур, да Иван Годун».

Князь Василий III женился 4 сентября 1505 года. Митрополит венчал его в Успенском соборе. Но брак его с Соломонией Сабуровой оказался неудачным. Прожив двадцать лет, они не имели детей. Трон оставался без наследника, что не могло не тревожить великого князя, так как это было чревато потрясениями, неизбежно вызываемыми в таких случаях борьбой за власть. И тогда Василий III поступил так, как ему ответствовали бояре: «Государь! Неплодную смоковницу посекают: на её месте садят иную в вертограде». Соломония была насильственно пострижена в Рождественском девичьем монастыре, увезена в Суздаль и там заточена в женской обители.

Надев ризу инокини, Соломония торжественно сказала: «Бог видит и отомстит моему гонителю». Так и произошло. Через два месяца Василий III к изумлению бояр женился на княжне Елене, дочери Василия Глинского. Бояре никак не думали, что род чужеземных изменников может удостоиться такой чести...

Перед смертью Василий III объявил трёхлетнего сына Иоанна наследником под опекою матери, Елены Глинской, и бояр до его пятнадцатилетнего возраста.

Елена же «вдруг» скончалась 3 апреля 1538 года...

Эта, столь значимая страница в истории нашего Отечества, связанная с водворением на Руси рода Годуновых, и сохранилась в названии микрорайона Москвы — Сабурово, уже мало о чём говоря беспечным и суетным нашим современникам.

Возвышение молодого Бориса Годунова, зятя Малюты Скуратова, началось ещё при Иване Грозном. Как отметил историк, любовь Государя к Скуратову «начала тогда возвышать и благородного юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Иоаннова, Бориса Фёдоровича Годунова, в коем уже зрели великие добродетели государственные и преступное властолюбие».

Феодор Иоаннович, как известно, к государственной деятельности оказался не склонен и не способен. Он только и искал того, кому бы передать непосильный ему груз власти. Рядом же был шурин Борис Годунов — умный и хитрый, представительный и коварный.

Борис Годунов находился тогда в полном цвете жизни, в полной силе телесной и душевной, имел 32 года от рождения, «отличался величественною красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким...».

Борис Годунов владел немислимыми богатствами. Среди его царств и вотчин историк поминает и «все прекрасные луга по берегам Москвы-реки». В том числе и то место, где теперь находится храм Живоначальной Троицы: «Феодор осыпал своего шурина, дав ему всё, что подданный мог иметь в самодержавии: не только древний знатный сан конюшего, в течение семнадцати лет никому не жалованный, но и титул ближнего великого боярина, наместника двух царств, Казанского и Астраханского. Беспременному сану ответствовало и богатство беспременное: Годунову дали, или Годунов взял себе лучшие земли и поместья, доходы области Двинской, Ваги, — все прекрасные луга на берегах Москвы-

реки, с лесами и пчельниками... богатство, какого от начала России до наших времён не имел ни один вельможа».

Всё, казалось, было при Борисе Годунове — и ум, и богатство, и умение управлять державой, которой он уже давно управлял. Не было только царского происхождения и ещё — самого главного, без чего жизнь на Руси управляться не может: «Борис не имел только... добродетели... видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели». А без добродетели, без благодати в России и закон не действует...

Царский скипетр, сделанный из драгоценного китового зуба, казался ему таким достижимым, что ради него он пошёл даже на убийство царевича Дмитрия в Угличе. Но скипетр не только ему не дался, но вообще выпал из царских рук, свергнув державу в длинную смуту...

Как совершенно справедливо писал Н. М. Карамзин, имя Годунова «в течение столетий было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия».

К сожалению, нынешние декларации о духовном «возрождении» России при духовном упадке народа даже, вроде бы, серьёзными исследователями принимаются, что называется, за чистую монету, без анализа действительного положения вещей. Доктор философских наук Борис Славин, к примеру, пишет на страницах «Литературной газеты» о том, что православие теперь является одной из важнейших опор государства: «Что касается православия, то оно рассматривается высшей властью как одна из важнейших опор государства наряду с «суверенной демократией» и ядерным потенциалом страны» (№ 23, 2009). Что имеет в виду философ — декларации о православии или же его настоящее, истинное состояние? Так декларации сами по себе ничего не значат, а лишь усыпляют общественное сознание.

Если у власти или у правящей «элиты» даже и было вполне естественное намерение видеть в православии одну из важнейших опор государственности, то следует признать, что пока у неё это не получается, что какие-то обществу незримые силы переигрывают её, перехватывают инициативу и навязывают свои понятия всему народу. И об этом убедительно свидетельствует храм Живоначальной Троицы, антигосударственная символика которого представлена с каким-то даже вызовом, — и обществу, и власти.

Или те, у кого оказались средства в результате «демократической» революции в России, с точки зрения мировоззренческой, государственной, да и интеллектуальной, оказались людьми просто несостоятельными...

Ведь власть, управляющая подданными вне их исконной веры, вне народной культурной традиции, без истории, литературы и философии — то есть вне того мыслительного поля, которое мы привычно называем идеологией, такая власть явно не вполне самостоятельна. Это верный признак того, что за неё управляет кто-то, а она лишь имитирует видимость управления...

Не может же она не отдавать себе отчёта в том, что за годы её правления в области образования, культуры, литературы «случилась катастрофа», как пишет Валентин Непомнящий, — «то ли по темноте,... то ли, прости Господи, умыслу»: «Если это деяние будет продолжаться и дальше, на месте, где была

Россия, возникнет некий вариант царства Великого Инквизитора; возможно, даже и «аукаться именем Пушкина в настоящем мраке» (Вл. Ходасевич, 1921) будет со временем некому. Настоящая же Россия уйдёт, как Атлантида, — или в никуда, или вместе с Пушкиным в «музыку сфер» («Литературная газета», № 23, 2009). Не прав ли ученый-пушкинист в своей обеспокоенности? Совершенно прав! Но совместимо ли в таком случае это с возвращением к своей истинной вере? Вопрос — риторический... Тут остаётся сказать разве что стихами истинного поэта из города Кореновска Краснодарского края Николая Зиновьева:

*Ужасная эпоха!
За храмом строим храм,
Твердим, что верим в Бога,
Но Он не верит нам...*

Но это место, где воздвигнут храм Живоначальной Троицы, связано не только с именем Бориса Годунова и результатами его «царствования».

Село Коломенское в русской святости и государственности, в нашей многотрудной истории занимает особое, выдающееся место. Уже в духовной грамоте 1339 года князя Ивана Калиты оно значится как родовое владение московских князей. Несколько столетий здесь была великокняжеская, а потом и царская летняя резиденция. Здесь останавливался со своим войском князь Дмитрий Донской, возвращаясь с Куликовской битвы. Это почти невозможно представить, но многовековые коломенские дубы помнят князя и его воинов...

Великий князь Иван III Васильевич особенно любил Коломенское, где он даже устроил свою постоянную резиденцию.

Традиционно считается, что церковь в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове была построена в 1529 году по повелению великого князя Василия III как молельный и обетный храм о рождении наследника. Как известно, Василий III двадцать лет напрасно ждал наследника и вынужден был пойти на беспрецедентный по тем временам шаг — развод с первой женой Соломонией Сабуровой.

Уникальный же Вознесенский храм в Коломенском считается благодарственным, воздвигнутым в честь рождения первого русского царя Ивана Грозного 25 августа 1530 года (по старому стилю).

Поскольку этот храм символизирует не только русское национальное храмовое зодчество, но является воплощением и выражением самобытной русской святости и духовности, на его феномене нельзя не остановиться. И тут не могу не сослаться на глубокую и обстоятельную работу Елены Лебедевой «Церковь Вознесения Господня в Коломенском» (на сайте: www.pravoslavie.ru): «Для понимания символично-архитектурного феномена Вознесенской церкви Коломенского следует обратиться к канонам градостроительной модели средневековой Москвы, осмыслявшей себя «Третьим Римом», и единственной наследницей Византии, и богоизбранной державой, призванной сохранить Православную Церковь, и центром мирового Православия. Средневековая Москва воспроиз-

водила в своём градостроительстве символы главных христианских цивилизаций — Иерусалима, Константинополя, Рима, преемницей которых ощущала себя, и образ Града Божия из Откровения Иоанна Богослова. Москва осмысленно устраивалась как архитектурно-градостроительная икона Града Божия — Небесного Иерусалима — и уподоблялась во образ Святой Земли, связанной с земной жизнью Господа Иисуса Христа.

В этой градостроительной модели «Третьего Рима» великокняжескому Коломенскому отводилась особая роль — символизировать иерусалимскую Елеонскую гору, на которой совершилось Вознесение Господне. Крупнейший православный исследователь Москвы М. П. Кудрявцев отмечал, что в Москве, в отличие от Иерусалима эта градостроительная ось развивалась не на Восток, а на Юг — от Кремля в Коломенское через Замоскворечье, которое, в свою очередь, было образом Гефсиманского сада. И сама архитектура белоснежного, стройного, гранённого, как кристалл, Коломенского храма, взмывающего в небо на высоком берегу Москвы-реки, символизировала Вознесение Господне».

В этом совершенно точном представлении следовало бы оговорить лишь то, что настойчивая апелляция к идее «Третьего Рима» не вполне оправдана. Хотя бы потому, что она никогда не была официальной государственной идеологией. Здесь важнее другое — то, что, сохраняя духовную преемственность, Россия обретала государственную самостоятельность и становилась хранительницей истинного православия.

Этот храм по праву называют «русской молитвой в камне». Ведь это был первый шатровый храм и до Ивана Великого в Кремле — самое высокое сооружение Москвы, достигавшее более шестидесяти метров. Но главное состоит в том, что в своей архитектуре Вознесенский храм в Коломенском знаменовал собой отход от традиционных византийских крестово-купольных храмов и переход к шатровым, в которых сказывался не только национальный архитектурный стиль, но и национальная идея. В нём воплощалась идея Российского государства как оплота и хранителя Православия. И вместе с тем символизировалась духовная и государственная самостоятельность России. В высшей мере примечательно и то, что освящал Вознесенский храм Вассиан (Топорков), племянник преподобного Иосифа Волоцкого, написавший житие преподобного, к которому обращался сам Иван Грозный за советом о том, как управлять государством.

Есть высший духовный смысл, заложенный в храмовом строительстве всего этого района столицы, — от Коломенского до Сабурова, Орехово-Борисова и далее до Братеева. И этот духовный смысл вовсе не является чем-то лишь историческим, лишь прошлым. Это — реальная духовная величина, определяющая и нашу сегодняшнюю жизнь. И в этом нас убеждает то, что на неё и сегодня совершается покаяние.

От Коломенского Вознесенского храма как некоего духовного центра пошло распространение шатровой архитектуры на юг, составив целую систему единого храмового комплекса: «Выдвинутые на самые бровки долины реки высокие шатровые храмы Спасо-Преображения в Острове, Ильи Пророка в Беседах, Иоанна Предтечи в Дьякове, Вознесения в Коломенском представляли

собой хорошо видимую цепочку храмов — «маяков». В этой общей композиционной структуре был и стоявший на самой высокой точке Братеевского холма храм Усекновения главы Иоанна Предтечи» («Храм в Братееве», «Московский журнал», № 8-9, 1997).

К этому стоит добавить важное обстоятельство, что теперь, когда многие храмы восстановлены, эта «цепочка храмов» перестала быть лишь символической и образной, но стала вполне зримой и реальной. В неё входит чудесный храм Святителю Николаю в Сабурово с шатровой звонницей. Оригинальна архитектура храма Святой Живоначальной Троицы в Борисове. Ведь этот храм собственно не имеет купола. Звонница, стройной свечой взметнувшаяся в небо, является одновременно и шатровым куполом храма.

Таким образом, в одноглавых шатровых храмах, символизирующих Христа, как главу Церкви, сказалась и преемственность с Византией, и духовная самобытность, и самостоятельность России, как хранительницы Православия. Не случайно при Алексее Михайловиче и Никоне во время «церковной реформы» велась борьба с шатровыми храмами, и было велено возвратиться к крестово-купольным храмам.

И теперь у церковной ограды храма Живоначальной Троицы, возведённого в честь тысячелетия крещения Руси, нельзя не задаться вопросами: почему же новый храм своим архитектурным стилем разрывает эту, уже не воображаемую, а вполне зримую и реальную «цепочку храмов» в русском национальном стиле? Почему здесь вдруг возобладала никоновская идея? Ответы на эти вопросы, как и всегда, как и во все времена, очевидны и едины: принизить русский национальный стиль, а вместе с тем и русскую идею... Доказательством этого является и то, что это намерение проведено не только через собственно «византийский» стиль храма — но и через геральдическое нарушение в Российских гербах, установленных под куполом храма, — лишение их символов русской государственности. Видимо, для того, чтобы уже никто не сомневался в выраженных символах и идеях этого храма. От тех, кто способен в этом усмотреть высший духовный смысл, а не наше уничтожение, я только буду рад выслушать прилюдные объяснения.

Село Борисово, называвшееся ранее Овражки, и его окрестности издавна, ещё с XVI века, входили в состав царского имения, вотчинного родового владе-

*Храм Святой Живоначальной Троицы
в Борисове*

ния московских князей, а потом и царей — Коломенское. Здесь находился государев Красный сад. Примечательно, что и в последующие века здесь неизменно находились сады. Остатки их сохранились и до сих пор. Яблоневый сад на берегу Борисовских прудов подступает к самой церковной ограде храма Живоначальной Троицы.

И если Коломенское с его храмом Вознесения символизирует Елеонскую гору, на которой свершилось Вознесение Господне и где грядёт его второе пришествие, то эти сады в Орехово-Борисове символизируют Гефсиманский сад. То есть место, где любил уединяться Христос, удаляясь из Иерусалима. Здесь он после Тайной Вечери испытал томительную душевную муку. Здесь же Иуда запечатлел на его устах свой предательский поцелуй.

Люди, гуляющие теперь по берегам Борисовских прудов, по выходным устраивающие среди яблонь пикники с шашлыками, видимо, даже не догадываются о том, что находятся на месте столь знаменательном и символическом, — в Российском Гефсиманском саду... И кто теперь убедит меня в том, что этот храм, нарушающий не только русскую национальную храмовую традицию, но и русскую идею, состоящую в том, что Русь стала преемницей и хранительницей православия, возведён именно на этом месте случайно...

Храм Вознесения Господня в Коломенском

2.

«Да неужели эти геральдические нарушения в храме Живоначальной Троицы в Орехово-Борисове могут иметь такой смысл?» — может спросить неискушённый в символике читатель. Но почему бы и нет в условиях всё ещё длящегося тихого беззакония, если ещё более странные отступления богословского, идеологического и даже политического характера могут вноситься в наше время даже в тексты молитв... Что уж говорить об архитектуре и геральдике, если не пощажены даже молитвы...

И здесь я должен сделать отступление, связанное с преподобным Иосифом Волоцким, так как речь пойдёт о тропаре ему (глас 5). Дело ещё и в том, что «Службу преподобному Иосифу Волоцкому» мне довелось читать по старой богослужебной книге, Сентябрьской Минее, по всей видимости, издания конца XVI века. История эта такова. В 2004 году по Божьему Провидению мне попа-

ли в руки две богослужебные книги Межигорского монастыря: Четьи-Минеи за июнь, июль, август. И эта Сентябрьская Минея. Год издания трёхмесячной Минеи мне удалось установить — 1705-й. По списку «Книги Межигорские», помещённом в книге «Черноморская Николаевская пустынь, при Лебяжем лимане» (Харьков, в университетской типографии, 1856 г.)

Год издания Сентябрьской Минеи со «Службой преподобному игумену Иосифу Волоцкому новому чудотворцу» установить не удалось. Но филигранные на бумаге, то есть, водяные рисунки, свидетельствуют о том, что книга эта могла быть издана в конце XVI века.

Межигорский монастырь был вторым по значению на Украине после Киево-Печерской лавры. Он окормлял Запорожскую Сечь.

Эту историю я рассказал для того, чтобы сообщить читателям о том, что «Службу преподобному Иосифу Волоцкому новому чудотворцу» читал по довольно давней книге. «Просветитель» же преподобного Иосифа Волоцкого я читал по изданию Спасо-Преображенского Валаамского монастыря (М., 1993). Но мне хотелось иметь новые издания «Просветителя». Тем более, что в Иосифо-Волоцком монастыре налажена издательская деятельность. Об этом не без гордости сообщалось в книжке «Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель» (М., «Северный Паломник», 2007).

И вот, наконец-то, я приобрёл книги в Иосифо-Волоцком монастыре: «Преподобный Иосиф Волоцкий «Просветитель», издание Иосифо-Волоцкого ставропигиального мужского монастыря, 2006; другое издание «Просветителя», вышедшего там же, в 2008 году, имело почему-то иное название — «Просветитель, или обличение ереси жидовствующих», в то время как сам преподобный называл свой труд иначе, без «обличения» — «Сказание на новоявившуюся ересь». Приобрёл я в Иосифо-Волоцком монастыре «Акафист» 2004 года издания, «Житие преподобного Иосифа Волоцкого Российского Чудотворца» 2006 года издания, а также — иконки преподобного на дереве и на картоне с тропарем (глас 5).

Прочитав тропарь, который дан не только на иконках преподобного, но и во всех этих изданиях, я пережил ещё большее недоумение, чем у храма Живоначальной Троицы, у Борисовских прудов, с его искажёнными Российскими гербами...

Сначала приведу тропарь из «Службы преподобному Иосифу Волоцкому» из указанной Сентябрьской Минеи:

Яко постником удобрение, и отцем красоту. милости подателя, разсуждению светильника. вси вернии сошедшеся восхвалим кротости учителя. и ересем посрамителя. премудраго Иосифа русскую звезду. молящася Господеви. помиловатися душам нашим;

На иконках же преподобного и во всех указанных изданиях я прочитал несколько иное:

Яко постников удобрение/и отцев красоту,/милости подателя,/разсуждения светильника, вси вернии, сошедшеся,/восхвалим/кротости учителя/и ересей посрамителя,/премудраго Иосифа,/российскую звезду, молящася Господу/помиловатися душам нашим.

Не надо быть особым уж знатоком древнерусского, или, как его чаще называют, — церковно-славянского языка, чтобы увидеть, сколь неудачен перевод данного тропаря. «Постников удобрение» и «отцев красоту» (вместо «постником удобрение» и «отцем красоту») воспринимается современным читателем во множественном числе, словно речь идёт о неких постниках и отцах вообще, в то время, как в тропаре речь идёт о преподобном Иосифе Волоцком. Персонафикация, как видим, уходит. Так же и другие окончания изменены неоправданно. Случайны ли такие изменения? Нет, не случайны. За этим стоит, по всей видимости, определённая «традиция», о которой писал Б. П. Кутузов: «Ещё одна весьма пагубная для церковно-славянского языка особенность правки: то, что переводилось с греческого до ХУП в дательном падеже, стали переводить в падеже родительном» («Церковная «реформа» ХУП в. как идеологическая диверсия и национальная катастрофа», Барнаул, 2008). Речь, как понятно, идёт о Никоно-Алексеевской «реформе» и «правке» богослужебных книг.

Указанная же «особенность правки» приводит к искажению смыслов. К примеру, ранее писали: «И воздаяние грешником узриши». Стали «переводить»: «И воздаяние грешников узриши». Опять-таки уходит персонафикация. Современный читатель ведь воспринимает эти фразы так. В первом случае: будешь грешником, получишь воздаяние; во втором, «переведённом», случае: увидишь, как будет воздаваться грешникам, всем и вообще, но не тебе лично. Как видим, смысл изменился существенно. Не говорю уж о таких разночтениях в тропаре на иконках и в книжках как — «ереси — ересей» (в единственном и во множественном числе). Я посчитал бы это простой небрежностью, если бы за ним не открывались вполне определённые смыслы.

Но особенно поразил меня «перевод» тропаря тем, что преподобный Иосиф Волоцкий, **«русская звезда»**, как сказано о нём в службе ему, назван **«российской звездой»**... Это — прямо-таки либеральная политкорректность, достойная разве газет, да и там неуместная, но не в святых же текстах... По этой логике — и Русскую Православную Церковь «можно» называть «Российской».

Искажение столь произвольное, что не знаешь даже, как эту бесцеремонность, помягче, определить, так как она имеет очень некрасивый подтекст, точнее — душок: назвать преподобного как угодно, пойти даже на искажение канонического текста, лишь бы не прозвучало слово **русский**...

Такая политкорректность губительна даже в политике, и уж тем более, недопустима в Церкви. Многонациональность России, соединение многих народов в единое государство и общество вовсе не предполагает исключения из бытия русского народа. А такими «переводами» делается ведь именно это. Более того, духовное и физическое здоровье русского народа является непременным условием самого существования нашего многонационального государства. Как видим, удар наносится в самое уязвимое место всего нашего народного и государственного существования...

Из такого «перевода», можно сделать, кажется, единственный вывод. Как известно, преподобный Иосиф Волоцкий предостерегал иноков от исправления текстов «по своему домыслению». Но если нынешние иноки это делают, значит они просто не следуют заветам преподобного, между тем прикрываясь

его именем... И как нам, видя это, не задаться вопросом: так ученики ли и послушники ли, союзники ли и единомышленники ли преподобного находятся сегодня в созданной им обители?

Но и этого «переводчикам» оказалось мало. В брошюре «Житие преподобного Иосифа Волоцкого Российского Чудотворца», изданной в монастыре в 2006 году, точнее — на четвертой полосе обложки приводятся те же тропарь и кондак, **написанные церковно-славянским шрифтом**. Как понятно, для того, чтобы читатель, так сказать, зрительно, воочию убедился в том, что в святых книгах написано именно так. Между тем и здесь издатели идут на искажение, называя преподобного Иосифа Волоцкого **не русской звездой, а российской...** Но это ведь уже называется подлогом... Впрочем, причём тут издатели. Они, как и везде, лишь, технические исполнители задуманного.

И это при том, что по православной традиции даже тональность благоговейно исполненной молитвы имеет решающее значение для того, чтобы она достигла цели. Тем более, не достигает своей цели молитва искажённая...

Это давнее обыкновение тех, кто умышленно искажал Святое Писание — всю вину перекладывать на «писцов», «переписчиков», как сказали бы сегодня, — на «технических работников». Именно так поступал Вассиан Патрикеев (Косой), когда ему на Соборе 1531 года было предъявлено обвинение в искажении канонических положений Кормчей Книги. К примеру, известное каноническое представление о Богородице: *«Аще кто не нарицает пречистую Богородицу деву Марию, да будет проклят»* в «правке» Вассиана Патрикеева выглядело так: *«Аще кто нарицает Богородицею святую деву Марию, да будет анафема»*. На это он привёл такой довод, полагая, что он достаточен — «будет писец описался». Но такая «правка», придающая каноническим положениям прямо противоположный смысл, не может быть в принципе отнесена на счёт невнимательности «писцов».

Точно так же и в нашем случае столь определённая правка тропаря Иосифу Волоцкому не может быть отнесена на счёт издателей...

Нельзя не обратить внимание ещё на одно умаление и принижение преподобного Иосифа Волоцкого, которые издавна навязываются нашему общественному сознанию. В книжечке «Преподобный Иосиф Волоцкий. Акафист. Житие. Из истории обители» (Издательский Совет Русской Православной Церкви. Москва, 2004) кондак 1 имеет любопытную ремарку: «Преподобный отче /**наш**/, Иосифе». В сноске же говорится: «В Иосифо-Волоцком монастыре в обращении к преподобному произносится **наш**». То есть, надо понимать, что обращение к преподобному — **наш** предназначено только для созданной им обители. Но я читаю службу преподобному в помянутой Сентябрьской Минее и вижу, что он везде называется наш: «Преставление преподобного отца нашего игумена Иосифа Волоцкого... Приидите вернии, стецемся усердно, восхвалим отца нашего, истины сказателя и нечистых обличителя». Ведь такое «уточнение» иначе, пожалуй, и понять невозможно, как негласное переименование преподобного из общерусских святых в местнотимые...

Имя преподобного Иосифа Волоцкого часто умалчивается в связи с его непримиримой борьбой с ересью жидовствующих. И реже раскрывается суть

этой борьбы, в результате которой произошло спасение русского народа от духовного уклонения и внутреннего разложения. В этом и состоял его духовный подвиг: «Ныне же не персы и не турки, но сам диавол и всё его воинство ополчились на Христову Церковь; будто звери дикие, не плоть человека пожирают и не кровью упиваются, но душу губят, пред которой и весь мир ничего не стоит» (преподобный Иосиф Волоцкий). Подмена этой борьбы за душу человеческую и чистоту веры, по сути, политическим, надуманным противопоставлением между «нестяжателями» и «иосифлянами», ничем не извинительна и не простительна. Ей должна быть дана, и уже дана учёными, объективная оценка, которая, к сожалению, по причинам «информационным» так и не вошла пока в общественное сознание.

Как нам не задаваться теперь этими неудобными вопросами? Как не произвести против всего этого своё хотя бы слабое слово, если слово самого преподобного, отстаивавшего чистоту веры, было, как сказано в службе ему, «солию растворено»...

***P. S.** К тысячелетию крещения Руси возведение юбилейного храма не поспело. Храм Живоначальной Троицы у Борисовских прудов был сооружен только шестнадцать лет спустя после столь знаменательной даты. Можно предполагать, какой сокрытой от нас, мирян, борьбой были насыщены эти годы...*

*Редакция литературного альманаха «Аргамак»
сердечно поздравляет Петра Ивановича Ткаченко
с шестидесятилетием.*

Старая Казань

ГАЛИНЫ
НЕДОВИЗИЙ

Вид на Спасскую башню со стороны Воскресенской улицы, XIX век. Х.,м.. 100×110. 2010 г.

Башня на торговой площади в Казани, XIX век. Х., м.. 90×70. 2008 г.

Башня Сююмбике, XIX век. Х.,м.. 50×60. 2008 г.

Панорама Казанского кремля со стороны реки Казанки, XIX век. Х.,м.. 110×65. 2009 г.

Храм Святителя Николая на торговой площади в Казани, XIX век. Х.,м.. 100×80. 2010 г.

Старотатарская слобода в Казани (Юнусовская мечеть), XIX век. Х.,м.. 100×80. 2010 г.

Благовещенский собор в Казани, XIX век. Х.,м.. 70×50. 2008 г.

Весенний разлив на Казанке, XIX век. Х.,м.. 100×110. 2010 г.

Гуляние у Черного озера в Казани, XIX век. Х.,м.. 59х99. 2009 г.

«СТАРАЯ КАЗАНЬ» ГАЛИНЫ НЕДОВИЗИЙ

В своё время мною был напечатан очерк «Мир Галины» о талантливой челнинской художнице Галине Михайловне Недовизий. У неё есть имя не только в нашей республике. Были выставки в Москве и за рубежом, персональная выставка в Париже, где она живёт и работает по несколько месяцев почти каждый год. Упомянутый очерк заканчивался на том, что при всей успешности творческого развития живописного дарования художницы осталась так и не выполненной её заветная мечта написать старинные улицы Казани, в которые она давно уже была влюблена.

И вот это произошло! В марте нынешнего года сделан завершающий мазок на картине из большой серии «Старая Казань», над которой Галина работала в течение последних трёх лет (2008—2010 гг.).

В серии 12 работ, своего рода «окон», через которые художница попыталась «заглянуть» в век девятнадцатый и показать, как выглядела старая Казань без последующих утрат, разрушений, переделок и перестроек с её древним Кремлём и городским посадом, с её слободами и заставами, с её храмами и жилой застройкой, с её обитателями и их жизненным укладом. И, конечно же, с пленительным природным окружением на холмах над разливами Волги, Казанки и прилегающих озёр.

Документальной информационной основой для художницы послужили старинные фотографии, открытки, рисунки с натуры и гравюры художников, ра-

ботавших в Казани в XIX веке. Таких материалов можно было найти предостаточно и дома, в Татарстане. Но так уж случилось, что началась серия «Старая Казань» в Париже.

Впервые Галина попала в боготворимый художниками всего мира город на Сене на стажировку в международный городок деятелей искусства «Сите», расположенный в историческом центре Парижа. В последующие годы, работая над серией городских пейзажей, жила в живописных предместьях, где селились в основном потомки выходцев из России первой волны эмиграции. У Галины Михайловны сложились тёплые, дружеские отношения и творческое сотрудничество с парижским Казачьим музеем, расположенным в предместье Курбева. В канун очередной годовщины победного шествия Казачьего Его Величества полка по Елисейским полям поверженного Парижа в годы Отечественной войны 1812-1814 г. г. она написала по заказу музея ряд исторических портретов и батальных сцен. Об этом упоминаю не всуе – умение писать лошадей, знание исторического военного костюма, «секретов» батального жанра очень помогли при создании серии «Старая Казань», к которой Галине Недовизий подошла во всеоружии таланта и опыта.

И вот однажды специалисты из Версаля, делавшие оценку собрания гравюр в фондах Казачьего музея, обнаружили там гравюру английского художника Эдварда Турнерелли из знаменитого альбома «Виды Казани», изданного в Лондоне в 1839 году. И владелец музея Александр Павлович Бобриков подарил её художнице из России. «С этого всё и началось», – говорит Галина Михайловна.

Талантливая художница буквально загорелась желанием написать на основе чёрно-белой гравюры красочное живописное полотно. Случаев «перевода» старыми мастерами живописи чёрно-белой гравюры в сверкающую красками картину было немало. Начала с изучения специальной литературы. История Казани, архитектура, нравы жителей, исторический костюм, графика художников, работавших в старой Казани, – ничто не прошло мимо её внимания.

Гравюра Эдварда Турнерелли «Башня на торговой площади. Казань» («Tower in the market place «Kazan») во французском издании называлась просто «Kazan». На ней изображена Никольская церковь в Гостином дворе близ Казанского кремля, единственная из построек посада XVI века, дошедшая до нашего времени, хотя и не сохранив своего первоначального вида. И только благодаря рисунку с натуры, сделанному английским художником, она предстаёт перед нами в своём древнем облике.

В её облике ощущается печать первых, полных сурового величия шатровых сооружений Казанского кремля, построенного по приказу Ивана Грозного с неприступными крепостными стенами и башнями. Именно из-за «крепостного» характера архитектуры Эдвард Турнерелли и назвал церковь Николы Гостиного двора «башней».

Вслед за Турнерелли Галина Недовизий в своей картине «Башня на торговой площади в Казани. XIX век» (Х., м. 90х70. 2008 г.) уделяет большое внимание передаче красоты её архитектуры – такой своеобразной, необычной для православного храма. На высоком четверике основания оставшийся неизвестным зодчий ставит по углам миниатюрные главки. А в центре его возводит на

низком широком барабане высокий, мощный шатёр с двумя рядами окон, обрамлённых стрельчатыми наличниками. Монументальная пирамида шатра завершалась узеньким, стройным по контрасту с нижним барабаном, на котором возвышалась луковка купола, увенчанная золотым крестом.

Древними строителями для облицовки шатра были использованы замечательные зелёные глазурованные изразцы, сверкавшие на солнце и видные издалека. В своей гравюре Турнерелли, конечно, не смог передать сияющей цветности этих изразцов. Но будучи не только художником, а и писателем, он с восторгом описал поразившую его красоту древнего храма: «Верхняя часть башни пирамидальной формы и покрыта чем-то вроде зелёной черепицы, отполированной, как зеркало. Невозможно представить поразительного эффекта этой кровли, когда ослепительно блещет она на солнце».

Но то, что не смогла передать чёрно-белая гравюра: красоту виртуозной кирпичной кладки золотисто-коричневого цвета в сочетании с сиянием зелёных изразцов шатра, – живописала в своей картине Галина Недовизий.

К сожалению, в настоящее время ни изразцов, ни самой башни-шатра нет. Сохранился только построенный ещё псковичами из известняка четверик основания и низкий барабан на нём. Само старинное здание заметно осело в землю. В нём сейчас находится Главное архивное управление Республики Татарстан.

Никольская церковь внутри Гостиного двора была посвящена, как обычно «церкви на торгу», Николаю Чудотворцу, покровителю торговцев и всех «плавающих и путешествующих». Церковь была тёплая, с приделом Казанской Иконы Божьей Матери. Согласно записям в Писцовых книгах 1565-68 годов она значится как стоящая «позади рыбного ряда».

На холсте Галины Недовизий изображена полная жизни торговая площадь перед Николо-Гостинодворской церковью, буквально «облепленной» лавками и торговыми рядами. В солнечный летний день торговля выплеснулась за пределы лавок. Товары разложены прямо на ларях под открытым небом. Среди толпы покупателей и просто зевак можно увидеть дворян и военных, мещан, крестьян, студентов, священнослужителей, русских, татар, представителей народов Поволжья, иностранцев. Художница вовсе не копирует гравюру, смело вводит в картину и таких персонажей, каких нет у Турнерелли. Она автор всех фигур и сценок в нижней части картины, над рамкой, включая изображение различных животных, где Галина Михайловна проявляет себя ещё и как одарённый анималист.

Как у Эдварда Турнерелли, у Галины Недовизий два варианта сюжета с древней Николо-Гостинодворской церковью. Более поздним вариантом «Башни на торговой площади в Казани» является картина «Храм Святителя Николая на торговой площади в Казани. XIX век» (Х., м. 100х80. 2010 г.).

Она не только большего размера, но и более «населённая». На холсте около ста стаффажных фигурок, представляющих все слои общества, – от богачей до нищих. Кроме лошадей и собак, на торговой площади появились навьюченные верблюды. От этой «шумной», полной жизни картины, где так и слышен гул голосов, задорный смех, скрип колёс, фыркание лошадей, идёт на зрителя мощная энергетика. Её можно рассматривать часами, мысленно бродя в пёстрой

толпе, знакомясь с разнообразными деталями уже ушедшего быта, любуясь древней архитектурой.

А на великолепной по живописи картине «Старотатарская слобода в Казани (Юнусовская мечеть). XIX век». (X., м. 100х80. 2010 г.) кисть воскрешает яркие, полные жизни сценки, происходившие в одном из уголков Сенного базара, бывшего в девятнадцатом веке важным торговым и общественным центром не только Старотатарской слободы. «Сенной базар, – как свидетельствует один из историков-краеведов, – до 1930-х годов оставался центром жизни татарского населения Казани и всего Поволжья. Здесь совершались торговые сделки, договаривались о свадьбах, празднествах, поездках, сообщали друг другу новости».

Возможность «заглянуть» в девятнадцатый век и достоверно изобразить, как выглядели в то далёкое от нас время улицы, храмы, жилые дома, лавки и сами обитатели слободы, талантливой художнице на этот раз дало скрупулёзное изучение старинных открыток и любительских фотографий. Но как разительно отличается написанная ею картина от исходного информационного материала! На чёрно-белых дагерротипах, изображающих улицы с редкими прохожими, нет ни неба, ни времени дня с его освещением, воздухом, погодой. Нет живых красок жизни, нет того нерва и настроения, чувства любования, которыми светится картина Галины Недовизий.

Не нарушая исторической реальности изображения, художница проявила много творческой фантазии. Она «подарила» картине своё любимое время года – осень. Звонким живописным акцентом сияет золотая листва деревьев на фоне неба, расцвеченного всеми оттенками голубого, синего, дымчатого цвета, каким оно бывает после дождя. Небо как символ Высокого, Духовного, Вечного, Прекрасного занимает почти половину холста, весело отражаясь в зеркалах луж. Раннее утро. И хотя торговый люд ещё только готовится к началу длинного хлопотного дня, завозит свой товар для продажи, уже появились первые покупатели.

Следуя традиции изобразительного искусства, Галина Недовизий смело вводит в городской пейзаж элементы бытового жанра. Несмотря на то, что на картине изображён только уголок Сенного базара, в живых сценах на переднем плане, кажется, участвует не один десяток человек. Здесь и мужчины в чалмах, тюбетейках, шляпах, и женщины в разноцветных шалях, и любопытные дети. Мужчина в белом фартуке несёт на голове поднос с дынями. Другой тащит на плече корзину с краснобокими яблоками. Тут же ждёт разгрузку телега, полная таких корзин. Если на фотографии были засняты «спиной» к фотокамере две-три «припаркованные» упряжки, то на картине лошади с пролётками и повозками изображены и стоящими, и движущимися в разных направлениях. Художница преодолевает статуйность, неподвижность снимка. Картина полна движения, людского говора – полна жизни.

Исторически достоверно передана застройка Старотатарской слободы. На переднем плане дом богатого купца с лавкой на первом этаже в стиле ампира «белой архитектуры». А далее – стройные ряды выдвинутых на красную линию жилых домов. Все они – и деревянные, и с кирпичными нижними этажами – имеют нарядное цветное оформление фасадов: на охристых стенах выделя-

ются окрашенные в белый, голубой, зелёный цвета наличники окон, карнизы и другие детали архитектурно-декоративного убранства.

А на углу Сенной и Московской улиц красуется главный «персонаж» картины – Юнусовская мечеть, центр крупной махали (прихода) в районе, призывавшем к Сенному базару. Первоначально, как и изображено на картине, её стены были выкрашены охрой, а купола, кровля, шатёр минарета, оконные наличники и другие детали декора – зелёной краской.

Полное официальное название этой старинной исторической мечети в Казани – Седьмая Соборная Сенная мечеть. Но есть у неё и другие названия – Сеннобазарная, Юнусовская, «Нурулла». Юнусовской она называется в честь богатых казанских купцов-меценатов Юнусовых. Инициатором строительства Сенной мечети был купец 1-й гильдии, почётный гражданин Казани Г. М. Юнусов, а построили её его сыновья – коммерции советники Ибрагим и Исхак Юнусовы в 1845-46 годах (по другим данным – в 1849 году) на деньги, завещанные отцом.

Родные старого Габдуллы Юнусова вспоминали, что он с неудовольствием смотрел на то, что во время намаза татары, поглощённые торговлей и разговорами, забывали о молитве – недаром Сенную площадь прозвали в слободе «углом неверных». И он поклялся построить здесь мечеть, дабы вразумить и наставить тех, кто в погоне за рублём забывает о вечных ценностях, каковыми являются вера и нравственность.

Яркую картинку происходившего на Сенном базаре дал в своих стихах великий татарский поэт Габдулла Тукай:

*... Я как-то на Сенной базар забрёл,
Там для рассказа пищу я нашёл...
Уже с утра кипит, шумит базар.
Купцы усердно щупают товар.
И продают и покупают там:
Кто обманул, а кто обманут сам...
Один на рынке властвует закон:
В своё лишь дело каждый погружён.
Но вдруг народ со всех помчался ног
В известный всем «Неверных уголок».
Чем там встревожен наш Сенной базар?
Иль драка там? А может быть, пожар?
На улицу московскую с толпой
Я побежал...*

(перевод Семёна Липкина)

На месте бывшего Сенного базара теперь разбит сквер. А Юнусовская мечеть по-прежнему красуется на Московской улице. В 1920 году мечеть была закрыта, минарет разобран. Ныне он снова восстановлен, а стены мечети, возвращённой верующим, теперь окрашены в белый цвет.

Несколько слов об архитектуре Сенной мечети, с таким тщанием и блеском изображённой на картине Галины Недовизий. Автором проекта был известный казанский архитектор Александр Песке (в проектировании конструкции сложного фундамента из-за близости подземных вод участвовал арх. А. Ломан). После окончания Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге А. И. Песке долгое время до направления в 1843 году в Казань работал в Петергофском дворцовом управлении, был удостоен звания академика архитектуры. В своём проекте Сенной мечети Песке использовал мотивы величественной культовой архитектуры Средней Азии. Но в то же время архитектура Юнусовской мечети имеет черты и национального татарского романтизма, и широко практиковавшегося в Казани ампирного стиля.

Массивное двухэтажное здание мечети с повышенной центральной частью завершается несколько сплюснутым куполом на мощном низком барабане, что ещё больше подчёркивает лёгкую стройность взмывающего в небо цилиндрического, сужающегося кверху минарета, увенчанного золотым полумесяцем на шпиле. Минарет выстроен над порталным входом, выдвинутым вперёд по отношению к северному фасаду мечети. Благодаря такой планировке здание было как бы напрямую связано с окружающей застройкой Сенной площади и её торговым людом. Являясь композиционным центром картины, силуэт мечети вносит в неё особую поэтическую ноту.

При знакомстве с историческим материалом для этой картины Галину Михайловну заинтересовала такая деталь. Во время возведения двух первых каменных мечетей в Старотатарской слободе – Апанаевской и Марджани (место для неё, согласно легенде, было лично указано Екатериной II во время визита в Казань) городские власти послали императрице жалобу: «ты хоть и дала мусульманам разрешение на строительство мечетей, но они строят очень высоко». На что Екатерина Великая ответила поистине царским остроумием: «Я определила им место на земле, а в небо они вольны подниматься по своему усмотрению, потому что небо не входит в мои владения». И художница как бы иллюстрирует эти слова императрицы: на фоне такого большого и яркого неба, занимающего почти половину холста, свободно взмывает вверх стройный минарет Юнусовской мечети. Сегодня в Казани около 40 мечетей, без высоких минаретов которых немыслим современный архитектурный облик столицы Республики Татарстан.

На «зимней» картине серии «Вид на Спасскую башню со стороны Воскресенской улицы. XIX век» (Х., м. 100х110, 2010 г.) мы видим, как выглядела двести лет назад историческая Воскресенская улица (в советское время ул. Ленина, ныне – Кремлёвская улица). В старой Казани насчитывалось десять больших и 170 малых улиц и переулков. Воскресенская была главной и самой красивой из улиц. Недаром её сравнивали с Невским проспектом столицы. Ведь здания здесь были спроектированы и построены представителями признанной казанской архитектурной школы, основателями которой были ученики и соратники знаменитых петербургских зодчих А. Воронихина, А. Захарова, И. Старова, Д. Ухтомского. До сих пор непревзойдённой жемчужиной классической архитектуры в Казани остаётся ансамбль университета (арх. П.

Пятницкий, М. Коринфский). Но и здесь, на верхнем конце Воскресенской улицы, начинающейся от стен Кремля, немало великолепных зданий, так блистательно написанных Галиной Недовизий на основе старинных чёрно-белых фотографий.

Слева мы видим величественное здание Гостиного двора (арх. Ф. Емельянов), центральную часть которого занимает Национальный музей Республики Татарстан, открытый в 1895 году. Напротив, на другой стороне улицы, – изящное произведение позднего классицизма – здание городской думы, построенное итальянским архитектором Ф. Петонди. Не менее красивы и другие здания, что дало основание историкам архитектуры образно назвать верхний конец Воскресенской улицы вплоть до здания пассажа «парадными пропилями на подходе к Спасской башне Кремля».

А вот она и сама – белоснежная красавица Спасская проездная башня, расположенная в середине южной стены и всегда игравшая роль главной кремлёвской башни, главных ворот крепости. Она и сегодня обрамляет основной вход из города в Кремль.

Эту самую древнюю башню Казанского кремля начинал строить знаменитый зодчий XVI века Постник Яковлев по прозвищу Барма. Но и в дальнейшем, несмотря на разновременные наслоения и перестройки, Спасской башне всегда уделялось особое внимание, так как она должна была подчеркивать неприступность крепости и могущество государства. После пожара 1672 года она была надстроена московскими мастерами. Ей, как главным воротам Кремля, была придана большая парадность. На возведённый псковичами мощный четверик были поставлены ещё два восьмигранных яруса со слуховыми и смотровыми окнами, обрамлёнными декоративными наличниками. Верхний ярус был перекрыт шатром и увенчан куполом – луковкой с двуглавым орлом.

Как утверждают некоторые историки-краеведы, в XVIII веке на Спасской башне появились часы с музыкальным звоном в полдень. Но, по-видимому, это не так. На картине Галины Недовизий на башне часов нет, а ведь писала она её на основе документальной фотографии XIX века. Зато есть часы на не сохранившейся до наших дней соседней колокольне Спасо-Преображенского монастыря, находившегося на территории Кремля. Стройная колокольня, изображённая на картине справа от Спасской башни, имела 8 колоколов и часы с боем на самом верхнем ярусе. Слева виден сам пятиглавый Спасо-Преображенский собор, также не доживший до настоящего времени.

Ныне на Спасской башне есть электрические часы с циферблатами на трёх гранях из восьми. С наступлением темноты во время боя курантов появляются эффектные вспышки малинового цвета.

Вся архитектурная композиция картины написана Галиной Недовизий в реалистической, но очень свободной, индивидуальной манере. В ней нет чертёжной сухости фотографии. С восхищением наблюдала я за её работой в мастерской. Лишь лёгкий предварительный набросок – буквально несколько уверенных штрихов углём. Остальное – работа кистью. Галина сразу пишет маслом, перекидывая кисточку то в правую, то в левую руку. Она левша и самую тонкую работу доверяет левой руке, которая ближе к сердцу. Холст трепетно

принимает мазок за мазком и кажется одушевлённым существом, участвующим в создании таинства картины.

Если в изображении архитектуры художница опиралась на «видеоряд» фотографий, то в остальном она была в полном творческом полёте. Плодом её фантазии стала и эта роскошная зима с заснеженными крышами домов, с сугробами свежавывающего снега и разъезженной полозьями саней дорогой. В окружении строгой красоты архитектуры течёт обычная человеческая жизнь.

Главная казанская улица запружена всеми видами тогдашнего транспорта, движущей силой которого была лошадь. Здесь и верховые лошади с разномастными всадниками, и сани-розвальни, и кареты с лошадьми, запряжёнными то попарно, то цугом. Множество пеших прохожих. В стаффажных фигурках, которые можно бесконечно рассматривать, представители всех слоёв и сословий населения города. Ощущение зрителя то и дело меняется от насмешливой улыбки при виде раскрасневшейся парочки прожигателей жизни на лихой тройке до тёплого чувства, вызываемого группой ребятишек на обочине с салазками и собачкой. Виртуозно переданы все виды движения: то резвая скачка, то умеренный аллюр лошадей, то степенная походка прогуливающихся пар и семейств, то быстрый шаг спешащих по своим делам прохожих.

Картина «Вид на Спасскую башню со стороны Воскресенской улицы» привлекает своей исторической правдой, тонким чувством цвета, мастеровитой уверенностью мазка, подлинной живописностью.

«Весенний разлив на Казанке. XIX век» (X., м. 100x110. 2010 г.) – одно из нескольких панорамных полотен серии с видами Кремля и Казани, написанных Галиной Недовизий по мотивам старинных снимков и графики Э. Турнерелли, В. Турина, К. Мартынова и других художников XIX века.

У горизонтально вытянутого большого полотна террасовидная композиция. На самом верху холста развёрнута величественная панорама Казанского кремля. В центре пламенеет под синим небом охристая, оваянная легендами башня Сююмбике, чей стройный силуэт является архитектурным символом Казани.

По левую сторону от башни Сююмбике – дворцовая церковь Сошествия Святого духа, чей утраченный облик сохранила старинная фотография и кисть художницы. По правую – вытянутое от круглой угловой башни крепостной стены вглубь кремлёвской территории здание бывшего юнкерского училища, где ныне располагается администрация музея-заповедника «Казанский кремль». Вдали сверкает золотым пятиглавием кафедральный Благовещенский собор с колокольней, построенный по проекту Постника Яковлева, автора проекта Собора Василия Блаженного в Москве.

Круглую башню фланкирует слева четырёхугольная Преображенская проездная башня. Из тринадцати башен крепости до нашего дня сохранились восемь. Три из них проездные: Спасская, Преображенская и Воскресенская. В картине Галины Недовизий проездная башня играет активную роль в развитии сюжета. Через неё происходит движение горожан в посад с раскинувшейся за кремлёвскими стенами ярмаркой и обратно.

Под Кремлёвским холмом, называемым в старину Воскресенским бугром, раскинулся городской посад с его жилыми кварталами, «торговищами», пусты-

рями, где паслись коровы и козы. На картине одно из таких «торговищ против врат градных». Изображён уголок ярмарки с конным рынком. Видно, как из ворот башни движутся в обе стороны конные упряжки и пешеходы.

Весь передний план картины отдан реке, речникам, водному транспорту и причалам. Широко разлилась весенняя Казанка, подпитанная паводковыми водами. Плавающий дебаркадер связан с берегом длинными мостками, по которым грузчики катят тяжёлые бочки. Вокруг дебаркадера причалены лодки для переправы пешеходов. Одна из них подгребает с пассажирами на борту. Но главный «персонаж» на переправе – паром, который чалится к противоположному берегу с пассажирами, разнообразной поклажей, с купленной на ярмарке лошадью. Художница уделяет внимание каждой фигуре, стараясь точно передать колоритные одеяния давних лет. В островерхой шапке счастливый обладатель новой лошади. С ворохом покупок возвращается с ярмарки семейство: женщина в красном платке, мужчина в коричневом кафтане и подросток в жилетке.

А на мостках противоположного берега Казанки паром уже с нетерпением ждут новые пассажиры, изображённые художницей с тёплой улыбкой. Кто с козой, кто с петухом, они торопятся на ярмарку.

Как пейзажист Галина Недовизий всегда с трепетом и любовью пишет природное окружение. В картине так и чувствуется веяние свежего воздуха. Удивительно нарядной выглядит речка Казанка. Над Кремлём небо густо-синее, насыщенное обильной весенней влагой. А над рекой прорвавшееся сквозь тучи солнце заставило засиять зеленоватые воды Казанки, которые переливаются золотисто-серебристыми волнами, вызванными движением парома и лодки. Считается, что по мастерству изображения воды – реки, озера, моря – познаётся талант живописца.

Реки занимают особое место в пейзажах Галины Недовизий. Это и Тойма под Елабугой, и Псекупс на Северном Кавказе, и Сена в Париже. А теперь и река Казанка как средоточие городского люда старой Казани.

В серию «Старая Казань» входят также картины «Башня Сююмбике», «Благовещенский собор», «Сибирская застава», «Весеннее наводнение близ Казани», «Гуляние у Чёрного озера», «Панорама Казанского кремля» и другие. Оригиналы некоторых из этих полотен можно увидеть на выставке в холле бизнес-отеля «Татарстан» в Набережных Челнах, открытой известным челнинским предпринимателем и коллекционером В. А. Чулаковым.

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

В ЗАЩИТУ ПОСЛОВИЦЫ

Во втором выпуске «Аргамака» за 2009 год под рубрикой «Полемика» была напечатана статья Петра Ткаченко «Незванный гость: хуже или лучше?». В ней автор полемизирует с неким Николаем Романовым («некий» — *авторское выражение*), который «на страницах «Литературной газеты» (43, 2009) с помощью известной пословицы о незваном госте решил разоблачить муфтия Р. Гайнутдина, якобы искажающего русскую историю».

Каюсь: я не читала статью Николая Романова, и у меня нет особого желания её читать. Когда кто-то кого-то «разоблачает» и обвиняет в «искажениях истории», редко можно говорить об объективности. Кроме того, я не историк: я филолог, хотя и живо интересующийся как историей вообще, так и историей русского средневековья в частности. Я не могу и не хочу вмешиваться в споры об изначальном значении слова «иго» и тому подобном. В основе моих представлений лежат работы Льва Гумилёва, которые, по-моему, для всех нас уже давно бесспорны.

Но в области филологии я не только специалист по русской литературе, я ещё и фольклорист. Со значительным стажем: 43 года я читала курс фольклора в стенах Елабужского государственного педагогического института (теперь университета), руководила фольклорными экспедициями, была составителем двух фольклорных сборников, исследовала проблему сохранности песенного текста. Извините за нескромность: я просто хочу сказать, что могу судить о фольклорных текстах как специалист.

Итак, речь идёт о пословице.

Но прежде, чем обращаться непосредственно к ней, надо кое-что пояснить. Есть такое понятие — «история литературы». Для русской, равно как и для европейских

литератур XVII-XIX веков, она строится как смена литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма) и внутри каждого направления как сосуществование и смена творческих индивидуальностей. Со школьных лет для нас русская литература — это Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев и так далее. Тут всё понятно. Иное дело — история фольклора. В данном случае я имею в виду словесный фольклор, или, как называли его в XIX веке, «народную словесность», ведь существует ещё фольклор музыкальный и хореографический. Народная словесность развивается как история жанров. Каждый жанр имеет время своего создания, своего расцвета, своего затухания. Волшебная сказка создавалась в незапамятные, ещё языческие времена, устный сказ активно формировался в XVII-XVIII веках, частушка возникла только в конце XIX века. У каждого жанра есть, как принято говорить, свои признаки: свои герои, свои сюжеты, свой язык, свои правила восприятия. Никто и никогда не поверит в реальность сказки, а в реальность былички (устного рассказа о леших, домовых, а в наши дни о барабашках и зелёных человечках) повествователь верит обязательно.

В каких же жанрах русского фольклора встречается это определение: татарин, что оно обозначает и какие эмоции вызывает?

Тема осознания национального единства, национальной общности, опирающаяся на интерпретацию исторических и мифологических сюжетов, существует, как правило, в песнях этического характера. У народов Европы это «Эдда», «Песня о Нибелунгах», «Песня о Роланде», «Песнь о моём Сиде». В русской традиции это былины. В них фантастические, мифологизированные образы врагов, с которыми сражаются герои-богатыри, имеют подчас конкретную историческую основу, но она так глубоко «запрятана», что может осмысляться лишь как догадка, гипотеза, кем-то из исследователей допускаемая, а кем-то отвергаемая. Так, бой Добрыни со змеем рассматривается как мифологизированное изображение победы христианства над язычеством, крещения Руси. Былина, по мнению большинства исследователей, создавалась с конца X по начало XIII веков, и даже в более узком диапазоне: XI — начало XII веков. Во всяком случае, события, связанные с походом Батыя на Запад и дальнейшими отношениями русских княжеств и Золотой Орды в былинах практически не отразились. Исключения могут представлять собой разве что известная былина «Илья Муромец и Калин-царь», в которой некоторые исследователи видят отголосок взятия Киева Батыем, и поздняя былина «Камское побоище», где гибнут все богатыри, как след поражений половцев и союзных им русских князей на реке Калке в 1223 году. А вот слова «татарин» в былинах встречаются, хотя и не очень часто. Так, в одной из самых древних былин «Илья Муромец и Соловей-разбойник» есть более поздний эпизод, предшествующий встрече героя с Соловьём: Илья освобождает город Чернигов. В разных вариантах — от чужеземного царя, от трёх царевичей, от татарского войска. И в этом, и в других случаях татары — условный противник, нет отсылки к каким-либо событиям и обстоятельствам, связанным с Золотой Ордой, нет и национального противостояния.

Другими, более поздними песенными эпическими жанрами в русском фольклоре являются исторические песни и баллады. Исторические песни, нам известные, созданы не ранее середины XIV века, пик их создания — XV-XVII века

(песни об Иване Грозном, Степане Разине, Ермаке) — как видим, время, когда зависимость от Золотой Орды уже в далёком прошлом. Единственная историческая песня интересующего нас периода — «Песня о Щелкане Дудентьевиче», где идёт речь о восстании жителей Твери в 1327 году, во время которого был убит ордынец Шевкал, направленный ханом Узбеком (в песне Азвяком) для получения дани, которую обязано было платить княжество. Песня была сложена именно в Твери по свежим следам событий, описанных в летописи, и действительно имеет ярко выраженную противоордынскую окраску (историческая песня — единственный в русском фольклоре жанр, который, выражаясь современным языком, «политизирован»), но это вовсе не межнациональный, а чисто социальный аспект. И аспект нравственный: Щелкан, пьющий кровь собственного сына, чтобы доказать свою преданность хану Азвяку, отвратителен. А тверское восстание 1327 года — действительно трагическое событие. В его жестоком подавлении участвовали не только — и даже не столько — татарские войска, сколько московские рати Ивана Калиты: русские на русских. Разгромленная, опустошённая Тверь навсегда перестала быть соперницей Москвы.

Баллады создавались одновременно с историческими песнями, но «политизация» в них отсутствует. Это этические песни семейного характера о событиях часто трагических и всегда необыкновенных: об оклеветанной жене, о князе Волконском и Ваньке Ключнике: он любил княгиню, а теперь его казнят; о разбойниках, которые узнают во взятой в плен женщине свою сестру, да поздно: они уже убили её мужа и её ребёнка. С историческими событиями баллады не связаны совсем, с историческими реалиями — редко и опосредовано. К таким можно отнести «Авдотию Рязаночку» (иногда её считают поздней былинной новеллистического, т. е. не героического характера). Царь Бахмат турецкий берёт Казань (именно так) и уводит всех в плен. Остаётся одна только Авдотья, жёнка Рязаночка, у которой увели в плен мужа, брата и свёкра. Пройдя долгий и трудный путь, она предстаёт перед царём Бахметом, который испытывает её мудрость: предлагает попросить «одну голову», одного пленника их трёх. Авдотья называет брата. Царь Бахмат, сам потерявший брата, признаёт её мудрость и отпускает не только её родных, но и всех пленных. Существуют ещё так называемые баллады о татарском полоне. В одной из них девушка бежит из плена. Она достигает широкой реки, но перевозчик отказывается её перевезти; она бросается в волны и погибает. Во второй в плен попадает старая женщина, которая в хозяйке узнаёт свою дочь: радостная и горестная встреча. Дочь предлагает матери деньги, драгоценности, коня, но та отказывается: «Никуда я не поеду, я с тобой, моё дитятко, остануся». Как видим, никакого национального противостояния, тем более, недоброжелательности, в балладах нет.

В остальных песенных фольклорных жанрах: песнях обрядовых и лирических — и во всех без исключения прозаических жанрах нет никакого упоминания ни о татарах, ни о Золотой Орде.

А теперь мы возвращаемся к предмету спора: к многострадальной пословице «незванный гость хуже татарина», вокруг которой ломаются копья.

Сначала о жанре. Пословица принадлежит к числу так называемых «малых» фольклорных жанров, куда относятся также загадки, прибаутки, скороговорки.

Почему они «малые» – объяснять не нужно. У пословицы есть особенность бытования, присущая только ей: она существует исключительно в живой речи, из которой её трудно вычленишь. Собирателем может попросить рассказать ему сказку, спеть песню или частушку, загадать загадку, припомнить скороговорку. Но пословицу попросить произнести нельзя, её можно только «подслушать», мгновенно зафиксировать, вычленив из живой речи. Здесь, кстати, есть опасность подделки, мистификации. Поскольку программа вузовского курса фольклора в СССР обязательно включала изучение так называемого «советского фольклора», его подчас просто изобретали, а изобрести «пословицу» – пара пустяков. В хрестоматии «Устное народно-поэтическое творчество» (изд. «Просвещение» М. 1971) целый список таких псевдопословиц, выдаваемых за народное творчество: «Была Россия царская – стала пролетарская», «Коммунистом быть – народу служить», «Ленинский завет облетел весь свет». Что уж говорить о других публикациях. Помню, мне попадался опус: «Производительность и зарплата – два родных брата». Слава Богу, сегодня над этим мы можем только смеяться.

Вернёмся к нашей пословице и к спору вокруг неё. Петр Ткаченко пишет: «Нельзя не заметить того, что в этой пословице «незванный гость» противопоставляется «татарину» и что именно на этом противопоставлении основана её смысловая и эмоциональная особенность. Вопреки этому, Николай Романов, следуя за расхожим мнением, пытается уверить читателя в том, что под незванным гостем «подразумевается, естественно, ордынец». Но в таком случае, в чём же тогда смысл этой пословицы? Если принять логику Николая Романова, то пословица должна бы звучать так: «Ордынец хуже татарина». Или даже так: «Татарин хуже татарина». Но это же тавтология и бессмыслица».

Совершенно согласна: бессмыслица. И если таково действительно расхожее мнение, остаётся только пожать плечами.

Далее Ткаченко даёт свою трактовку. «... Мы не можем не задать вопроса: а кто же в таком случае этот «незванный гость»? Да, у В. Даля есть и другие пословицы с «незванным гостем». К примеру, «Незванный гость лёгок, а званный тяжёл». Но это пословицы, так сказать, бытовые, в которых под незванным гостем понимается человек, явившийся в дом без приглашения. Мы же имеем дело с пословицей межэтнической, в которой «незванный гость» имеет совершенно иное значение. Под «незванным гостем» в языке нашем как раньше, так и теперь разумеется образное, иносказательное название врага, завоевателя».

В последнем утверждении позволю себе усомниться. Ни в «Слове о полку Игореве», ни в «Повести временных лет» (древней русской летописи), ни в «Житии Александра Невского» такого выражения нет. Всё-таки «гость» имеет в русском языке определённую смысловую окраску и значение: в древности это заморский купец, прибывающий в страну (город) с мирными целями; в наши дни – человек, пришедший в чужой дом (чужую компанию) не по делам, а с целью пообщаться: «сходить в гости», «погостевать». Так что разумнее не выходить за пределы этого.

Итак, Ткаченко считает, что «незванный гость» в пословице – это вооружённый враг, захватчик. «Таким образом, – продолжает он, – эту злосчастную пословицу можно пересказать так: незванный гость, враг, завоеватель хуже,

чем татарин. Татарин, ладно, он свой, а вот «незванный гость» действительно хуже. Вот и весь смысл этой пословицы». Автор не уточняет, о каком же враге-завоевателе могла идти речь в момент возникновения пословицы. О поляках? Но это конец XVI-XVII века. О шведах? О французах? С чего бы сопоставлять их с татарами — врагами давным-давно минувших времён?

Надо всё-таки вернуться к пословице как к жанру, и тут многое объяснится.

Пословица в русском языке была всегда. Но она вовсе не слагалась «только в пору первобытной простоты речи». Ткаченко здесь цитирует Даля, но во времена Даля весь фольклор считался лишь осколками древнего искусства (так называемая «мифологическая школа» в фольклористике). Масса пословиц, живущих в языке, в целом меняется, но медленно: какие-то пословицы забываются, отмирают, какие-то появляются, утверждаясь в живой речи. В летописи, например, приводится пословица «погибоша аки обре» (погибли, как обры), впоследствии нигде не зафиксированная. А уж во второй половине XX века утвердилась в языке «молчит, как партизан на допросе». Но отдельная пословица стабильна, она живёт в своём первозданном виде. Исключения единичны. Мне известны две: «На тебе, Боже (убоже, небоже), что нам негоже» (её приводит Ткаченко) и «Попал, как кур во щи (в ошип)». Сохраняясь в языке, пословица доносит до нас приметы, подробности обихода прошедших, подчас далёких времён: «Худо овцам, где волк воевода», «Мыть не мыли, а вальком колотили», «Для милого дружка семь вёрст не околица».

В нашей пословице «татарин» — это действительно отголосок далёкого прошлого, времени Золотой Орды. Но это никоим образом не определение национальной принадлежности.

Это отголосок событий, более важных для рядового жителя — «обывателя», — для крестьянина и ремесленника-посадского, чем государственная необходимость, условия вассальной зависимости, дипломатические переговоры, ярлык на великое княжение, союз Александра Невского с Батыем, а Ивана Калиты с ханом Узбеком — всё, чем наполнена большая История. Это воспоминание о набегах, которые постоянно происходили на южных рубежах Руси. Молодых воинов-ордынцев надо было учить воинскому делу. Отдельные беки и темники не прочь были поправить свои дела удачным коротким походом. В средние века это вообще обыкновение, как в Европе, так и у нас. И среди русских, кстати, тоже: новгородские ушкуйники — разбойничьи отряды — на своих лодках-ушкуях спустились по Волге, потом поднимались по Каме, разоряли города, уводили пленных. А южные рубежи, как я уже сказала, беспокоили ордынцы. Эти короткие набеги происходили обычно весной, когда степь покрывалась травой: лошадям нужен был корм. Существует фольклорная характеристика лука-сеянца, семена которого вносят в почву ещё осенью: «Лук — что татарин: как снег сойдёт, так и он тут». И буквальный смысл пословицы: незванный гость хуже вражеского набега.

Но важен не только и не столько буквальный смысл пословицы. Куда важнее её эмоциональная окраска.

Ибо любая пословица не только делает вывод или характеризует явление, она ещё и эмоционально окрашивает речь. Бывают, конечно, случаи, когда интонация просто констатирующая: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Но гораздо чаще каждая пословица имеет свою интонацию. «Цыплят по осени считают» – недоверие или, наоборот, отстаивание своего мнения: добыю, хотя вы и не верите. «Не всё коту масленица» – явная насмешка над кем-то, кого не уважаешь и не любишь и кто теперь попал впросак. «Не было ни гроша, да вдруг алтын» – откровенное удовлетворение удачей.

И тут мы снова возвращаемся к нашей многострадальной пословице. Она принадлежит к числу тех редких, где упоминаются не только бытовые реалии давно прошедших времён, но и исторические обстоятельства и события: «здесь словно Мамай воевал», «погиб, как швед под Полтавой», «голодный француз и вороне рад». Их иногда называют «историческими», но это недоразумение: они такие же бытовые, как и все остальные. Для их эмоциональной окраски характерна облегчённость, некоторая степень несерьёзности, даже шутки. «Здесь словно Мамай воевал» – так никто не скажет о последствиях трагической катастрофы, о разрушенном доме. Так скажет мама, войдя в комнату, где её чада разбросали вещи и кидались подушками. «Погиб, как швед под Полтавой» – вы не скажете и не подумаете так о себе в минуту серьёзного несчастья. Но вы, смеясь, будете рассказывать, как попали впросак, ляпнули что-то несусветное на экзамене или начальник застукал вас, когда вы в рабочее время гуляли по Интернету, – словом, погиб, как швед под Полтавой, да ничего, обошлось. А «голодный француз и вороне рад» – это вообще весёлый трёп где-нибудь в походе, на привале, когда остатки самой незамысловатой еды потребляются с удовольствием. И никакой обиды ни шведам, ни французам здесь днём с огнём не сыщешь.

Вот и наша с вами пословица такова. Она никогда не произносится с интонацией осуждения или недоброжелательства. Мы можем так сказать, переступая порог дома, куда пришли, приехали, не предупредив заранее, – но только дома дружественного, где нам будут рады, и мы в этом уверены (иначе наши слова будут невежливые и бестактные). Интонация – шутливое извинение. В ответ – приветливое, искреннее «ну, что вы», «мы вам всегда рады» или даже та пословица, которую приводит Ткаченко: «Незванный гость лёгок, а званный тяжёл». Это диалог родных или близких друзей.

И в заключение скажу следующее. Строить аргументацию, касающуюся конфликтов сегодняшнего дня, на изначальной и неизменной семантике слов – занятие неблагоприятное, тут Пётр Ткаченко совершенно прав. Да и вообще поменьше бы ими, современными конфликтами, заниматься: многие из них просто высосаны из пальца. Не стоило бы и огород городить. Ведь слово не воробей: вылетит – не поймаешь. А искать поддержки той или иной позиции в фольклоре любого народа, право, не стоит. Фольклор народного самосознания, а народное самосознание куда мудрее любого из современных дискуссионщиков. Что же касается нашей милой пословицы – не будем на неё обижаться, не будем её и стесняться. Она ни в чём не виновата.

ЗАПИСКИ «ПОЖИЛОГО» УЧИТЕЛЯ

Работать в школе я начал в 1954 году после окончания Казанского государственного университета. Первые пять лет трудился по распределению в одной из сельских средних школ Татарии.

С 1959 года по настоящее время работаю в средней школе № 1 города Набережные Челны (10 лет – завуч, 25 – директор, с 1994 года – учитель географии).

Наблюдений и опыта накопилось достаточно. Как сказал кто-то из мудрых: «Память о прошлом – это дозорная вышка, с которой хорошо видно будущее».

Положение в народном образовании сейчас как никогда критическое. Бесмысленность многих реформирований, якобы улучшающих ситуацию, – очевидно. Всё это вызывает такое беспокойство, что у меня, как и у автора известного письма «Не могу молчать», появилось желание высказаться о наболевшем.

Сейчас в СМИ постоянно говорится об успехах в реализации образовательного проекта. Никаких успехов нет, да и не могло быть. Потому что авторы поставили телегу впереди лошади. Да, школы с небывалой до сих пор щедростью оснащаются электронной техникой, подключаются к Интернету. Да, пополняются библиотечные фонды и т. д., и это отрадно. Вместе с тем положение с кадрами, которые, как известно, «решают всё», иначе, как критическим, назвать нельзя.

Заполнить образовавшуюся вакансию уже давно стало проблемой. В последние годы она решается в основном по принципу «сообщающихся сосудов»: учителя по разным причинам переходят из одной школы в другую. Притока молодых сил нет. Какую молодую женщину с высшим образованием (о молодых специалистах-мужчинах школа давно забыла) устроит зарплата в 5—6 тысяч рублей? После последнего повышения на 14% ставка молодого специалиста (восьмой разряд) стала 2 992 рубля. Если добавить сюда 30% (897 руб.) «молодёжных», 848 руб. «компенсации», плюс 600 руб. «адаптационных», то получится 5327 рублей. «Стоимость» же современной жизни известна всем. Кстати, самая высокая ставка 14 разряда равняется 4953 руб.

А вот какова была ситуация для начинающего учителя в конце 50-х годов, когда профессия педагога была почётна и престижна, а народное образование по праву признавалось лучшим в мире. В 1954 году ставка молодого специалиста равнялась 660 рублям. Чтобы было понятно, много это или мало, приведу только одну цифру – свинина на рынке стоила тогда 2 рубля за килограмм. Сравните возможности с нынешними. Моя семья из двух выпускников университета за пять лет работы, не ограничивая себя в бытовых расходах, по «современному» одеваясь, приобрела мотоцикл с коляской, дорогую «радиолу», необходимую мебель. Мы регулярно оказывали денежную помощь родителям. Два отпуска использовали на экскурсионные поездки в Москву и Ленинград. Думается, что сказанное достаточно характеризует материальное обеспечение учителя в те времена.

В 60-70-х годах учитель, имея оптимальную нагрузку не более 20 часов, материально был обеспечен «не хуже других». Из сохранившихся в моих архивах «тарификационных списков» и рабочих записей видно, как со временем условия труда учителя ухудшались в связи с необходимостью увеличивать нагрузку, как «вымывались» из школы учителя-мужчины.

Приведу несколько примеров.

* В коллективе сельской школы, где я работал в конце 50-х, было 22 учителя. Мужчин – 8 (36%). Нагрузка выше 18 часов была исключением.

* В нашей школе № 1 в 1968-69 учебном году работало 35 учителей 5-10 кл., мужчин – 9 (25%). Нагрузка у всех не превышала 22 часов. Зарплаты (100-120 руб.) хватало на вполне достойную по тем временам жизнь. Учитель мог позволить себе «дикарём» отдыхать на «югах». Дорога в один конец обходилась в 10-15 рублей.

В последующие десятилетия жизнь дорожала. Ставки не менялись. Учитель вынужден был «набирать» часы.

* В 1984-85 учебном году наш коллектив состоял из 40 учителей-предметников. Мужчин – 6 (15%). Нагрузку от 27 до 36 часов имел уже 21 учитель, у остальных не менее 24-26 часов.

* В настоящее время в школе 55 педагогов, мужчин – 5 (9%). Это ещё хороший показатель (в соседней школе из 75 учителей мужчин двое – «физик» и «трудолик»).

Нагрузка большинства — от 27 до 30 и более часов. А что значит вести, например, учителю физики или химии более 30 часов? Это 14-15 классов, более

350 учащихся. Столько же тетрадей, требующих регулярной проверки. Это ежедневно 5-6 уроков, из которых только 3-4 учитель в состоянии провести на качественном уровне. Кроме того, он должен вести внеклассную работу по предмету, выполнять обязанности классного руководителя. Ему нужно иметь время для подготовки к завтрашним урокам. Сейчас даже не вспоминается бывший когда-то актуальным вопрос о бюджете времени учителя. А ведь он напрямую связан с качеством обучения и воспитания.

Ещё в 70-х годах, когда учителю работалось и жилось не так уж и плохо, знавший школу не понаслышке В. М. Шукшин писал: «Надо глядеть в корень. За такую, как нынче, зарплату работать нельзя. Какой урон терпим в народном образовании в масштабах страны! Вопрос следует ставить ребром: учителю надо прибавить...». «Глядеть в корень» никто не хотел. Престиж профессии падал. Этому способствовал и принятый, заведомо невыполнимый, закон об обязательном среднем образовании. Общественности и родителям внушалось, что «ставя двойку – учитель ставит её себе», что «нет плохих учеников – есть плохие учителя» и т. п.

Уже тогда, в конце 80-х, лучшие учителя стали менять профессию. Но то, в каком положении оказалась школа после 1991 года, старшему поколению учителей не могло присниться в страшном сне. Проблема текучести кадров появилась даже в нашем, всегда стабильном коллективе. Объясню, почему «даже». Школа № 1 выделяется из общего ряда школ города тем, что с неё в 1937 году началось среднее образование на челнинской земле. И в постсоветское время в школе делается всё возможное, чтобы продолжали «работать» добрые традиции 60-х-80-х годов в организации и руководстве учебно-воспитательным процессом, формировании в коллективе учителей и учащихся комфортного психологического климата. Большую роль в этом играет стабильность руководящих кадров. Школе 73 года. 66 из них должность директора занимали всего 3 человека: 25 лет – её основатель, 25 лет – автор этих строк, 16 последних лет – выпускница школы, проработавшая в коллективе до назначения директором ещё 15 лет в должности завуча. Почти 30 лет бессменно заместителем директора по воспитательной работе была другая наша выпускница, пришедшая в свою школу молодым специалистом.

В советские времена, как правило, ни один учитель, успешно справляющийся со своими обязанностями, не уходил из нашей школы до достижения пенсионного возраста (кстати, ни один и не оставался после – т. к. размер пенсии вполне обеспечивал нормальную жизнь). Тем не менее кадровой проблемы не избежала и наша школа. Сейчас при необходимости трудно найти замену хорошему физику, математику, литератору. Тем более, учителю информатики, физкультуры. Технологию в столярных и слесарных мастерских в некоторых школах преподают женщины. Не одно десятилетие воспитанием подростков и юношей, пришедших в школу из так называемых неполных семей, в которых нет отцов, занимаются учителя-женщины. А ведь где, как не в школе, юноше «обдумывающему жизнь» необходим пример «делать жизнь с кого»?

К. Д. Ушинский писал: «Только личность может действовать на развитие личности, только характером можно образовать характер». Когда узнаёшь, что

в какой-нибудь Норвегии каждую детсадную группу из 10 детей обслуживает три воспитателя, один из которых обязательно мужчина, становится особенно «за державу обидно».

Народная мудрость гласит: «Каков поп – таков и приход». В. В. Путин неоднократно подчёркивал, что во главе дела должен стоять профессионал, знающий дело изнутри. Остаётся только гадать, почему принимать судьбоносные решения по школе поручено человеку, ни одного дня не проработавшего ни учителем, ни на любой другой должности в системе школьного образования. В этой связи вспоминается, как при назначении нового главкома ВВС СМИ отмечали, что он прошёл все ступени служебной лестницы от простого лётчика-истребителя до генеральских должностей. И можно ли представить, что этот пост занял бы, например, профессор авиационного института?

В своё время министр Фурсенко заявил, что национальный проект будет осуществляться молодыми учителями. «Пожилых» планировалось трудоустроить в УДО (учреждения дополнительного образования) и детсады. Оставим за скобками виртуальное представление министра об эффективности функционирования педагогических коллективов, состоящих только из молодых учителей. Но чем предполагалось привлечь в школу молодёжь? Грантом в 100 000 рублей, который получает один из 130 педагогов и который почему-то называют «поддержкой» учительства? Последние два десятилетия школы работают в условиях дефицита учителей. Даже при полной укомплектованности их меньше, чем необходимо, так как многие работают при полуторной и даже двойной нагрузке. Министр всегда считал, что в стране перебор педагогов. Агентству РИА «Новости» он 5 лет назад заявил: «В российских школах в полтора раза больше учителей, чем необходимо. На 15 млн. школьников – 1,6 млн. учителей. Более 10 учеников на 1 учителя, а в Европе это соотношение 15 к 1. В результате учителя придумывают себе дополнительные занятия и часы». Воспринимать сказанное можно только в силу поговорки насчёт «бузины и киевского дядьки», ибо приведённые цифры не имеют никакого отношения к потребности школ в кадрах. Сейчас, по разным причинам, в том числе и из-за того, что всё больше учителей ведут по 1,5-2 ставки, число учителей сократилось до 1,3 млн.

Министр Фурсенко объявил главным путём повышения качества образования «переучивание всех учителей». Профессионалы знают, что переучивать состоявшегося учителя – бессмысленно, а попавшего на эту работу случайно – тем более. Ещё А. С. Макаренко, перечисляя главные необходимые качества педагога, первыми называл любовь к детям и склонность к работе с ними. А незабвенная Фаина Раневская в своё время сказала, что «настоящим учителем, врачом и актёром стать нельзя. Им надо родиться».

Работа по повышению квалификации учителя нужна. Вопрос в её разумной организации. В советские времена на всю республику функционировал один Татарский институт усовершенствования учителей (ТИУУ), располагавшийся в Казани. На местах педагоги знакомились с современными проблемами методики и дидактики в рамках работы городских, районных и школьных методических объединений. Главный вопрос – не повышение методического уровня учителя, а улучшение условий его труда. Нужно только, чтобы учителя были

учителями не по должности, а по призванию. Профессиональное мастерство индивидуально. Оно обретается, главным образом, опытом.

Меня поразило заявление министра о том, что директора школ и учителя не должны надеяться только на государство, а сами обязаны искать дополнительные источники дохода. Учителю предлагается пополнять свой бюджет проведением часов дополнительных платных услуг. Приведу рядовой пример: учительница татарского языка (12 разряд), одиночка, воспитывающая сына, имеет нагрузку 36 часов. Проводя 6 уроков ежедневно, она получает «чистыми» 8 000 р. На сколько часов она в состоянии увеличить свой рабочий день?

Мягко говоря, нереальной является и идея Фурсенко – увязать зарплату учителя с его качественными показателями. «Хороший учитель, – заявил министр, – будет получать достойную зарплату (назывались цифры 25-30 тысяч рублей)». «Статус кво» таким образом получают и плохие учителя, «качественные показатели» в работе которых окажутся липовыми.

Не вяжется позиция министра в кадровых вопросах с задачами повышения качества обучения и воспитания. Учителя не токари, изготавливающие детали на стандартных станках из сертифицированного материала. Уровень обучаемости определённого класса или конкретного ученика далеко не всегда находится в прямой зависимости от квалификации учителя. Приведу пример: в прошлом году опытный, «настоящий» учитель математики Р. Ш. выпускала два 11-х класса. Один показал отличные результаты ЕГЭ (100% успеваемость, 80% качество), другой – весьма и весьма посредственные. Но в школе-то знают, каких трудов стоило ей, чтобы все учащиеся «слабого» класса выдержали экзамены. Так «хороший» или «плохой» учитель Р. Ш.? И какую зарплату ей надо платить? А ведь такая ситуация не исключение, а правило.

Нужно не понижать зарплату «не настоящим» учителям, а создавать условия для добровольного притока в школу талантливой молодёжи. Селекционная ротация будет постепенно, но неуклонно «вымывать» из коллективов «бездарных» учителей. Никакие другие псевдоноваторские, скороспелые чиновничьи придумки не улучшат качественный состав учительства и, соответственно, уровень образовательного процесса.

Следует сказать, что все постсоветские придумки – разряды, категории, компенсации, фиксированные премии, а теперь ещё и предполагаемое деление на «плохих» и «хороших» учителей, исходят из того, что якобы учителя могут, но не стараются работать лучше. Таких учителей очень и очень мало. Педагог – не кабинетный работник, не врач, который один на один с пациентами проводит свой рабочий день. Учителю, как актёру, неинтересно, если хотите, «невыгодно» не использовать все свои способности и умения. Другой вопрос – в какой мере он ими обладает, но тут уже ни зарплаты, ни переучивания делу не помогут.

Вообще, все (практически) «реформирования» школьного образования позже, как правило, отменялись. В начале 60-х три года просуществовала 11-летка, вводилось обучение «шестилеток», принимался закон об обязательном образовании (80-е годы). Последний советский «школьный» министр, академик Ягодин провёл реформирование испытанной традиционной 4-летней началь-

ной школы. Было решено сделать её трёхлетней. Пять лет переходили на новые программы, учебные планы, печатали новые учебники. Учащихся из третьего класса сажали сразу в пятый. Опыт показал, что дело только ухудшилось. Ещё пять лет переходили обратно на 4-летнее обучение. Экс-министр Филиппов (предшественник Фурсенко) потом скажет: «К сожалению, Ягодин тут ошибся». Не мудрено. Академик Ягодин, став министром, в интервью «Учительской газете» заявил о предстоящей «демократизации» школы. «Ученики получают возможность выбирать тех учителей, у которых они хотели бы учиться. А то, что у одного учителя будет много учеников, – не беда – учителю не всё ли равно обучать 300 или 30 учеников». Эта цитата говорит о том, насколько далёк был назначенный министр от школы.

В 80-х, как уже упоминалось, школы лихорадило от закона, по которому требовалось всех учащихся «доводить» до выпускного класса и вручать им аттестаты. Считалось отсевом и строго наказывалось, если ученик, получив основное образование, поступал в профтехучилище.

Реформаторы приходили и уходили, а школа, учителя продолжали стабильно работать в режиме традиционной российской системы обучения до тех пор, пока педагогический корпус не оказался значительно обескровленным. Государство за постсоветское время создало в школе такие условия работы и жизни, что невозможно стало качественно выполнять свои обязанности даже хорошим учителям.

Надо перестать искать способы заставить молодёжь работать в школе. Экс-министр Филиппов планировал «изменить систему подготовки учителей»: после 4-го курса обязать студента отработать 1 год в школе, а затем завершать учёбу. Тщетны попытки заманить молодёжь, как это делается и сейчас путём заключения со студентами контракта, по которому государство оплачивает обучение, а специалист по окончании вуза отрабатывает в течение 3-х лет «школьную барщину». Нетрудно представить, сколько судебных исков ждёт государство в ближайшем будущем. Большинство молодых людей, получив диплом, имея хорошую голову (плохая не нужна и школе), устроится работать там, где через 3-4 месяца сможет погасить долг перед государством.

Для того, чтобы в народном образовании начались позитивные перемены, нужно вернуться к оправдавшему себя советскому опыту: установить достойный твёрдый размер оплаты 18-часовой ставки, зависящий только от образования, стажа и ступени обслуживаемых классов. Молодой специалист будет знать свою гарантированную зарплату сейчас и в перспективе, а не гадать, какой разряд ему определят чиновники по результатам нервозатратной, бутафорской, якобы повышающей педагогическое мастерство аттестации. Возможность работать при оптимальной нагрузке, не перебиваясь с хлеба на воду, позволит учителю раскрывать свой творческий потенциал. В школу придёт талантливая молодёжь. Через 4-5 лет в педагогических коллективах вырастет современное поколение «настоящих» учителей. Могут вернуться и ушедшие, не успевшие состариться мастера педагогического труда. Начнётся постепенный нескорый процесс позитивных изменений в состоянии школьных дел.

Но события последнего времени, похоже, надолго, если не насовсем, отодвигают возрождение традиционной, признаваемой даже нашими противниками лучшей в мире, советской системы школьного образования. СМИ сообщают, что идеи г. Фурсенко сделать школу коммерческим предприятием, занимающимся обучением и воспитанием детей по возможности, материализовались в келейно принятом законе. Мнение учителей, родителей и учащихся чиновников не интересует: «Жираф большой – ему видней»?!

А вот в Швейцарии, говорят, ни один общественный туалет не открывают без проведения предварительного выяснения позиции каждого жителя по этому вопросу.

Министр Фурсенко спешит. Он заявил однажды, что реализацию инноваций нельзя растягивать на 10-15 лет. Осуществить их и тем самым улучшить качество обучения и воспитания он намеревался за 2-3 года. Эти годы далеко позади, а положение в школах всё хуже и хуже. Народное образование – сфера консервативная. Даже проводя в жизнь не «безумные и сгоряча», а разумные, востребованные развитием научно-технического прогресса идеи, нельзя ожидать скорых положительных сдвигов.

Об этом со знанием дела говорил ещё в конце XIX века российский сенатор К. П. Победоносцев: «В деле народного просвещения и воспитания мудрость велит не спешить, но стремиться последовательно и неуклонно к осуществлению идеала».

Р. С. Не все мысли, кажущиеся мне актуальными, уместились в прокрустово ложе данной статьи. Поэтому позволю себе изложить их в виде следующих «добавок» или примечаний.

* Учитель (учительница!) – единственная профессия, не имеющая пятидневки. Учитель с радостью соглашается на укороченный летний отпуск, чтобы иметь отпускные дни, разбросанные по неделям. Полноценный отдых после напряжённой трудовой недели – мечта учительницы. То, что школам предлагается самим выбирать, 5 или 6 дней работать, – пустой звук. Министр просвещения Тихонов в 90-х годах заявил, что со следующего учебного года приказом все школы будут переведены на пятидневку. К сожалению, летом был он освобождён от должности.

* Новая система оплаты труда: «Много пятёрочников, хорошая успеваемость – хорошая зарплата, плохие результаты – плохая зарплата». В советской школе, в стране, где соцсоревнование считалось «двигателем прогресса», соревнование по успеваемости было категорически запрещено.

* Сейчас не «школа», а «образовательное учреждение», оказывающее услуги («образовательные»). Учитель – слуга. Такое к нему и отношение.

«Учащиеся» (учащие сами себя) переименованы в «обучающихся», то есть в субъекты, которых обязан обучить учитель (оказать «качественные услуги»). То, что учёба требует больших затрат учебного труда от самого ученика, – не принимается во внимание.

* Обсуждается проблема плохого знания учащимися русского языка. Нынешние пятидесятилетние властимушье, хорошо владеющие языком (В. В. Пу-

тин, Д. А. Медведев и др.), наверное, не помнят, что в советской школе они с 1 по 4 класс ежедневно занимались русским языком и литературным чтением по 2 урока в день. То есть в учебном плане было отведено на предмет по 12 часов в неделю. В настоящее время – 6 часов. Опытные учителя говорят – нет возможности, нет времени для обстоятельного закрепления материала, нет времени для необходимого объёма письменной работы с учащимися. А ведь здесь закладывается фундамент всего дальнейшего обучения.

* С 1991 года в нашу школу пришёл только один учитель-мужчина.

У Малахова в телепередаче «Пусть говорят» 31.03.2010 года об избииении 73-летней учительницы физкультуры депутат говорит: «Отправьте её на пенсию, а возьмите хорошего мужчину – физрука». Кто-то крикнул: а кто пойдёт туда за 7-8 тыс. рублей? Депутаты «страшно далеки от народа».

* За 20 лет в нашу школу устраивалось 5-6 молодых специалистов-девушек. Из некоторых могли получиться хорошие учителя. Все через год работы (или раньше) уходили в другие структуры. Последняя в этом году, учитель английского языка, проработала полгода и нашла место в налоговой инспекции.

* Недавно Путин в Тюмени спросил учителей: «Сколько вы получаете?». Учитель-мужчина (по телевизору всегда стараются показать мужчину) ответил: 20 тысяч. Суть не в зарплате, а в размере ставки. Если у них там большие надбавки, то, ведя двойную нагрузку (36 ч.) плюс классное руководство и т. д., может набежать 20 тысяч рублей. У нас при ставке 4 тысячи рублей, проводя по 6 уроков каждый день, тоже можно «заработать» 10-12 тысяч. А каков КПД?

* Из раздела педагогики «Поощрение и наказание» практически исчезла вторая часть. Основной метод влияния – беседы. Даже слово «наказание» стало непедagogическим. К чему ведёт безнаказанность – общеизвестно. Депутат Московской городской думы у Малахова в передаче при обсуждении случая, когда учительнице физики десятиклассник нанёс 9 ножевых ран, упрекает её, что не поставила липовую «тройку»: «Вам что дороже – «тройка» или личность?» Учительница как раз добивалась, чтобы ученик потруился, сдал зачёты, стремилась, чтобы положительно повлиять на формирование личности. А школьник-наглец не хотел трудиться.

* Сейчас за курсы повышения квалификации учителя нередко платят собственные деньги.

* Один из выдающихся советских педагогов Захаров писал: «Школа – это директор. Каков директор – такова и школа. Школа не может быть лучше своего директора».

Министр Фурсенко однажды сказал, что всеми вопросами вплоть до распределения нагрузки, премий и других основополагающих решений должны заниматься советы из представителей чиновников от образования, родителей, общественности и т. д. Как могут всё это «определять» посторонние люди, появляющиеся в школе время от времени?

Абсурд: решение должен принимать совет, а отвечать за работу должен директор?!

* Создание работоспособных коллективов, «воспроизводящих самих себя путём естественной ротации кадров», – длительный процесс.

Если сделать высокие ставки и «разом», волевыми действиями заменить «пожилых» на молодых (именно так хотел министр осуществить нацпроект), то в школах проблем с организацией учебного процесса, с качеством обучения станет ещё больше, чем сейчас.

* Закон о всеобщем обязательном среднем образовании. В начале 80-х стабильных годов (для школы, да и для общества) он был признан бессмысленным и отменён. У нас сейчас ситуация в обществе и школе лучше, чем в 70-80-е годы?

* Фурсенко ни разу не высказался о низкой зарплате учителей. Однажды на вопрос по этому поводу ответил: «В Москве средняя зарплата учителя – 36 тысяч – неплохо».

На вопрос тележурналиста: «Что Вы пожелали бы учителям?», министр ответил: «Чтобы учитель шёл в школу не деньги зарабатывать, а обеспечивать качественное образование». Как говорится: тут «ни убавить, ни прибавить».

* Сейчас многие уже знают, что при отвергнутой советской системе школьного образования через каждые 11 лет школе, независимо от её состояния, выделялись средства для капитального ремонта. Здание нашей школы было построено в 1977 году. В 1989 году нам было выделено 289 тыс. рублей на капитальный ремонт. «Жигули» тогда стоили 6-7 тысяч. Сейчас эта сумма идентична 12-13 миллионам рублей.

* Родители не вносили ни одного рубля на какие-либо нужды, кроме как за платные обеды учащихся.

* Каждую учебную четверть школа получала определённую сумму для оказания помощи малообеспеченным семьям. Средства распределял родительский комитет школы по представлениям классных руководителей.

* Из наполняемости класса сделали «прокрустово ложе» – 25 человек. В придуманной системе финансирования «деньги следуют за учеником». Рубли побеждают здравый смысл. Как можно сохранять в течение года при постоянной миграции населения требуемый комплект? А это обязывают соблюдать неукоснительно. К тому же почему 25? Ведь за столом сидят по два ученика. Кто-то из ребят обрекается быть «учеником-одиночкой».

* У ЕГЭ только один положительный аспект – он показал, что школы, «выполняя» Закон об обязательном среднем образовании, вынуждены были раньше «дотягивать» всех выпускников до аттестата о среднем образовании.

* Психологическая заметка: я веду уроки только в 10-11-х классах. Каждый год приходят новые классы. Традиционно срабатывает «лакмусовая бумажка»: после второго, иногда третьего урока ребята, прощаясь, начинают произносить: «До свидания, Юрий Иванович». Взаимный контакт установлен. И в этих классах проблем с уроками не будет.

ЖИЗНЬ ПО ПОНЯТИЯМ

Глоссарий

ПРЕАМБУЛА (от фр. *preambule* — предисловие) — минимально необходимое введение в тему, пояснение к последующему тексту. В данном случае — к фрагменту иронического глоссария. В изобилии словарей, заполнивших книжные полки (от фундаментального Даля вплоть до многотомного словаря мата под ред. А. Плущера-Сарно), есть одна существенная лакуна. Никто из филологов не взялся составить частотный словарь наиболее употребительных понятий современности и прояснить их актуальный смысл. Не хватает глоссария к модным идиомам и расхожим выражениям, чей смысл по факту весьма отличен от значения по словарю. Глосса — объяснение непонятого слова или научный комментарий к тёмному понятию; глоссарий, соответственно, свод истолкований. Данная попытка бестолкового словаря отражает мой опыт (не) понимания особенностей национальной лексики, где обиженные слова скушают по словарям, а сокровенный смысл выражается в речи жестами и междометиями. Такова жизнь по понятиям. Что такое «понятие», если отвлечься от словарного определения термина и вслушаться в его интуитивное речевое употребление? Это своего рода догма, идейная опухоль в естественном языке, несоразмерно разросшаяся за счёт поглощения и уничтожения значения других слов, составляющих данную семантическую нишу, и метастазами проникающая в семиотические глубины языка, где порождаются смыслы. Если слово имеет одно значение, а в его тени прячется совсем другое, значит, в нашей жизни что-то не так. Теневая семантика, как и теневая экономика, размывает

нравственность и разрывает солидарность. Язык активизирует в жизни те или другие явления, определяющие течение отечественной истории. От того, какие слова мы выбираем для общения, зависит характер общественных отношений. И наоборот. Поэтому по анализу речи можно определить симптомы болезни социума. Кажется, ещё Жозеф де Местр сказал: порчи нравов начинается с порчи языка. Ниже следует ряд понятий, которые лично мне кажутся проблематичными в этом плане. Для удобства читателя выбраны сомнения на одну букву; в словаре Даля эта буква составила отдельный том. Курсивом в тексте статей обозначены перекрёстные ссылки.

ПАСТИШ (от ит. *pasticcio* — опера из отрывков других опер, смесь, попури) — термин *постмодернизма*, редуцированная форма пародии. Художник, не способный к спонтанному творчеству, берёт в иронические кавычки образы и смыслы, выданные из прежних шедевров, и позиционирует их как оригинальный *продукт*. По правилам игры, установленным критиками, мы должны быть активными *потребителями* этой контрафактной продукции, то есть соучастниками кражи. Таким же откровенным пастишем являются программы современных политических партий (ЛДПР, КПРФ и др.). Да и всё прочее, если присмотреться...

ПЕРФОРМАНС (англ. *performance* — исполнение, игра, зрелище, спектакль) — художественное действие на стыке изобразительности и театральности, которое совершает художник (по известному только ему *проекту*) с привлечением посвящённых и вовлечением прохожих, отличающееся бессмысленностью, провокативностью и семантической агрессией. Классическим примером является акция Олега Кулика, изображавшего в голом виде собаку и кусавшего прохожих за ноги. Так что если вам в общественном месте просто дали в морду — это хулиганство, а если это публично сделал художник-концептуалист в рамках *проекта* — это уже перформанс. И не вздумайте ответить тем же: художника обидеть каждый может...

ПИАР (устоявшаяся аббревиатура PR англ. выражения *public relations* — общественная информация, рекламная акция) — совокупность действий по раздуванию *престижа*: *проект*, *продуктом* которого является симулякр: ноль, возведённый в нужную величину. Истинное значение произвольно выявляется в глагольной форме: пропиарить — то есть впарить, впендюрить, втюрить, втюхать... ну, в общем, понятно.

ПЛАН ПУТИНА (см. *Путина план*).

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ (от англ. *position* — положение, точка зрения, определение ракурса) — заявленное намерение отстаивать свой частный интерес как общественно-значимую объективную позицию; в эпоху *постмодерна* отсутствие общественного согласия и общепризнанных критериев («эпистемологическая неуверенность» по М. Фуко) позволяет любую кочку позиционировать как вершину (если, конечно, хватает средств и связей удержать свою позицию от натиска оппозиционеров). Вот, к примеру, данный набор слов я позиционирую как эссе — и кто может помешать мне в этом?

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ, он же юзер: *потребитель* определённого рода информационных и коммуникативных услуг, понятия не имеющий, как работает система, которой он пользуется, и потому всецело зависящий от программистов, меняющих правила и опции по своему усмотрению и к вящей выгоде хозяев всей системы. Короче — представитель молчаливого большинства. Ещё короче — каждый из нас. Что делать... Ведь в том, как устроена жизнь, мы тоже мало что понимаем — а всё же как-то живём, пользуемся возможностью...

ПОНТ (на фене — напряжённая обстановка, создаваемая для удобства кражи; обман, хитрость; напускной вид, видимость; прибыль, выгода) — антураж, подобранный для произведения фиктивного эффекта, скрывающего ничтожность повода. Можно сказать, активный *пиар* политика, лишённого настоящей харизмы... но я этого не скажу; мало ли кто как поймёт. Лучше отослать читателя на любую *презентацию*, где автор *проекта* с понтом *позиционирует* какую-нибудь туфту в качестве шедевра.

ПОПСА (корень слова образован от англ. popular — популярный, общедоступный, пользующийся широким спросом) жаргонный синоним массовой культуры. Впервые в поп-арт, модном искусстве в стиле *пастшиш*; позже — в размежевании рок-музыки и коммерческой эстрады; в настоящее время термин обозначает любой дешёвый суррогат искусства и охватывает всю специфику индустрии досуга. Более того, попса даёт метастазы в смежные семиосферы. В спектре национальной жизни широко представлены поп-политика (В. Жириновский), поп-философия (М. Веллер), поп-наука («новая хронология»), поп-медицина (легион целителей) и т. д.

ПОСТМОДЕРН (от лат. post — после чего-либо, и фр. moderne — современный) — послесовременность: философское обозначение нашей эпохи как безвременья, когда все классические и новаторские способы мыслить об истории исчерпаны, а новых нет и взять неоткуда. У творческой тенденции постмодерна вместо метода — *пастшиш*. Отсюда системный кризис гуманизма. Поэт Иосиф Бродский обозначил нашу эпоху как постхристианскую, что ещё страшнее. Поэты, ему оппонирующие, обычно не различают понятия *постмодерн* и *постмодернизм*. Из эпохи никому не выкрутиться. А вот отвечать на её вызов (вернее, на молчание духа времени) можно по-разному.

ПОСТМОДЕРНИЗМ — течение в философии и явление в искусстве, пытающееся отсутствие метода превратить в метод. Другими словами, игра без правил, в которой потерянный смысл ставят на битую карту. Постмодернизм — *проект* настоящего, не опирающегося на прошлое и не рассчитанного на будущее. В общем, сплошные *понты*.

ПОТРЕБИТЕЛЬ — быдло, которому скармливают *продукт* и за счёт которого сытно и сладко кормятся инициаторы *проектов*. Массовый человек, лишённый личности; мировоззрение и поведение потребителя обусловлено *попсой* и контролируется *посредством* СМИ. В политическом лексиконе адекватное понятие — избиратель.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ (от лат. praesentatio — предъявление) — публичное представление нового *проекта* или *продукта* в рамках *пиар*-кампании; хороший повод собрать нужных людей, чтобы использовать их *престиж* в своих интересах,

а также с *понтом* выставиться и выпить на халяву за счёт спонсоров. Значение события, как правило, обратно пропорционально масштабу его презентации.

ПРЕССИНГ (калька с англ. *pressing*) — давление, характеризующееся силой напора, постоянством и целенаправленностью; в общественной жизни эффективная замена убеждения и воспитания. Раньше бы сказали — гнёт. Теперь, вроде бы, у нас открытое общество. А всё же основной метод любой *пиар*-кампании, идущий сверху — прессинг *потребителя*. Ну и что? Нам не привыкать... Нас все бьют, а мы крепчаем.

ПРЕСТИЖ (калька с фр. *prestige*) — авторитет, которым пользуется лицо или явление вне зависимости от его действительных качеств. Какое только дерьмо не хакает *потребитель*, если на этом дерьме стоит раскрученная марка. Как говорил Козьма Прутков: если на стойле осла написано «буйвол» — не верь глазам своим. Мы потребляем не сущность *продукта*, а его атрибуции. Да и сами-то *пиаримся* на *понтах*. Главное — не быть, а казаться. Разумеется, в рамках соответствующего *проекта*.

ПРОДУКТ (от лат. *productus* — произведённый) — конечный результат целенаправленного труда, вещественный или ментальный. Экспансия слова во все отрасли нашей жизнедеятельности отражает победу рыночных отношений и поражение человека в его правах на творческое отношение к действительности. Всё — продукт. Всё производится и потребляется, и разница лишь в доступности и цене. И сам человек уже не мера всех вещей, а *потребитель* оных — то есть главный *продукт* общества потребления.

ПРОЕКТ (от лат. *projectus* — выступающий вперёд) — ментальный образ предполагаемого объекта. В узком смысле — продуманный *план* и техническая документация. Неоправданно широкое применение сугубо инструментального термина говорит о торжестве виртуальной реальности над здравым смыслом. *Позиционируя* данное эссе как *проект* словаря, я отлично знаю, что не собираюсь дальше работать по этой теме, но заявленный масштаб автоматически повышает мой *престиж* как автора. А мне только того и надо. Далеко не всякий *проект* предусматривает на выходе *продукт*.

ПУТИНА ПЛАН (см. *план Путина*).

ПОСТСКРИПТУМ (от лат. *post scriptum* — после написанного) — приписка к законченному тексту, содержащая нечто важное, упущенное в изложении. Что добавить к сказанному? Разве что старую мудрость в качестве морали к басне... *Quos duces perdere vult, dementat prius. Кого боги хотят погубить, лишают разума*. Применительно к нашему предмету можно сказать так: нечистая сила, искушающая дух времени, напускает порчу на словарь эпохи. Не дай нам Бог сойти с ума — и избави нас от лукавого...

Виль Мустафин. Дневные сны и бдения ночные: стихотворения, эссе, воспоминания друзей. Казань, 2009. 416 с.

Виль Салахович Мустафин был поэтом, математиком, мыслителем, руководил Казанской городской организацией Союза российских писателей. В 1937 году расстреляли его отца и арестовали мать. Окончил физико-математический факультет КГУ. Работал в различных казанских вузах и НИИ: «на жизнь зарабатывал математикой».

В течение тридцати лет стихи В. С. Мустафина не печатались, друзья и почитатели поэта распространяли их через «самиздат». Лишь с конца 80-х стали выходить поэтические сборники. Из них и составлена данная книга: «Дневные сны и бдения ночные», «Беседы на погосте» — диалог поэта с Мариной Цветаевой с использованием её стихов, «Сонетные вариации», «Стихи о стихах»; вошли сюда неопубликованные ранее произведения, также эссе, интервью, воспоминания друзей. Они говорят о нём как о человеке

многих талантов: учился по классу скрипки, имел прекрасные вокальные данные, мог стать выдающимся математиком, но ушёл из аспирантуры, когда диссертация была почти готова.

Отказ от карьеры и славы был обусловлен поисками духовной свободы. Человек с чистой и щедрой душой он не мог воспринимать несовершенство общественного устройства нашей жизни. Свои книги только дарил...

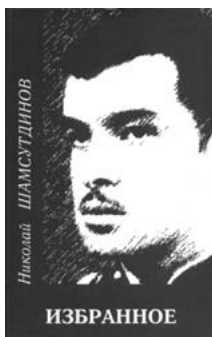
Виль Мустафин был популярен и любим многими. Среди них немало людей, считающих себя его учениками. Это, в частности, и те, кто занимался в литературной студии, организованной Вилем Салаховичем при картинной галерее Константина Васильева, творчество и личность которого поэт оценивал очень высоко.

Орловский край в русской литературе XX-XXI веков: исследования, публикации, сообщения. – Орёл, 2009. Вып. 2, ч. 1. 296 с. Вып. 2, ч. 2. 316 с.

Второй выпуск издания-серии посвящён памяти талантливого русского поэта Николая Перовского (1934-2007 гг.). В первую часть научного сборника вошли статьи-исследования, автобиографические и публицистические произведения писателя, воспоминания современников о поэте. Во вторую — письма, рецензии на книги писателя, документы из его личного архива, фотографии.

Уже в первом номере «Аргмака» наши читатели познакомились со стихами Николая Михайловича в подборке «Дороги пропахли полынью», предварённой воспоминаниями об авторе Н. П. Алешкова, имевшего счастье быть не просто знакомым с ярко одарённой личностью, но и состоять с Николаем Михайловичем в доверительных дружеских отношениях.

Николай Шамсутдинов. Избранные стихотворения в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2009. 516 с.

Виктор Астафьев пишет о поэте: «Уроженец Ямала, мать которого занималась сбором пушнины во время войны, вспоенный водами рек Оби и Иртыша, вскормлённый рыбой этих великих рек, он был свидетелем «освоения нефтяной целины...» Стихи молодого Шамсутдинова – поэзия труда, в жёстких условиях севера вырабатывающего в людях особый, сибирский характер: буровики, геологи, водители, речники...

«Но прошли годы, — продолжает Астафьев, — и наступило горькое прозрение всех жителей Сибири, в том числе и северных её окраин, потому что освоение «незаметно» перешло в покорение, а затем и в избиение сибирских, казалось бы, необъятных и недоступных пространств».

Поворот в творчестве поэта определило создание замечательной поэмы «Покорители». Это «поэма-боль, поэма-крик, поэма-смятение нашего разума, воззвание к нему...» — спасти планету, «всё более впадающую в инвазивное состояние». «Мандарин», с вертолётца, // Люк закупорив грузною тушей, он бил// Беззащитных лосей и смеялся: «Охота!..» — // Бил и после описывал бойню, дебил».

Жаль, не попадает подобное произведение в школьные учебники, ведь «избиение» природы продолжается. Совсем недавно газеты рассказали о гибели вертолётца, из которого такие же «мандарины» так же расстреливали животных, занесённых в Красную книгу.

Стихи Шамсутдинова кому-то покажутся на первый взгляд не столь простыми, как, скажем, у Исаковского. Но читать их, вдумываться – нужно. Тогда и придёт сопереживание – с болью души поэта, с болью земли нашей. А дальше? Не будем загадывать, но быть молчаливыми – нельзя.

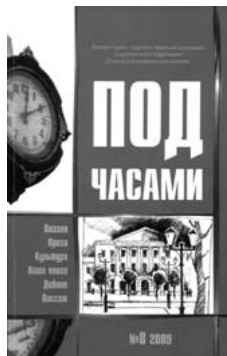
Николай Алешков. С любовью и нежность. Лирика. Казань, 2010. 175 с.

Только что вышла из печати новая поэтическая книга Николая Алешкова – русского поэта, широко известного в Татарстане и не только. Избранная лирика... Писать о любви непросто: нужна известная доля сдержанности, но и без откровенности не обойтись. К удаче автора им точно определён нужный градус доверительного разговора с читателем. Строки Алешкова о любви – от понимания жизни, они многогранны, как сама любовь – и платоника обожания, и страсть. Как обобщение хочется привести слова: «Руки твои, как струны, // на грифе судьбы моей». Где слово «руки» можно считать собирательным образом – Родины, Матери, Женщины.

Наталья Вердеревская. Мы дети тридцать седьмого. Елабуга, 2009. 28 с.

Небольшая, совсем тоненькая книжица. Но такая горькая, такая жгучая, что, прочитав её, трудно взять в руки другую: одолевают раздумья – в десятый, в сотый раз! — почему у нас так? Тем более, что написана книга не из третьих уст, а действующим лицом. Отец Натальи Александровны Вердеревской, председатель горсовета в Ульяновске в 1938 году был расстрелян вместе с другими.

Кандидат филологических наук, доцент, член Союза российских писателей, поэтесса Н. А. Вердеревская рассказывает о том, какая судьба выпала жене и двум дочерям «врага народа», о подобных судьбах других елабужан, о деятельности городского отделения Ассоциации жертв политических репрессий. Материал книги – это стихотворные произведения и газетные публикации автора. Остаётся добавить, что 29 октября 2009 года в Елабуге открыт Мемориальный комплекс жертвам политических репрессий.

Под часами. Альманах. Смоленск, 2009, № 8. 256 с.

Открывается номер юбилеем одного из самых выдающихся учёных и писателей Смоленщины, доктора филологических наук, профессора Смоленского государственного университета, члена Союза российских писателей В. С. Баевского и его замечательной повестью «Центральный посёлок, или Почему всё-таки мы так и не построили коммунизма. Из жизни юродивого» — об учителе, нечестом герое литературных произведений. Так же легко прочитываются остальные проза и поэзия, не отягощённые ни длиннотами, ни сленгом.

Раздел «Культура» знакомит со Смоленским государственным драматическим театром имени А. С. Грибоедова, театру исполнилось 230 лет. Литературоведческие статьи рассказывают о трудной судьбе известного литературного критика А. В. Македонова, о творческих поисках известного советского поэта Николая Рыленкова.

Складчина. Литературный альманах. Омск, 2009. № 1(33). 156 с.

Книжка небольшая, но, как говорят, читабельная. Вот интересная рубрика «Одно стихотворение из новых...» и — возможность опубликоваться сразу несколькими авторами. Вот «Моя литература» В. Яранцева с подзаголовком «незлые заметки», и — где-то оказываются с перчиком. Вот о малоизвестном: русский писатель Вивиан Итин получил мировую известность как первый в советский период автор научно-фантастической повести. Но его произведения в годы сталинщины были запрещены. Тем более любопытно прочесть в альманахе стихи этого поэта. Как родные вжились в книжку гости из Смоленска. А завершает её хроника — о литературных конкурсах, новых книгах, других культурных событиях.

Вертикаль. XXI век. Литературно-художественный журнал. Выпуск 28. Нижний Новгород, 2010. 224 с.

Как сказано в редакционной статье, основная цель издания — ознакомление читателей с произведениями лучших писателей России, ближнего и дальнего зарубежья; привлечение журналистов, публицистов, критиков, учёных для осмысления исторического пути России, её культурного наследия. На страницах «Вертикали» уже выступили такие писатели и поэты, как Юрий Андрианов, Василий Белов, Владимир Крупин, Николай Переслав, Валентин Распутин, Олег Шестинский, Семён Шуртаков, Юрий Бондарев и другие.

Журнал знакомит читателей с творчеством нижегородских писателей и художников, печатает мемуары, посвящённые неизвестным страницам нижегородской культуры.

Вот 28 выпуск. Здесь окончание романа В. Чугунова «Молодые», отчёт об очередном заседании Московского интеллектуально-делового клуба (клуб Н. И. Рыжкова), рассказы Н. Горловой, живущей в Москве; в рубрике «Из памятного» поэт, переводчик, эссеист, издатель А. А. Парпара рассказывает об одном из выдающихся поэтов минувшего века Василии Фёдорове. О писателе В. Николаеве вспоминает главный редактор журнала В. Сдобняков.

Тула. Литературный альманах. Тула, 2009. 280 с.

Думается, каждый, кто возьмёт в руки эту книжку журнала, прочтёт её от корки до корки. Так много в ней всего, чего хочется не просто узнать, а и осмыслить. Это горькая правда жизни в рассказе А. Кузнецова «Минута ангелов» о разлучённой чете стариков. Это три дня мучительной смерти Пушкина, автор Н. Макаров. Это мысли священника В. Зелинского о том, каким быть церковному языку. О поэте Давиде Самойлове пишет один из лучших российских литературоведов Лев Аннинский. Об истории рода Толстых – С. и Ю. Никольские. В. Курбатов представляет свой итальянский дневник. В краткой аннотации всего не перечислишь, остаётся позавидовать этим везучим тулякам. И пишущим, и читающим.

Петровский мост. Литературный журнал. Липецк, 2009. № 2(4). 199 с.

«Льётся гомон со всех скворечен// В жадной радости бытия.// Это город с утра подвешен// На весёлых нитях дождя». Это строки С. Жеребятьева, подборкой его стихов и открывается номер. Стихи будут и далее – и обычной подачей, и такой её формой как «Антология двух стихотворений».

Журнал отличает разнообразие жанров. Например, в разделе прозы повесть, рассказ, отрывки из исторического романа. И не более. Раздел «Культура и искусство» — это состоявшийся в Липецке XVIII Международный кинофорум «Золотой Витязь», ретроспективная выставка заслуженного художника России В. Дворянчикова, заметки о творчестве фотохудожников Е. Воропаевой и Н. Алексеевой с изумительными репродукциями на цветной вкладке.

В минувшем году мы отмечали 210-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Этому юбилею – особое внимание журнала: путешествуя на Кавказ, Пушкин дважды был в Ельце. Член Союза писателей России, автор художественных, научных и краеведческих книг А. Новосельцев исследует тему, приводя и достоверные факты, и легенды. А продолжает её поэтесса Г. Григоренко – столь же познавательной статьёй о Пушкине и Раевских.

* * *

Как видим, у региональных журналов схожие принципы. Они без политики, признают разнообразие литературных вкусов, стремятся к качественному отбору и явно противостоят псевдокультуре, сыплющейся на нас как горох из дырявого мешка с экранов, всяческих гламура, даже порой со сцен театров. Роднят их проблемы – деньги, малые тиражи, суженный круг читателей.

Литературные журналы не замыкаются в областных границах. Они «ходят» друг к другу в гости. Так, смолянин «Под часами» побывал на Урале и понравился хозяевам. А у себя принял омскую «Складчину», которая, в свою очередь, предоставила страницы литераторам Смоленщины. По всей вероятности, их произведения порадовали омичей: поучительны и реаль-

ны рассказы А. Макаренкова о жизни подростка. Многим интересен документальный материал «Травля» – хроника творческой жизни и борьбы выдающегося русского поэта и человека А. Т. Твардовского, написанный его земляком В. Савченковым, автором многих книг об Александре Трифоновиче.

В 28 выпуске нижегородского альманаха «Вертикаль. XXI век» в рубрике «У нас в гостях поэты Сибири» представлены четыре автора, и отдельно – в разделе поэзии – поэтесса из Вологды Нина Груздева, её интервью и стихи.

Словом, литературный процесс так или иначе в больших городах (областных и республиканских центрах) живёт и развивается в своём ареале культурного пространства. Он пережил безвременье и налаживается. Писатели пишут – читатели читают. Но что тревожит: вторых бы побольше...

Наталья ПЕРВОВА

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

В Альметьевском государственном нефтяном институте уделяется большое внимание внеаудиторной работе. Это позволяет раскрыть творческие способности многих студентов. Уже семь лет в АГНИ работает «Литературная гостиная», которая привлекает всё новых и новых студентов – начинающих поэтов и писателей. Замечательно и то, что в «Литературной гостиной» на равных со студентами участвуют и преподаватели.

Раскрытию талантов способствует Республиканский фестиваль студенческого творчества имени Сажида Сулеймановой «Тормыш, исэнме!», который организован АГНИ совместно с Фондом духовного возрождения «Рухият» (ОАО «Татнефть»). Фестиваль проходит раз в два года в стенах института. Произведения всех победителей литературного конкурса печатаются в поэтическом альманахе «Кладовые поэзии».

Члены «Литературной гостиной» участвовали в литературных конкурсах, посвящённых Году литературы и искусства в Татарстане, проведённых Фондом духовного возрождения «Рухият» совместно с Союзом писателей РТ, в фестивалях студенческого творчества им. А. С. Пушкина «С веком наравне...» (г. Москва), «Страна поющего соловья». Их произведения вошли в сборники «Новая литературная волна» и «Подарок детям», изданные Фондом «Рухият». Студенты Алина Хисамеева, Дмитрий Леушин, Ольга Абрамова, Анатолий Решетников стали стипендиатами премии имени Сажида Сулеймановой (2006–2008 гг.).

«Литературная гостиная» пользуется успехом среди студентов. Сегодня её посещают более двадцати начинающих поэтов и прозаиков. Они регулярно встречаются с писателями Альметьевска и Казани. Стихи и проза членов «Литературной гостиной» публикуются в студенческой газете «Вертикаль», в местных газетах и республиканском журнале «Идель».

Минзифа Ахметшина,
руководитель «Литературной гостиной»

Шамиль Гильмутдинов,
доцент кафедры транспорта и хранения нефти и газа АГНИ,
кандидат технических наук

РАЙ В ШАЛАШЕ

Я не верю влюблённой душе,
Пусть хоть кто мне о том заявляет.
С милым может быть рай в шалаше,
Если только метраж позволяет.

Если каменный рядом гараж,
Цвета сочной хрустящей поджарки,

В нём хромированный экипаж
Шестисотой как минимум марки.

Телевизор цветной из страны
Восходящего жёлтого солнца
И ковёр от стены до стены,
И пернатый с французским прононсом.

Дача, мебель, саксонский сервиз,
Благородство седьмого колена.
И вечерний салонный каприз
Сен-Лорана или Пьера Кардена.

Вот тогда уж действительно рай,
И шалаш для любви не помеха.
О былых временах не мечтай,
Если хочешь добиться успеха.

НЕЖНОСТЬ

Тёплым солнечным зайчиком
Я лягу в твою ладонь.
Сожми свои пальцы,
Не выпускай меня.

Тонкой ниткой дождя
Я вплечусь в твои волосы –
Не расплетай меня.

Лёгкой белой снежинкой
Я упаду на плечо,
Ты не сдувай меня.

Помни –
Пока светит солнце,
Идут дожди и метут снега,
Я буду любить тебя...

ПРИЗНАНИЕ

Моё признание в любви,
Как шёпот звёзд, как шум дождя.
Как летней ночью у реки
От ветра шелест тростника.
Как тень от лёгких облаков
И отражение в воде
Луны меж тёмных берегов –
И это всё – одной тебе.

БЕРЕГА

Мне очень жаль, что мы с тобой,
Как берега одной реки.
И на ветру ночной порой
Поют нам песню тростники.

И песня эта так грустна,
Что вновь серебряную нить
Бросает на воду луна,
Чтоб берега соединить.

ЗИМНИЕ ПРОЩАНИЯ

Рыдает март, прощаясь с февралём,
То стелет саваном,
 то вновь бросает в стужу.
И небо проливается дождём,
И солнце улыбается из лужи.

Непостоянна мачеха весна,
Её тепло порою, как насмешка,
Как чаша, не испитая до дна,
Где зло и боль с любовью вперемежку.

Минзифа Ахметшина**МАМА**

Как мне с тобою, мама, хорошо,
Но расставанья близится пора.
Я выросла и встала на крыло,
И улетела птицей из гнезда.

Прости, что улетаю далеко,
Порой не знаю, как твои дела.
Тебе, конечно, мама, нелегко,
Сидеть и ждать, скучая у окна.

Свою судьбу я выбрала сама,
Хотя и шла порою наугад.
Спасибо, мама, добрая моя,
За все советы и за нежный взгляд.

А кто-то за оградой торит путь,
Быть может, он направился к тебе?
Заходит ли к тебе хоть кто-нибудь,
Чтоб справиться о жизни и судьбе?

Не плачь, и я к тебе приеду вновь
И постучу в заветное окно.
Ведь есть у нас нетленная любовь
Ведь мы с тобой – единое одно...

РЯБИНОВАЯ ОСЕНЬ

Отозрела давно земляника с малиной,
Вкус почти позабыт, смыт дождём аромат.
Я иду по тропинке, любуюсь рябиной, –
Как горит её красный осенний наряд.

Бог создал этот мир, как художник картину,
Разделив равномерно на все времена.
Все творенья свои и вот эту рябину,
Светлым символом осени служит она.

И в который уж раз я рябиной люблюсь,
На закате рубинами гроздья горят.
В эти светлые ночи душою волнуюсь,
Ветки алой рябины со мной говорят.

Земляника с малиной давно отозрела,
Вкус почти позабыт, смыт дождём аромат.
Если что-то я в жизни своей не успела,
Мне напомнит об этом рябины наряд.

* * *

Обещала себе кислых яблок не рвать,
Ведь не в радость они, только в горечь.
Яблоку мне, как осколку любви, не собрать,
А в душе остаётся лишь горечь.

Так скажи мне, любовь, в чём ошибка моя,
Отчего я душою страдаю?
Кислых яблок мешок подарила судьба,
Оттого и в подушку рыдаю.

**Диляра Умарова,
студентка гр. 66-71 ФЭУ**

* * *

Вновь луна над морем светит,
В золотом приливе – искры,
И случайно на рассвете
В небе две звезды зависли.

День их гонит: «Прочь из ночи!»,
Тает млечная дорога.
Только каждая так хочет
Там побыть ещё немного.

День приходит так прекрасно,
Свет из ночи разливая.
Вот одна из звёзд погасла,
А за ней ушла другая.

* * *

Ухожу. Нет, скорее, – бегу!
И чему-то уже не случиться!
Без тебя и с тобой не могу,
Мне пора уже определиться.

То ты сеешь сомненья во мне,
То любовь на корню убиваешь.
И по чьей же, простите, вине,
Я страдаю, ну как ты считаешь?

Ты молчишь, улыбаясь в ответ,
И опять во мне всё разжигаешь:
– Что ты снова заладила: – нет! –
Ты же любишь и не представляешь,

Как мы счастливы будем вдвоём,
Как те двое, что в Ветхом Завете!
И гори оно синим огнём,
Если снова сбежишь на рассвете...

ПЕРВОЕ УТРО ВДВОЁМ

— Доброе утро!
— Доброе!
— Ну, как настроение?
— Бодрое.

А тело зефирное нежится,
В лиловых льняных простынях.
А мысли всё держатся
В объятьях его при свечах.

На улице — солнце и ласточки.
Она потихоньку встаёт.
И, игнорируя тапочки,
Босая на кухню идёт.

На цыпочках тихо и медленно,
Как кошка, к нему подойдёт.
И сзади легко, но уверенно
К нему поцелуем прильнёт...

**Дмитрий Леушин,
студент гр. 25-01 ФИМ**

* * *

Я перед вами, девушки, в долгу
На этом или дальнем берегу.

Я перед вами, девушки, в долгу
За каждый жест, очей сиянье,
За наши встречи и прощанья,
Короткие – могу и не могу.

Я перед вами, девушки, в долгу
За труд неоценимый.
За счастье и уют неповторимый,
Минуты передышки на бегу.

Я перед вами, девушки, в долгу
За стрессы, чувств приливы и отливы,
За то, что до сих пор ещё мы живы,
За бесконечность, равную нулю...

ВОЙНА

Как всегда утром Солнце встаёт,
Как всегда ночью в небе Луна.
Но сегодня война. Кому повезёт?
И назавтра – снова война.

Ты погибших в боях – не зови, не придут.
В их глазах – темнота, ночь.
В их сердцах пустота – изъела тоска,
И их души ушли прочь.

Кто их вспомнит теперь?
Кто их память хранит?
У них, может, сын, дочь.
Им теперь всё равно, их душа не болит,
А для них теперь день – ночь.

Снова Солнце встаёт, снова в небе
Луна,
Снова Звёзды зовут в путь.
Но над полем туман и вдали тишина,
Снова горечь теснит грудь.

ПОСМОТРИ

Ты когда-нибудь видела боль?
Это чайка, кричащая в небе,
Это ветер, сломавший стебель,
Это в рану попавшая соль.

Ты когда-нибудь видела грусть?
Это дождь, поливающий душу,
Это всеми забытая Русь.
Ты когда-нибудь видела грусть?

Ты когда-нибудь видела страх?
Это мать, потерявшая сына,
Это где-то внутри льётся кровь.
Нет, ты видела страх!

Скоро кончится эта зима,
Неизбежно исчезнут невзгоды,
Неуверенность выйдет из моды,
Если только захочешь сама.

**Лилия Миннегараева,
студентка гр. 56-61-В**

* * *

Тишина смычком играет.
Всё – по нотам, без души.
И о струнку задевает,
И куда-то всё спешит.

Песнь нелепая, больная,
Сердце рвётся от неё,
Я тебя не вспоминаю,
Я живу твоим огнём.

Я иду вперёд без страха,
И страдая, и любя.
Тишину я ощущаю
Одинокой без тебя.

Я к тебе торила тропы,
Все другие отстраня.
А тропа упёрлась в пропасть.
И не слышишь ты меня.

* * *

Мои звёзды горят для тебя,
Для тебя они ночью сияют.
Необычной красотою маня,
Они в сердце любовь зажигают.

Мои тучи плывут для тебя,
Для тебя они горестно плачут.
Свои слёзы кому-то даря,
Они что-нибудь всё-таки значат.

Мои звёзды горят для тебя.
Я тебе отдаю их навеки,
Чтоб осталась мечта у меня
О любимом моём человеке!

* * *

Устав от скуки, от печали,
Я душу спрячу в листопад,
Чтобы её не растоптали –
Пусть эти строчки невпопад.

А на дворе гуляет осень,
О чём писать поэтам есть,
И пусть меня никто не спросит,
Зачем я душу прячу здесь.

А листопад кружит, мечтая
Окрасить всё в волшебный цвет,
И с каждой нотой замирает,
Зовёт ли кто его иль нет?!

Устав от скуки, от печали,
Я душу спрячу в листопад,
Чтоб листья помнили и знали
Стихи, что были невпопад.

**Александр Голубев,
выпускник**

* * *

* * *

Последние секунды ожидания,
И тронемся, благоволя мольбе.
Я многих оставляю без вниманья,
Даря его за всех других – тебе,
О Боже! Я, наверно, не забуду
Ни твоего тепла и ни любви.
Кто говорит – недостижимо чудо?
Оно у нас с рождения в крови!
И – в прошлом к одиночеству дорога,
По ней я даже не бежал – летел!
Для счастья, в общем, нужно так немного –
Лишь потерять всё то, что ты имел.

По воде, увы, не ходит поезд —
Я готов дорогу проложить,
Да и жизнь свою, как злую повесть,
Рад в карман проводнику вложить.
Души не приемлют расстояний.
Знать себя со временем дают
Птицы самых горестных желаний,
Что сердца горячие клюют.
Отпусти – тебе со мной непросто.
И в пучок сплетая провода,
Знаю, где-то есть чудесный остров,
Только поезд не идёт туда.

**Анатолий Решетников,
студент гр. 15-21 ФИМ**

КОНТРОЛЬ РАЗУМА

Рассказ

У Максима Викторовича, преподавателя философии, была своеобразная манера принимать экзамены. Он запускал студентов по одному, они тянули билет и начинался отсчёт – у студента было десять минут, чтобы продумать ответ и накропать план выступления на черновике.

Петр уверенно подошёл к столу преподавателя, вытащил билет и назвал номер.

– Покажите рукава. – сказал преподаватель с такой интонацией, будто поймал Петра с поличным на шпаргалке.

Петр подчинился.

– Телефон отключён?

– Да, – Пётр держался уверенно.

– Ну-с-с, молодой человек, ваше время пошло, – прогнусавил профессор.

– Если Вы не возражаете, я бы хотел ответить сразу, без подготовки. Я хорошо знаю данный вопрос.

Профессор удивлённо моргнул, потом прищурился.

– Ну ладно. Приступайте, – вкрадчивым тоном сказал он.

Пётр знал, что это плохой признак. После того, как один приятель научил его основам гипноза или «контролю разума», Пётр стал видеть людей насквозь.

Максим Викторович представлял собой архетип геморройного профессора, который ненавидел выскочек и зазнаек. Если бы Пётр в самом деле собирался отвечать на вопрос, то ему пришлось бы туго. Профессор бы просто его растерзал.

Пётр полез в карман и достал пятирублёвую монету.

– Что это вы там достали? – забрюзжал преподаватель.

– Это монета. Во время выступления у меня привычка вертеть что-нибудь в руках – успокаивает. Вы не возражаете?

– Нет, – неохотно сказал профессор, будто у него попросили займы.

Пётр начал перекачивать монету по пальцам. Туда – обратно. Туда – обратно. У него получалось настолько ловко, что даже завораживало. Профессор невольно загляделся на кулак со стремительно перекачивающейся монетой.

– Итак, билет номер четырнадцать, – голос Петра стал монотонным и размеренным. – Философское учение играет большую роль в иерархии наук. И хотя многие считают, что царица наук – математика, это весьма спорное утверждение, ибо именно философия рассматривает...

Пётр нёс откровенную чушь. Но это не имело значения. Профессор уже не воспринимал его слова. Он зафиксировался на «предмете» и уже начал «уходить». Пётр усиливал гипноз, говоря размеренным безжизненным тоном. Что говорить, не имело значения – он мог и перечислять список покупок. Но всё же безопаснее хотя бы приблизительно держаться темы. Если Пётр начнёт говорить откровенную чепуху, то профессор может вырваться из «захвата», созданного предметом. Вероятность невелика, но рисковать не стоит.

Через минуту профессор окончательно впал в транс.

– Слушайте меня, профессор. Вы слышите?

– ...да... – безжизненно ответил он.

– Сейчас я два раза хлопну в ладоши, и Вы уснёте. Но Вы будете слышать всё, что я Вам говорю и будете отвечать. Вы поняли?

– ... да...

Пётр два раза размеренно хлопнул в ладоши. Профессор уронил голову на грудь. Очки сползли на нос, открыв глаза, казавшиеся без них беззащитными.

– После того, как я хлопну три раза в ладоши, вы проснётесь. Проснётесь, уверенные, что получили отличный ответ на все вопросы в билете. Не настолько блестящие, чтобы они вам запомнились, но вполне хорошие, которые заслуживают... – Пётр временно поколебался, – пятёрки. Естественно, что, проснувшись, вы не будете помнить абсолютно ничего из нашего разговора.

Пётр призадумался. Неплохо бы установить «якорь», чтобы потом заново не рисковать и не гипнотизировать его. Конечно, установить «якорь» тоже рискованно – для этого нужно быть очень опытным гипнотизёром. Да ладно...

– Профессор!

– ... да?..

– Вы опять точно так же уснёте, если Вам кто-нибудь скажет...

«Что бы такое придумать, чтобы он, не дай Бог, не услышал это где-нибудь по телевизору. Или кто-нибудь случайно не сказал ему этого...»

– ... эй, как дела, Проф? Привет из Кроатона.

– Вы поняли?

– ... да...

– Вот и отлично, а теперь...

Раз... два... три...

* * *

Вот и настал судный день: экзамен Сатане. Не самому князю тьмы, но не менее грозному заведующему кафедрой физики.

Если на экзамене у Профа студенты выглядели напряжёнными, то сейчас в их рядах царила паника. У первого потока Сатана отобрал все шпаргалки и все телефоны.

Через сорок минут, когда начал выходить первый поток и делиться результатами, в группе воцарилась массовая истерия. Некоторые, надеясь на чудо, схватились за учебники. Некоторые апатично думали о чём-то своём...

Пётр зашёл в аудиторию последним, третьим потоком и ждал, пока они не останутся с Сатаной наедине.

Загипнотизировать Сатану будет особенно приятно. Всегда приятно победить сильного соперника. А в том, что Сатана сильный соперник, Пётр не сомневался. Сильные личности куда труднее поддаются гипнозу, чем всякие мелкие злобствующие людишки, вроде Профа.

Пётр страдал бездельем весь экзамен. От нечего делать он начал рисовать – нарисовал карикатуру на Сатану, в которой изобразил его с витыми, как у барана, рогами и трезубцем в руке. От Сатаны исходили нарисованные волны, которые должны были означать смрад серы. Дорисовав до конца, Пётр усмехнулся и почувствовал на себе взгляд Сатаны. Не нарисованного – настоящего. Тот смотрел на него из-за плеча отвечающего. По спине пробежал неприятный холодок.

Всё-таки классно будет установить контроль над его разумом. Думает, что очень крутой, но ничего – мы-то знаем, кто здесь хозяин положения. Неплохо бы заставить сделать Сатану что-нибудь в трансе. Кудахтать по-куриному или ползать по всей аудитории на карачках. Вот это будет зрелище! А если ещё записать на мобильник...

Пётр согнулся над своим экзаменационным листом и стал изображать активную мозговую деятельность. Даже комично морщил лоб и потирал виски. И чего только не выкинешь ради хорошей оценки!

Наконец Пётр с Сатаной остались один на один.

Час настал. Time to hypnose!

Пётр подошёл с листком к Сатане и сел напротив него. Почему-то в голове студента прозвенел тревожный звоночек, но тот не придавал ему значения – просто нервы шалют.

Пётр, как обычно, достал монету и начал перекачивать её между пальцами, параллельно бубня монотонным голосом какую-то чушь. Сатана начал «уходить», а через минуту окончательно впал в транс.

«Ну надо же – я думал, что будет гораздо сложнее. А Сатана оказался таким же слабаком, как и все». Пётр ощутил что-то вроде разочарования от столь неожиданной и лёгкой победы.

Что ж – зато всё удалось.

– Михаил Павлович? Вы меня слышите?

– ... да...

– Сейчас я два раза хлопну в ладоши, и Вы уснёте, но будете слышать меня и отвечать мне. А когда я хлопну в ладоши три раза, Вы проснётесь и не будете помнить ничего из нашего разговора. Вы готовы?

– ... да...

– Итак... Раз... Два...

Сатана уронил голову на грудь.

– Сейчас Вы услышали хороший ответ на все вопросы в билете и на Ваши дополнительные вопросы, но не запомнили их. Но тем не менее, у Вас осталось самое благоприятное впечатление о моём ответе. Вы поняли?

– ... да...

Ну а теперь настало время веселья!

– И вот ещё что...

Пётр подошёл к двери и закрыл её изнутри на ключ. Вернулся к Сатане.

– ...сейчас Вы встанете на четвереньки... – Пётр достал мобильник из внутреннего кармана пиджака, – ... и будете кудахтать, как петух.

– Ну уж хрен!!!

От неожиданности Пётр выронил телефон. Отвлекаясь на телефон, он не заметил резкую перемену в состоянии Сатаны.

– ... ч-ч-что? Вы же в транс? Вы должны выполнять команды! Спать!..

– Хороша была попытка, засранец!

– Спать! – стоял на своём Пётр. Он опять вытащил монету и начал перекачивать её с бешеной скоростью, но Сатана даже не смотрел на неё.

– Уймись! Сейчас мы с Вами серьёзно поговорим... Неужели Вы думали, что будете водить всех за нос? Учиться на одни тройки три семестра, а на экзаменах получать одни пятёрки? Для начала хотя бы перебивался с троек на четвёрки, а уж потом начал борзеть, – Сатана усмехнулся и продолжил. – Вы хотя бы осознаёте, насколько серьёзно Ваше положение? Если заведут уголовное дело, то Вы сядете на очень приличный срок.

Пётр поморщился.

– Фигня. Никто ничего не сможет доказать. Они ничего не помнят. Никто...

– Так. А теперь скажите честно, Вы применяли свои «таланты» за пределами университета?

– Не Ваше дело, – фыркнул Пётр. – Никто ничего не докажет!

– Зря Вы так думаете. Любой нанятый гипнотизёр заставит жертву вспомнить, что её загипнотизировали.

– Да ну Вас к чёрту. Что Вы мне сделаете? Я уже по-любому вылетаю из университета. Отмазка от армии у меня есть. Так что поступлю в другой универ, где буду жить на полную катушку. Так что – отвалите со своими дешёвыми лекциями.

– Вижу – разговора у нас не получится. А жаль... Знаете, с Вашими способностями к гипнозу Вам следует лучше знать людей. Есть поговорка: кто к нам с мечом придёт – тот от меча и погибнет...

У Петра расширились глаза.

– Эй, Вы чего... Вы что делаете...

Неожиданно Пётр обнаружил, что никак не может оторвать взгляда от огромных, словно заполнивших весь этот мир бездонных глаз Сатаны.

* * *

Пётр понял, что нашёл своё призвание в жизни. Он пошёл в ближайший призывной пункт и попросил, чтобы его забрали в армию. Комиссия от шока потеряла дар речи – такого в их практике никогда не происходило. Тем не менее, они удовлетворили просьбу Петра. Он прошёл медкомиссию и ушёл в армию. В стройбат. Он сам туда попросился.

Пётр и сам не понимал, как он раньше мог учиться. Торчать на скучных лекциях, целыми днями сидеть над учебниками во время сессии. Б-р-р! Видимость жизни, а на самом деле – простое существование. Не то что здесь, где настоящая жизнь.

Хорошо, что он вовремя одумался на экзамене по физике. Просто встал и ушёл с экзамена. Преподаватель пожелал ему вслед удачи. Как-то он его про себя смешно называл. Как? Демон, что ли? Пётр не помнил. Чёрт, да какая разница.

Петру открылся смысл жизни. После стройбата он пойдёт в дворники.

ИВЫ НАД РЕКОЮ

Автор этой книги старше меня всего лишь на четыре года. Но между его сорок первым и моим сорок пятым пролегла Великая Отечественная война.

Мне-то повезло. Мой батя после двух ранений вернулся с фронта в родное село ещё до Победы, и детство моё было счастливым. А его отец сложил свою голову в боях с фашистами, потом и мать умерла, оставив десятилетнего Кольку круглым сиротой. Такая вот между нами разница...

Иногда мы собираемся вместе у нашего общего школьного учителя Юрия Ивановича Корнева (дай Бог ему здоровья!), проживающего, как и я, в Набережных Челнах, любящего, как и мы, поэзию. И вспоминаем ещё одну безотцовщину, ещё одного Николая – великого русского поэта Рубцова. И, еле сдерживая слёзы, слушаем, как мой нижекамский тёзка проникновенно декламирует любимые строки:

*Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, –
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонёк.*

— Понимаешь, – горячится он, – в поле огонёк – помню, ивы над рекою – помню, а холодную тоску – не помню, пустой желудок – не помню! Это же обо мне, о том, почему мы – такие – выжили, не озлобились, остались людьми. Горжусь, что Рубцов – Николай Михайлович, и я, Матвеев, – тоже Николай Михайлович...

Многая лета тебе, Матвеев Николай Михайлович! Спасибо, что ты есть – и не где-нибудь, а на нашей родной прикамской земле, которую исходил вдоль и поперёк с рыбацкими снастями и с заветной тетрадкой в рюкзаке.

Таких тетрадочек у тебя уже немало — с бесхитростными и невыдуманными рассказами, с трудными раздумьями о родной природе, о своих путешествиях по России, о судьбах наших отцов и о наших судьбах. И как не радоваться тому, что рукописи твои превращаются в добрые и умные книги, необходимые и нам, ныне пожилым, и, особенно, молодёжи, для воспитания которой ты уже многое сделал. За твоими плечами — учёная степень кандидата педагогических наук и звание доцента, многие и многие годы преподавания высшей математики в Нижнекамском химико-технологическом институте. Вот и в книгах своих ты говоришь о самом главном — о том, что надо помнить не трудности и тяготы, а «ивы над рекою и запоздалый в поле огонёк». Таков твой добрый и светлый след на земле. Храни тебя Господь!

Николай АЛЕШКОВ

НОЧНАЯ СХВАТКА

Люблю я рыбалку с берега. Забросишь донки с лакомой насадкой, повесишь на лески колокольчики и ждёшь всякий раз какого-то чуда. Иногда на кусочки свежей маленькой рыбки попадают судачки. Их излюбленное время клёва — вечерняя и утренняя зорька. Видимо, в сумеречное время эта рыба несколько теряет остроту зрения, осторожность и хватает насадку вместе с коварным крючком. Жаль только, что с каждым годом судачков становится всё меньше и меньше: хиреют рыбные запасы Камы. Однако «надежды юношей питают», и люди, с детства заражённые рыболовной страстью, каждый раз с волнением в груди подходят к водоёму.

Вот и на этот раз меня вновь забросило на противоположный берег Камы в районе Сентяка. Засветло снарядил я свои «закидушки» и начал ходить по берегу в поисках разнообразного плавника для ночного костра. Из-за горы мне не было видно, что происходит в юго-западной части неба, но я почувствовал, что оттуда потянуло свежим ветром. Невероятно быстро собрался и застучал по камням дождь, который скоро перешёл в настоящий летний ливень.

Главной моей задачей на берегу стало сохранение костра. Я подбрасывал в него самые крупные валежины, а сам крутился вокруг огня, чтобы согреться и просушить одежду. Надо мной грохотало и сверкало грозовое небо. Летний ливень, как правило, не бывает долгим. И на этот раз он постепенно стих.

Я решил пройтись по берегу с ревизией. Фонарика у меня не было, в потёмках пришлось действовать на ощупь. На всех трёх «закидушках» колокольчики были на месте. Однако, присмотревшись к последней, я заметил, что её леска странно вытянулась. Сначала подумал, что её зацепила какая-то коряга, плывущая по воде. Решив проверить, начал выбирать леску. Она поддавалась, но с большим трудом. Не спеша, с остановками я приближал груз к берегу. И вдруг метрах в десяти услышал всплеск от удара по воде хвостом большой рыбы. По характерным толчкам, передающимся по леске, понял, что на крючке находится сом и начал готовиться к схватке.

Применять особые усилия я опасался. Неясно было, в каком месте могла оборваться леска. А сом уже в пяти метрах от берега всплывал на поверхность и громко бил хвостом о воду. В темноте он казался очень большим. Я сделал

множество попыток сдвинуть с мёртвой точки зацепившийся за что-то груз, но всё было тщетно.

Основательно промучившись, решил привязать леску, находящуюся в руках, к чему-нибудь на берегу. Вначале хотел обмотать ею большущий камень, но передумал. Такая жёсткая привязка могла сому помочь оборвать леску. Выбрал жиденький тополёк, росший неподалёку. Деревце пружинило при резких толчках, и леска оставалась целой. Сом теперь оказался как бы на поводке, закреплённом с двух сторон: в воде и на берегу. Лишившись большей части своей свободы, он временами буйствовал, поднимая фонтаны брызг, а порой затихал вовсе, давая себе передышку.

С колотящимся сердцем я ходил по берегу в ожидании рассвета, до которого, чувствовалось, было ещё далеко. Примерно через каждые полчаса любопытство гнало меня к леске на топольке, чтобы вновь и вновь убедиться, что сом на месте. В очередной раз я заметил, что деревце сильно согнулось, а из земли показались корни. Для страховки я перекинул леску ещё и на следующее деревце: сразу два тополя не сможет вырвать и лохнесское чудовище.

Тем не менее сом наращивал усилия. В какие-то моменты я был готов разом покончить со всеми мучениями, чиркнуть по леске остриём ножа и навсегда распрощаться с непойманным сомом. Удерживало то, что утром за мной должен был приехать сын. Думал: вот буду я ему в красках описывать нашу схватку, а он и не поверит. Тем временем рассвело. Леска как-то странно повисла и значительно сместилась в сторону. Я вздрогнул, неужто сом оборвал её и уплыл? Но гигант был на месте. Более того, он сумел рывком сдвинуть мой закидушечный груз, и зацепа в воде не стало.

При дневном свете я решил вытянуть сома на берег. И уже подтянул его метра на два, когда увидел приближающуюся моторку. Это был мой долгожданный помощник – сын, в лодке он находился вместе с матерью. Когда причалили, я попросил сына помочь мне вытащить сома. Оба они рассмеялись, приняв слова за шутку. Тогда я снова потянул за леску, и пленник с ног до головы окатил нас брызгами воды. Подоспевшие помощники, схватив, как по команде, по веслу, бросились к берегу, словно предстояло побоище с динозавром.

Я манёвром подвёл сома к берегу. Он резко рванул в сторону и оборвал поводок. Однако сын успел подхватить его сачком, а мать бросилась в сторону, приняв усатую рыбину за морского дьявола. Когда добычу рассмотрели и взвесили, оказалось, что метровый сом вытянул на 6 килограммов.

«ШВЕДСКИЙ СТОЛ» НА ДВОИХ

Рыбалку с лодки я не очень люблю. Мне больше нравится забрасывать удочку или закидушку с берега и постоянно чувствовать ногами земную твердь. Тем не менее иногда выплываю на старенькой резиновой лодке на середину какого-нибудь озера и караулю там окуней, линей и сорожек. Вот и на этот раз я отплыл от берега Пионерского озера и бросил якорь в самом глубоком месте. Клевало плохо. Я менял время от времени насадку, подбирая самую лакомую для капризной рыбки. С воды приятно разглядывать берега, любоваться живо-

писным лесом со стороны Красного Ключа, отдалёнными в синеватом мареве кручами на противоположном берегу Камы и красивыми домиками пробудиловских садоводов.

Неожиданно я заметил приближающийся к лодке длинный след на воде, тянувшийся со стороны леса. Как и подумалось, это был уж – отменный пловец. Плавают ужи удивительно легко и просто, как, впрочем, и ползают тоже: извиваясь всем телом и особенно чудным хвостом. Когда уж плывёт, головёнку он держит горизонтально, подняв чуть-чуть над водой то ли на уровне шеи, то ли на части туловища. При этом хвост заменяет ему и мотор, и вёсла, и плавники, и руль. Удивительное создание мудрой природы! «Минует лодку или заплывёт в гости?» – мелькнуло у меня в голове. Уж был совсем рядом и, коснувшись низкого бортика, мастерски вполз в мою лодчонку. Некоторое время он поласкал меня своими глазёнками, как бы гадая: выдворяться ему или нет. Не заметив в моей позе ничего угрожающего и агрессивного, уж принялся, как положено в гостях, за трапезу. Он быстро слизал ползающих по сырому дну лодки нескольких дождевых червей, подобрал парочку слизней, приготовленных мною для насадки на крючок, и затем вопросительно посмотрел в мою сторону. Я насыпал на дно лодки немного перловой каши, сдобренной анисом и подсолнечным маслом. После этого, немножко понежившись, он подполз к моей руке и ласково коснулся её своим тёплым тельцем. Я как давнего знакомого погладил его. Будь у ужа руки, думаю, он бы крепко пожал мою руку в знак благодарности за короткий отдых, за «шведский стол», за радушие и гостеприимство. Уж пристально, не моргая, поглядел мне прямо в глаза, всем видом своим выражая удовольствие. Затем он тихонько сполз в воду и опять поплыл в сторону пробудиловских дач. А я, любуясь, всё смотрел ему вслед. Вскоре я заметил ещё один след на воде, идущий со стороны леса. Всё было так же: те же естественные бесшумные движения, в такой же позе такая же голова с характерной жёлтой полоской на ней и тот же маршрут. Я стал уже готовиться к приёму ещё одного гостя. Но что это: уж по дуге стал огибать моё утлое судёнышко, подчёркивая, что не нуждается в отдыхе. И действительно, он так и поступил: не причаливая к моему борту, он, извиваясь, поплыл дальше. Я же задумался: почему этот уж повёл себя по-другому? Возможно, он ошибочно принял меня за врага. А может быть, в отличие от первого, он был сыт и не нуждался в промежуточном отдыхе и соблазнительной трапезе. Однако это лишь мои догадки. Истинную причину такого поведения знает только сам уж. Как и в первом случае я, долго любуясь, проводил его глазами до самого берега.

Наши авторы

АЛЕКСАНДРОВ Геннадий Николаевич родился в 1956 году в слободе Михайловка Курской области. Окончил литфак Курского государственного пединститута (1978 г.), после службы в Советской Армии работал учителем в сельских школах, редактором районной и городских газет в г. Железнодорожской Курской области.

Автор шести книг художественной и документальной прозы, изданных в Курске, Орле, Железнодорожской. Член Союза писателей РФ с 2001 года. Главный редактор альманаха «Автограф», член правления Курского отделения СП РФ.

Живёт в г. Железнодорожской, является заместителем главы администрации Железнодорожского района по социальным вопросам.

ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук. Специалист в области русской литературы 40-х-60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году – книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году – сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году – «Осень с дыханьем весны».

Член Союза российских писателей.

В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

ИШМУХАМЕТОВ Наиль Радикович – поэт, прозаик, переводчик татарской прозы и поэзии. Родился в 1964 году в городе Магнитогорске. В 1987 году закончил Магнитогорский горно-металлургический институт им. Г. И. Носова по специальности

инженер-электрик. Трудовую деятельность начал в том же году на Магнитогорском металлургическом комбинате в цехе горячей прокатки. В 1994 году переехал на постоянное место жительства в г. Казань. В настоящее время работает инженером-электронщиком в полиграфическо-издательском комплексе «Идел-Пресс».

Лауреат премии им. Марка Зарецкого (2004), победитель конкурса поэтического перевода «Казанский форум – 2004», участник семинара писателей и переводчиков Поволжья в 2007 году, полуфиналист (лонг-лист) поэтического конкурса «Заблудившийся трамвай» в 2007, 2008, 2009 гг. Стихи, рассказы и переводы печатались в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Север», «Казанский альманах», «Идель», «Казань». Член Союза писателей Республики Татарстан.

КОРНЕВ Юрий Иванович родился в 1932 году в деревне Колтымак Алнашского района Удмуртской АССР.

В 1954 году окончил Казанский государственный университет, затем пять лет трудился по распределению в одной из сельских школ Татарии. С 1959 года и по настоящее время работает в средней школе № 1 города Набережные Челны (10 лет завучем, 25 – директором, с 1994 года – учителем географии). Заслуженный учитель школ ТАССР, отличник просвещения СССР, отличник народного образования РСФСР, почётный гражданин города Набережные Челны.

КРАСИЛЬНИКОВ Николай Николаевич родился в 1948 году в Ташкенте. Служил в рядах Советской Армии в Германии. Окончил Среднеазиатский педагогический институт русского языка и литературы им. А. С. Пушкина. Был главным редактором журнала «Звезда Востока», после переезда в Москву (2000 г.) – главным редактором журнала «Охотник». Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Воин России», «Арион» и других. Автор многих книг стихов и прозы для детей и взрослых. Отдельные произведения писателя переведены на иностранные языки. Лауреат ряда литературных премий.

Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

КУЗНЕЧИХИН Сергей Данилович родился 14 июля 1946 года в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом перебрался в Красноярск. За двадцать лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки.

Выпустил шесть поэтических сборников и четыре книги прозы.

Печатался в «Литературной газете», в журналах: «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дети Ра» и др.

МАТВЕЕВ Николай Михайлович родился в 1941 году в д. Иванеевка Альметьевского района ТАССР. С десяти лет живёт без родителей. Окончил среднюю школу в с. Кузайкино с золотой медалью и механико-математический факультет КГУ с отличием, имеет учёную степень кандидата педагогических наук и учёное звание доцента. Два года преподавал русский язык и литературу в восьмилетней школе и 33 года – высшую математику в НХТИ. Постоянно проживает в Нижнекамске с 1968 года.

Пишет стихи и прозу, публикуется в газетах г. Нижнекамска.

МЕТС Арво Антонович (1937–2007 гг.) родился в Таллинне. Окончил Ленинградский библиотечный институт, Литературный институт им. А. М. Горького. В 1975–1991 годах работал в отделе поэзии журнала «Новый мир». Руководил литературным клубом «На Таганке».

Стихи Арво Метса публиковались в ведущих литературных журналах России, переводились на иностранные языки. При жизни вышли четыре книги. Посмертное издание 2006 года представляет собой наиболее полное собрание текстов поэта.

Неоднократно приезжал в Набережные Челны в составе творческой делегации от журнала «Новый мир». Был составителем и редактором первого коллективного сборника стихов поэтов КамАЗа «Лебеди над Челнами» (1981 год).

МЕТС Наталья Ниловна родилась в 1942 году в эвакуации в Ереване. После войны семья вернулась в Москву. Н. Н. Метс окончила Центральную музыкальную школу с расширенным гуманитарным образованием по классу арфы, затем Московский институт электронного машиностроения. Работала инженером-программистом в НИИ. В 1971 году вышла замуж за поэта Арво Метса. Имеет двух сыновей и внуку.

МУСТАФИН Рафаэль Ахметович, литературовед, критик, публицист, родился в 1931 году в г. Бавлы ТАССР. В 1954 году окончил историко-филологический факультет КГУ. Работал учителем средней школы, журналистом городской и районной газеты, собкором газеты «Литература и жизнь», главным редактором художественных программ Казанской студии телевидения. В 1963 году был избран членом правления и ответственным секретарём Союза писателей Татарстана.

Позднее работал преподавателем на кафедре журналистики КГУ, главным редактором республиканских журналов «Казан утлары» и «Татарстан». В настоящее время редактор отдела того же журнала «Татарстан». Регулярно печатается с 1953 года. Автор проблемных статей и рецензий о современной татарской литературе. Центральная тема творчества – жизнь и творчество поэта-героя Мусы Джалиля. Мустафиным написано более десятка книг о разных сторонах жизни поэта. Эти книги переведены на многие языки и вышли общим тиражом более миллиона экземпляров.

НЕДОВИЗИЙ Галина Михайловна родилась в 1956 году в г. Коркино Челябинской области. В 1978 году окончила художественно-графический факультет Магнитогорского пединститута. Выставочную деятельность начала в 1980 году, работая преподавателем живописи, композиции и рисунка на худграфе Новосибирского педагогического института. С 1986 года живёт в Набережных Челнах, куда она приехала в качестве преподавателя открывшегося в пединституте худграфа. Член союза художников России и Татарстана. Участник международных, российских, зональных, республиканских и городских выставок. Персональные выставки прошли в Казани, Набережных Челнах, Елабуге, Париже. Работы приобретены музеем ИЗО РТ (г. Казань), Набережночелнинской картинной галереей. Частные коллекции в странах: Россия, Швеция, Словения, Франция, Болгария, Италия.

ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце, в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем – на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

ПОЛЯКОВА Лариса Львовна родилась 24 декабря 1930 года в Днепропетровске (Украина). Окончила филфак Днепропетровского госуниверситета. Успешно владеет несколькими профессиями: педагога, музейщика, журналиста, искусствоведа. В 1962 году вступила в Союз журналистов СССР. Сотрудничала с рядом областных и районных газет. С 1982 года перешла на музейную работу. Автор книг: «Юрьевец» (Ярославль, 1984); «Зодчие братья Веснины» (Ярославль, 1987), «Галина Недовизий. Этюды к творческому портрету» (Казань, 2009). С 1986 года живёт в Набережных Челнах. Лауреат журналистской премии им. Дм. Фурманова (г. Иваново) и литературно-краеведческой премии им. Эд. Касимова (г. Набережные Челны).

РАЧКОВ Николай Борисович родился 23 сентября 1941 года в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области, закончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута, работал учителем сельской школы, редактором многотиражки. С 1987 года живёт в городе Тосно Ленинградской области. Стихи пишет со школьной скамьи, печататься начал в 1957 году. Его книги издавались в Нижнем Новгороде, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Арзамасе, стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Наш современник», «Москва», «Нива», «Аврора», «Русская провинция» и других, в газетах «Литера-

турная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Лауреат литературных премий: «Ладога» имени А. Прокофьева, имени А. Твардовского, Большой литературной премии России, имени святого князя Александра Невского и других. Секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РОЩЕКТАЕВ Андрей Владимирович родился в 1976 году в Казани в семье известного поэта Владимира Рошкетая. Окончил исторический факультет и аспирантуру Казанского государственного университета. Кандидат исторических наук, член Союза российских писателей. Работает историком и экскурсоводом при Казанской епархии.

Автор ряда монографий и статей по истории православных монастырей и храмов, а также нескольких художественных произведений, лучшим из которых сам считает повесть «Рай и ад». Все опубликованные книги изданы в Казани: «Последняя зима» (2000), «Рай и ад» (2001, второе издание – 2004), «История Свято-Успенского Зилантова монастыря Казани» (2004), «Путеводитель по святым обителям Казанской епархии» (2006), «По святым местам Поволжья» (2007), «Великие церкви малых городов» (2008), «В гости к святым» (2008).

САДЫКОВ Халил Кадымович родился 24 сентября 1936 года в селе Яланкуль Большерецкого района Омской области. Богатая природа воспитала в нём любовь к малой родине.

Халил Кадымович окончил экономический факультет Омского сельскохозяйственного института. Работал главным экономистом совхоза, а потом главным экономистом Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства (СибНИИСХоз). С 1992 года по 2007 год являлся руководителем татарского национального движения Омской области. Многофункциональная «Региональная татарская национально-культурная автономия» Омской области в 2002 году во многом благодаря его усилиям завоевала первое место по России, получила диплом, медаль лидера и первую премию.

САЛЬТИНА Марина Генриховна родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина и режиссёрский факультет ГИТИСа им. А. В. Луначарского (курс профессора М. О. Кнебель). Режиссер-постановщик, актриса, педагог, писатель. Доцент кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). Член Союза театралов и Московского объединения Союза литераторов России. Рассказы публикуются в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», газете «Нойес лебен». Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы» и другие рассказы» и «Поезда на Монтеррей» (издательство «Голос Пресс»).

СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич – член Союза писателей России, известный русский поэт, секретарь правления Союза писателей России. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Российский развилочник», «Соколки русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх», «Аргуван» и др. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова. Лауреат Большой литературной премии России. Лауреат Международной премии «Золотое перо» и т.д. Живет в городе Новокуйбышевске Самарской области.

ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился в 1950 году на Кубани, в станице Староникитинской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках. Работал в журнале «Пограничник», в газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России.

Автор многих книг, в том числе «Где спит казачья слава», «Не для меня придёт весна...», «В поисках града Тмутаракань. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте» и других.

Составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», а также книг «Кубанские пословицы» и «Кубанские песни. С точки зрения поэтической».

Живёт в Москве.

УСТЮЖАНИН Андрей Анатольевич, дизайнер, художник-фотограф, родился 11 октября 1957 года в городе Реж Свердловской области. В 1983 году закончил Свердловский архитектурный институт. Получил распределение на КамАЗ, в Отдел главного архитектора. В настоящее время живёт и работает в городе Набережные Челны. До недавнего времени – вольный художник. Основные направления деятельности – мультимедиа-презентации, веб-дизайн, телевизионная и полиграфическая реклама, экспо-дизайн. С 2008 года также преподаёт компьютерную графику в Детской художественной школе.

Увлечения – теннис, яхты (построил три парусных яхты, две из них – по собственным проектам). Любит путешествовать. Женат, двое детей.

ШЛЫКОВ Андрей Геннадиевич родился в 1955 году в городе Малмыж Кировской области, что на Вятке. К фотографии приобщился после того, как на день рождения получил от отца в подарок фотокамеру «Весна». По окончании средней школы поступил в Ленинградский государственный университет имени Жданова, на факультет геологии.

Проработав в геологии до 1988 года, вернулся к своему первому увлечению, став профессиональным фотографом. Работал в кинофотолаборатории

завода «КАМАЗ», сотрудничество с региональными газетами, журналами, рекламными агентствами. В 1996 году создал дизайнерскую группу АССА, занимающуюся полиграфической рекламой, в которой работает и сейчас.

Основные «привязанности» – пейзаж, жанровый портрет, фотосъемка природы.

ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодежной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана.

Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже и в Москве – в издательствах «Современник», «Советский писатель», «Современный писатель», «Мысль», «Голос-пресс».

Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С. Т. Аксакова и его сыновей: И. С. Аксакова и К. С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии.

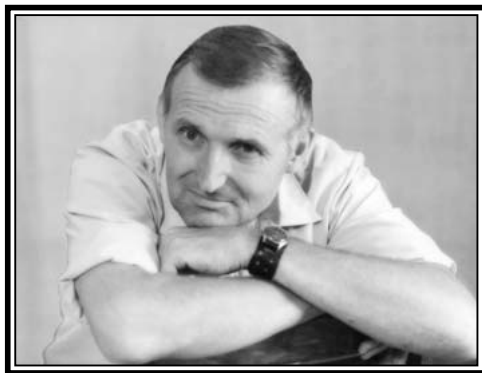
Возглавляет Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда, музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С. Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов.

В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы — русские? Всего мира Надежда и Утешение». С 2009 г. — почётный гражданин г. Уфы.

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

«Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы можно было к ней подготовиться». Умозрительность этой сентенции всякий раз взрывается осознанием того, что тот, кто ещё вчера был рядом, стал вдруг недостижим. Совсем. Навсегда. Не позвонить, не написать, не рассказать и не спросить.

Утро 13-го апреля. Татарстанское отделение Союза российских писателей. Открывается дверь, и за улыбкой, разом заполнившей пространство кабинета, следует лёгкий полупоклон и затем раздаётся негромкий голос Петра Борисовича Прихожана: «Здравствуйте!». И вот он сам – неизменно одетый во что-то светлое, опрятный, подтянутый (сложно поверить, что в феврале отметил свой семидесятилетний юбилей!) и с абсолютно ясными глазами, которые достаются лишь детям, мудрецам и людям с чистыми душами.

Вечером следующего дня Пётр Борисович Прихожан читал свои стихи в елабужском Доме-музее И. И. Шишкина. Одно из сотен его выступлений, на просьбы о которых он, большой, признанный поэт, без тени кичливости и занайства всегда охотно откликался, будь то школьный актовый зал или представительный литературный форум, стало последним. Сердце остановилось на полустрочке. Уже ненужная суэта задохнувшейся от ужаса аудитории, напрасные усилия бригады мгновенно подоспевшей «скорой»...

Строитель, за плечами которого великие стройки Сибири, Атоммаш, КАМАЗ, и поэт, оставивший ценное литературное наследие, и по первому, и по второму призванию – созидатель, он прожил такую щедрую и честную жизнь, какую дай Бог прожить каждому. В неумолкающем ритме Набережных Челнов – города, который он строил и в котором мы живём, – биение его сердца, в строках написанных им стихотворений и поэм – его дыхание. Его продолжение – в двух его сыновьях, которые выросли достойными людьми. Ему – наша светлая память...

Петр Борисович оставил после себя богатое литературное наследие. Некоторые его поэмы и стихи ещё не прочитаны. Наша задача – подготовить всё это к изданию отдельной книгой. В следующем номере альманаха «Аргаташ. Татарстан» мы осуществим первую посмертную публикацию стихов Петра Прихожана, написанных им в последние годы.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЕ

ХРОНИКА ЭТОГО ГОДА.....	3
-------------------------	---

НА ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

РАФАЭЛЬ МУСТАФИН	
ДРЕВНИЙ БУЛГАР	10
АНДРЕЙ РОЩЕКТАЕВ	
СВИЯЖСК	16

К ЮБИЛЕЮ РЕСПУБЛИКИ

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	31
-------------------------------------	----

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НАИЛЬ ИШМУХАМЕТОВ	
НЕ ТОРОПИСЬ, ИДУЩИЙ ЧЕЛОВЕК.....	34

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ	
КОЛОКОЛА МИХАИЛА ЧВАНОВА.....	42

ГОД РОССИИ ВО ФРАНЦИИ

МИХАИЛ ЧВАНОВ	
«УВИДЕТЬ ПАРИЖ — И УМЕРЕТЫ!», ИЛИ ПОВЕСТЬ О ДМИТРИИ ДОНСКОМ — ПОТОМКЕ ФРАНЦУЗСКИХ КРЕСТОНОСЦЕВ	49
МАРИНА САЛЬТИНА	
ГОЛУБЫЕ ВАСИЛЬКИ	94

ИМЯ В ПОЭЗИИ

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА	
АПРЕЛЬСКИЙ ВЕТЕР	97
ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ	
ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ.....	109
НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ	
ЗВЁЗДНАЯ СОЛЬ	119
СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН	
РОМАНС ДЛЯ МУЖСКОГО ГОЛОСА.....	127

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВ	
ЗАБЫТЫЙ КРАЙ — РОДИНА.....	136

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ — 65

ХАЛИЛ САДЫКОВ	
ДАЛЕКО ОТ ВОЙНЫ	148

«АРГАМАК»-ПАМЯТЬ**НАТАЛЬЯ МЕТС**

ПУТЬ ЕГО БЫЛ СВЕТЕЛ.....156

АРВО МЕТС

ИЗ КНИГИ «В ОСЕННИХ ЛЕСАХ».....170

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ**ПЁТР ТКАЧЕНКО**

У ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЫ.....176

К ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ**ЛАРИСА ПОЛЯКОВА**

«СТАРАЯ КАЗАНЬ» ГАЛИНЫ НЕДОВИЗИЙ.....193

ПРОДОЛЖАЕМ ПОЛЕМИКУ**НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ**

В ЗАЩИТУ ПОСЛОВИЦЫ202

ГОД УЧИТЕЛЯ**ЮРИЙ КОРНЕВ**

ЗАПИСКИ «ПОЖИЛОГО» УЧИТЕЛЯ208

НЕФОРМАТ**ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ**

ЖИЗНЬ ПО ПОНЯТИЯМ. ГЛОССАРИЙ.....217

ИЗДАНО В РОССИИ**НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА**.....221**ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»****ШАМИЛЬ ГИЛЬМУТДИНОВ.**226**МИНЗИФА АХМЕТШИНА.**228**ДИЛЯРА УМАРОВА.**229**ДМИТРИЙ ЛЕУШИН.**230**ЛИЛИЯ МИННЕГАРАЕВА.**231**АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ.**232**АНАТОЛИЙ РЕШЕТНИКОВ.**.....232**РЫБАК – РЫБАКУ****НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ**

ИВЫ НАД РЕКОЮ237

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ

НОЧНАЯ СХВАТКА.....238

«ШВЕДСКИЙ СТОЛ» НА ДВОИХ.....239

НАШИ АВТОРЫ241**ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА:** «БУЛГАР» – ФОТО АНДРЕЯ ШЛЫКОВА

«СВИЯЖСК» – ФОТО АНДРЕЯ УСТЮЖАНИНА

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: «СТАРАЯ КАЗАНЬ». ЖИВОПИСЬ ГАЛИНЫ НЕДОВИЗИЙ

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргамак-Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**, тел. **(8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19**.

Представительство в Москве: **8-965-359-84-54**

Литературно-художественное издание

Аргамак—Татарстан

Подписано в печать 25.05.2010 г.

Формат 70х100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 21,38. Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

СВІАЖСК

ИХ ЛАС КҮНЭЛДЭН • ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К ДУХОВНОСТИ

